

В.В. ПОКШИЦЕВСКИЙ

ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ

В. В. ПОКШИШЕВСКИЙ

ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ

(историко-географические очерки)

Под редакцией В. А. Кротова

ИРКУТСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1951

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	6
Глава I. Предпосылки первоначального движения русских в Сибирь	23
Глава II. Заселение Сибири в XVII и начале XVIII века	31
Глава III. Сдвиги в географии коренного населения Сибири в XVI—XVIII веках	79
Глава IV. Заселение Сибири в XVIII и в первой половине XIX века	99
Глава V. Общие условия массовых переселений в Сибирь в период развития капитализма	125
Глава VI. Пореформенные переселения в Сибирь	139
Вместо заключения	196
Указатель географических имён	203

Редактор Н. И. Креминтцер
Техн. редактор Т. М. Трушкина
Обложка художника В. Болдина
Корректор Н. Соколова

Сдано в набор 18 декабря 1950 г. Подп. к печати 15 июня 1951 г.
Печ. л. 13. Уч.-изд. л. 15,3. Бумага 60×92/16. Тираж 5000. Заказ № 2552.
НЕ 05214. Цена книги 5 р. 35 к.

Отпечатано в 12-В тип. треста Росполиграфпром,
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11.

ОТ АВТОРА

Наш народ справедливо гордится великими географическими и трудовыми подвигами своих предков, открывших, заселивших и хозяйственно освоивших просторы Сибири, равные по величине целому континенту. Начав своё движение за Урал в конце XVI века, русские землепроходцы—казаки, промышленные и служилые люди—через полсотни лет уже оказались на берегах Тихого океана. Мировая история географических открытий и колонизации не знает подобных темпов. В последующие столетия происходит активный процесс заселения Сибири, сопровождающийся хозяйственным освоением её земель. К моменту реформы 1861 г. пришлое из-за Урала население Сибири с его потомством достигло уже 2 млн. чел.; за период капиталистического развития (1861—1917) приток населения значительно возрос, и русское население Сибири достигло почти 10 млн. чел.

Эта эпопея, беспрецедентная в мировой истории географических миграций населения, естественно привлекала внимание многих исследователей. В советское время ценные исследования были выполнены С. В. Бахрушиным, А. И. Андреевым, В. И. Шунковым, В. Н. Шерстобоевым и другими историками. В ходе этих исследований был не только привлечён обширный новый фактический материал, но и во многом пересмотрены взгляды на движущие силы и сам ход колонизации Сибири, которые сложились раньше, в период господства в русской исторической науке буржуазно-дворянской или народнической идеологии (начиная от Миллера и Словцова и кончая Соловьёвым, Ключевским или Оглоблиным).

Среди работ, представляющих интерес с точки зрения нашей темы, мы всё время сталкиваемся с работами исторического характера и почти не встречаем работ географического характера. Лишь по истории самих географических открытий в Сибири есть несколько важных работ, написанных географами (акад. Л. С. Бергом, М. С. Боднарским, Д. М. Лебедевым и некоторыми другими). А между тем несомненно, что заселение Сибири, уже в силу тех огромных географических последствий, которые оно имело (превращение «территории» в «страну»), может и должно быть исследовано и с географической точки зрения.

Предлагаемая книжка является попыткой нарисовать общую картину заселения Сибири и хозяйственного развития этого края. Автор подходит к своей теме не как историк, а как представитель

исторической географии. Изучая географические передвижки, миграции населения, приводившие к оседанию в Сибири всё новых и новых переселенцев и к хозяйственному освоению её территории, он считал необходимым рассматривать эти миграции населения на каждом их историческом этапе в связи с хозяйственной деятельностью самих людей, заселявших Сибирь. Изучение исторической географии населения может стоять на прочной научной базе только в том случае, если в ходе этого изучения будет раскрыт весьма широкий круг географических связей колонизационного процесса. В частности, автор считал необходимым дать применительно к каждому этапу заселения оценку природных условий для хозяйственной деятельности, выявить результаты воздействия этой деятельности на географическую среду; осветить процесс расселения в зависимости от хозяйственных и транспортно-географических условий; установить влияние процесса колонизации на развитие товарно-рыночных отношений, наконец, вскрыть связь двух «полюсов» колонизационного процесса — полюса выселения и полюса вселения, оседания переселенческих контингентов.

Предпосылкой для подобного широкого историко-географического анализа, разумеется, является правильная марксистская историческая концепция, позволяющая понять движущие силы всего процесса, имевшего в условиях царской России ясно выраженную классовую природу. Но даже при наличии такой концепции, для создания которой советские историки, разрабатывая гениальные положения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, уже немало сделали, географ, взявшийся за эту тему, сталкивается со многими специфическими трудностями. Так ему приходится всё время не упускать из виду различий хозяйственных укладов на тех территориях, которые были охвачены процессом миграций населения, связывать этот процесс с формированием экономико-географических районов; он должен правильно оценивать взаимодействия между обществом и географической средой применительно к каждому из исторических этапов рассматриваемых им миграций населения, устанавливать хозяйственно-географические последствия притока на заселяемые территории новых масс населения, связанные с этим изменения в уровне развития производительных сил и т. д.

В настоящей книжке автор стремился установить прежде всего общую картину, относящуюся к Сибири в целом. Но, разумеется, именно потому, что он подходил к своей теме как географ, он не мог не отмечать особенностей и различий отдельных районов этого громадного края. Однако частные вопросы заселения отдельных участков и районов автор всё время рассматривает лишь как звенья общей картины. Он полагает, что более детальные историко-географические очерки по отдельным районам должны были бы опираться на относящиеся к таким районам исторические монографии (вроде превосходного исследования В. Н. Шерстобоева «Илимская пашня»). Подобных исторических «районных» работ у нас пока, к сожалению, ещё мало; кроме того, для углублённой разработки частных проблем заселения

отдельных районов почти необходимо было бы и экспедиционно-полевое изучение всей совокупности географических условий этих районов.

Хронологические рамки настоящей работы охватывают весь период с начала землепроходческого движения в Сибирь до Великой Октябрьской революции (точнее — до начала первой империалистической войны, поскольку во время этой войны переселенческое движение в Сибирь почти прекратилось). Географические рамки работы охватывают всю Сибирь; в отдельных случаях автору приходилось касаться и некоторых сопредельных территорий (Северный Казахстан и Дальний Восток).

При подготовке настоящей книжки автор имел возможность учесть обсуждение «сибирских» глав подготовленной им докторской диссертации «География миграций населения в России. Опыт историко-географического исследования». Автор стремился придать книжке такой характер, чтобы она представила интерес не только для специалистов историков и географов, но и для более широких читательских кругов советской интеллигенции.

Автор пользуется случаем выразить свою сердечную признательность проф. А. И. Андрееву, Г. П. Башарину, акад. Л. С. Бергу, проф. В. Ф. Васютину, проф. В. П. Воцинину, проф. Р. М. Кабо, проф. С. В. Калеснику, проф. В. С. Клушту, проф. В. И. Лаврову, М. И. Помусу, проф. Ю. Г. Саушкину, проф. В. М. Четыркину, В. Н. Шерстобоеву и другим товарищам, из бесед с которыми, а также из замечаний, высказанных некоторыми из них во время защиты автором диссертации, он почерпнул ряд ценных указаний, использованных и при подготовке настоящей книжки. Автор особенно признателен В. А. Кротову, взявшему на себя труд редактирования книжки и подошедшему к этому делу с исключительной внимательностью.

Москва, март 1950 г.

ВВЕДЕНИЕ

Географические сдвиги в размещении населения, происходившие в ходе исторического развития отдельных стран, составляют один из важнейших предметов для историко-географических исследований. Миграции населения, приводящие на различных исторических этапах к его перераспределению между отдельными районами (особенно если речь идет о странах с обширными, активно заселявшимися территориями—такими как СССР или США), являются важной географической темой не столько потому, что они получают пространственное выражение (направление, маршруты и т. п.), сколько в силу их крупных географических последствий. Последствия эти можно увидеть, например, в том, что происходит превращение многих, почти вовсе не заселённых областей в хозяйственно развитые районы, идёт освоение притекающим сюда населением тех или иных природных ресурсов и т. п.¹

Историко-географическое изучение миграций населения дает нам важный материал для анализа формирования экономики отдельных стран и их районов, для суждения о менявшихся в ходе заселения и освоения территорий взаимодействиях между человеком и географической средой.

Миграции населения представляют собой сложный социальный процесс, суть которого неотделима от его конкретного географического проявления. Миграции населения могут быть весьма разнообразными. Различными оказываются комбинации социально-исторических условий, определяющих движущие силы географических перемещений людских масс; различным бывает взаиморасположение районов выхода переселенцев и их оседания; различна ландшафтная обстановка отдельных заселяемых областей (которые можно назвать «миграционными театрами»). Всё это создаёт большое разнообразие самих миграционных процессов, почему и нужно, чтобы географическое исследование их велось с учётом всей их географической конкретности.

Исследование движущих сил миграционных сдвигов населения должно опираться на общие законы развития общества, установленные марксизмом-ленинизмом. Раскрыть движущие силы миграций можно только на основе правильного понимания законов народонаселения, имеющих исторический характер:

¹ См. наш доклад на 2-м Всесоюзном Географическом съезде в Ленинграде в 1947 г. «Основные вопросы историко-географического изучения миграции населения на территории СССР».

«...всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы населения». ¹ Пути буржуазной антропогеографии установить особые «законы миграций», претендующие на универсальное значение для всех эпох, потерпели крах; они противоречат историческим фактам и, вместо того, чтобы объяснять действительность, опровергаются ею.

При всех внешних отличиях друг от друга отдельных буржуазных антропогеографических «школ» попытки эти обычно имеют корнем мальтузианскую философию, — представление о том, что хозяйственные ресурсы каждой территории растут медленнее, чем её население. Отсюда выводится лженаучное понятие ёмкости территории, которая в одном случае, на одном участке якобы «переполнена», а в другом, в силу своей слабой заселённости, как бы «засасывает» население. Механистическая трактовка миграций, связываемая с понятием ёмкости территории, лишь маскируется у одних авторов переоценкой климатического фактора (например, Гентингтон, Тейлор, Семпель и другие представители англо-американо-австралийской школы), у других связана с апологетизированием звериных расистских взглядов (немецкие фашистские геополитики, к которым лакействующие перед Уолл-Стритом американские географы сейчас пошли на ускоренную «бучку») и т. п. Этот подход к вопросам миграций широко используется буржуазной наукой, особенно в США, для оправдания агрессивной политики самого оголтелого империализма и колониальных захватов. Американский «учёный» Фогт в 1948 г. договорился до призыва «целестремленно бороться с опасностью перенаселения путём поощрения проституции, детоубийства, эмиграции и колонизации». Он цинично пишет, что «с точки зрения всего человечества голод в Китае, пожалуй, не только желателен, но и необходим». Фогт объявляет преступниками врачей, борющихся с болезнями, и требует стерилизации «непригодных к жизни». Не упускает он, разумеется, случая и разражаться клеветническими угрозами по адресу СССР.²

Вот до чего неизбежно договаривается буржуазная «наука» о населении, отправляющаяся от принципов мальтузианства.³

«Миграционные законы» буржуазных антропогеографов не существуют. Если и можно говорить о закономерностях в миграциях населения, о типах миграций, происходивших в сходных социально-исторических условиях и на сходных географических театрах, то они всегда являются лишь частными проявлениями более общих законов народонаселения и общественного развития, которые уже открыты историческим материализмом.

¹ Соч. Маркса и Энгельса, т. XVII, стр. 694.

² О человеконенавистнической книге Фогта, с чудовищной наглостью заглавленной «Путь к спасению» (I), см., например, большую статью И. Лаптева в «Правде» (14 апр. 1949 г.).

³ Напомним, что В. И. Ленин, характеризуя неомальтузианство, призвал «вести самую беспощадную борьбу против попыток навязать это реакционное и трусливое учение» (Соч., т. XVI, изд. 3, стр. 499).

Изучая капиталистическое общество, Маркс и Энгельс раскрыли основной закон населения при капитализме: «...рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением». ¹ На примере обезлюдения Ирландии и заокеанской эмиграции в США они подробно показали проявление этого закона, проследили, как капиталистические миграции населения определяются способом производства.

При этом, так как сам капитализм проходит различные этапы, капиталистические закономерности населения не являются застывшими, а подвергаются видоизменениям. Так, можно говорить, например, об особенностях в движении населения (в том числе и об особенностях его миграций) в период первоначального накопления, в период империализма — последнего этапа капитализма и т. п. Свои особенности получают переселения и в отдельных странах. Ленин, исследуя развитие капитализма в России, установил различие между развитием его «вглубь» и «вширь», связав последнее с внутренней колонизацией и заселением окраин. Положение Ленина: «Колонизационный вопрос в России есть подчинённый вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны», ² — это важнейший отправной тезис для понимания процессов крестьянских переселений в России в период развития капитализма.

Исторические работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина раскрывают законы населения и применительно к докапиталистическим формациям, что позволяет установить и для них движущие силы переселений.

В феодальном обществе основная масса населения была прикреплена к земле. Движущей силой для миграций являлась, с одной стороны, тяга эксплуатируемого населения к бегству на вольные земли, за рубежи самого феодального государства, с другой стороны, — стремление феодалов к захвату новых земель ³, которые, однако, приобретали хозяйственную ценность только при заселении их крепостными. Отсюда возникала вторая форма массовых миграций, характерная для феодально-крепостной эпохи, — принудительный перевод крепостного населения на захваченные земли. Миграции при феодализме были возможны в широких масштабах лишь при наличии смежных слабозаселённых или незаселённых земель (как это было в Восточной Европе), без чего закрепощённое население не могло быть подвижным и застывало в замкнутых мирах общин.

В России большое своеобразие миграциям населения придавала многоукладность экономики нашей страны. Так, анализируя переселения в России периода развития капитализма, при-

ходится учитывать наличие крепостнических пережитков, сохранявшихся наряду с развивавшимися капиталистическими отношениями, а также сохранявшиеся у некоторых малых народов царской России остатки родового, дофеодального строя.

Миграции населения представляют собой одну из важных предпосылок для развития производительных сил — прежде всего за счёт расширения территории хозяйственно освоенных площадей и территориального распространения более передовых способов производства. В результате создаются новые культурные ландшафты, происходит перенос орудий производства и культурных растений, акклиматизация животных, идёт вовлечение в хозяйственный оборот новых ископаемых ресурсов и т. п.

При всех досоциалистических формациях эта объективно-прогрессивная роль миграций для хозяйственного развития страны могла, однако, осуществляться лишь в противоречивых, антагонистических классовых формах. Участниками миграций были представители разных классов, преследовавшие свои классовые цели. Часто само осуществление миграции становится предметом классовой борьбы. «Эффективность» миграций населения в отношении развития производительных сил неизбежно оказывалась невысокой по сравнению с огромными усилиями и муками народа, вызванными преодолением «трения» классовых рогаков и уродливых общественных отношений, препятствовавших миграциям или искажавших их прогрессивное значение.

Кроме того, при неравномерности в развитии производительных сил, при наличии противоречий между развитием отдельных районов, миграции населения, ускоряя развитие одних частей страны, тормозили подъём экономики других. Ленин, исследуя развитие капитализма в России, дал глубокий анализ того, как «внутренняя колонизация» окраин России способствовала сохранению остатков крепостничества в коренных, центральных её губерниях.

Хотя движущие силы миграций населения наиболее полно выражены там, где миграционные потоки зарождаются, для исторической и социально-экономической географии не меньший интерес представляет их «иммиграционный полюс», то есть районы, где происходит оседание мигрирующего населения. Именно в ходе расселения мигрирующего населения и хозяйственного освоения им новых территорий осуществляется та творческая, освоенительная «работа», которая определяет географическую значимость миграций. Расселение, складывающееся в момент первоначального оседания иммигрантов, влияет и на позднейшие географические формы расселения, образуя для него как бы каркас, вокруг которого в дальнейшем группируется притекающее новое население. Первоначально возникшая сеть городов и других населённых пунктов образует как бы экономико-географическую среду, в которой и происходит дальнейшее развитие. Часто трудно понять ту роль, которую в экономике какого-либо района приобрёл тот или

¹ Соч. Маркса и Энгельса, т. XVII, стр. 693.

² В. И. Ленин, Соч., т. XII, стр. 225, изд. 3-е.

³ И. В. Сталин указывает, что одна из функций государства «расширять территорию своего, господствующего класса» свойственна и феодальному государству («Вопросы ленинизма», стр. 604, изд. II).

иной город, если отвлечься от исторических условий его создания, если не учесть той исторической обстановки, при которой он стал как бы центром «кристаллизации» вокруг него дальнейшего заселения, центром возникавших здесь трактов и т. п. В нашей книжке мы неоднократно столкнёмся с примерами того, как создание первых сибирских городов-острожков накладывало яркую печать на ход последующего заселения окружающих территорий, во многом предопределяло географическую картину последующего распределения населения на этих территориях.

Там, где переселения идут в слабозаселённые области (а это—наиболее обычный случай), даже не очень многочисленные иммигранты могут не только качественно, но и численно создать совершенно иное «соотношение сил» между населением и природной средой. Отлив нескольких тысяч переселенцев из густозаселённого района часто не вызывает никаких существенных последствий в экономике этого района, но появление такого же числа переселенцев в малозаселённом районе приводит к вовлечению в хозяйственное использование совершенно новых природных ресурсов, к возникновению новых отраслей производства. Приток населения может создать настоящий переворот, особенно если переселенцы окажутся (что является достаточно частым случаем) носителями более передового способа производства, обладателями более совершенных орудий производства и навыков хозяйствования, например, если они принесут с собой навыки земледелия.

Всё это заставляет при историко-географическом изучении миграций населения уделять особое внимание именно районам заселения. Вместе с тем в процессе расселения по колонизируемой территории очень рельефно проявляются и географические особенности этих районов — «театров иммиграции».

Миграции населения играли особо значимую роль в формировании социально-экономической географии России. В. И. Ленин называл «внутреннюю колонизацию страны» одной из «важных особенностей России сравнительно с Зап. Европой».¹ Он писал: «...экономист, который видит свою задачу в том, чтобы изучать особенности экономического строя и развития России..., необходимо должен поставить вопрос: какое именно влияние оказывают переселения в России?».² Крестьянских переселений XIX и начала XX в. Ленин касается во многих своих работах, на которые нам придётся не раз сослаться.

Много столетий Россия была страной, где сочетались процессы выселения и заселения; внутренний характер нашей колонизации существенно отличал её от крупных зарубежных заокеанских миграционно-колонизационных движений.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 83 (Везде цитируем по третьему изданию).

² В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 495.

Миграции населения в России протекали в условиях сменявшихся общественных формаций, каждая из которых в свою очередь отличалась многоукладностью. Во многих случаях сами миграции усиливали эту многоукладность. Поэтому на разных этапах и в разных районах миграции определялись различными движущими силами. Но вместе с тем для них характерна большая устойчивость географических направлений в течение длительных периодов, преемственность между более ранними и последующими колонизационными процессами, связь между отдельными миграционными театрами.

Центральное место в исторических сдвигах размещения населения России занял процесс последовательно-поступательного распространения русского народа по территории созданного им государства. Процесс этот сопрягался с более ограниченными по размеру и часто подчинёнными по причинам миграциями других народов нашей страны. Это расселение происходило в тесной связи с расширением рамок Русского государства и в значительной степени обеспечивало это расширение, географически «цементировало» входившие в состав государства новые области. Образование внутреннего национального рынка, рост производительных сил, создание единой системы внутренних транспортных путей, а также формирование отдельных экономических районов происходило в условиях активно осуществлявшихся миграций населения.

На протяжении огромного исторического периода—от формирования Русского централизованного государства до Октябрьской революции—переселения происходили в условиях разнообразных общественных формаций и укладов, охватывали территории с весьма отличными друг от друга ландшафтами. Всё это вместе с множеством конкретно-исторических причин, вызывавших миграции, приводило к большому их многообразию. Поэтому необходимо рассматривать миграционный процесс не только в целом, но и по отдельным миграционным театрам, так как географические формы заселения и освоения их были различны и по отдельным периодам. При этом на фоне общей исторической периодизации приходится намечать и некоторые частные специфические вехи, например, постройка Сибирской ж. д. Если попытаться выделить типологически-выразительные миграции и миграции, наиболее важные по своим последствиям, то, по мнению автора, следует назвать в первую очередь следующие крупные миграционные движения:

а) **Московская и «Низовская» колонизация Севера** («Поморья»). Она сменила к XVI в. более старую — Новгородскую, когда боярство и именитые гости создавали через своих доверенных лиц и холопов редкие заимки-фактории для получения пушны, для военного грабежа коренного населения и т. п. В «Московский» период Поморье привлекало уже гораздо более многочисленное население; «княжеская» (феодално-землеосвоительная) колонизация сопрягалась тут с вольно-крестьянской и монастырской. Важную роль в расселении играли речные пути.

б) **Заселение чернозёмной лесостепи (включая Поволжье) в Европейской части страны (XVI — XVIII вв.).** Колонизация шла широким фронтом по всей южной окраине Русского государства с далеко выдвинувшимся «клином» по Волге. Предпосылкой ее были успехи в борьбе с кочевниками и крымскими ханами и последовательный сдвиг на юг засечных «черт», а затем «линий». В этих миграциях, имевших на протяжении 200—300 лет огромное значение для хозяйственного развития Русского государства, с особенной силой проявилось двойственное отношение феодального строя к массовым народным миграциям. Интересы помещичьих землевладельцев, получавших на окраинах «в службу» землю, интересы расселённых здесь ратно-служилых людей требовали некоторой свободы миграций крестьянства. Без этого эти земли оставались бы незаселёнными тем крепостным людом, эксплуатация которого могла придать им хозяйственную ценность. С другой стороны, для господствующего класса в центральных областях надо было, наоборот, чтобы крестьянин стал «крепок земле». Соблазн бежать становился тут для крестьянства, уровень эксплуатации которого всё возрастал, особенно большим по мере успехов государства в борьбе против степных кочевников. Жестокость закрепощения с конца XVI в. возрастает. Государство предоставляет и окраинным землевладельцам средства «крепить» то беглое население, которое просачивается сюда, но не решается уходить вовсе за государственные рубежи, «в казаки». Сам ход заселения показывает, с каким тонким пониманием ландшафта, оценённого с военно-стратегической и хозяйственной стороны, русский народ создавал в лесостепи оборонительные сооружения и поселения.

в) **Миграции украинского народа на юго-восток в XVI — XVII вв.** Они были связаны сперва с бегством украинского крестьянства от польской эксплуатации на «слободы» и далее в Запорожье, затем с обострением крестьянско-казацких войн против панов-крепостников и с тягой на восток, под защиту Москвы. На землях «Слободской Украины» (район между Курском, Полтавой и Харьковом) миграции «черкасс» со второй половины XVII в. сливаются с московской колонизацией — наполовину правительственно-военной, наполовину вольно-народной.

г) **Первоначальное проникновение землепроходцев в Сибирь в конце XVI — в XVII веке.** Оно было связано главным образом с погоней за пушниной и сперва лишь частично сопровождалось развитием «пашенного дела». Эти миграции носили яркую печать эпохи первоначального накопления. Для них характерен громадный охват территории весьма немногочисленными контингентами засельщиков. С XVIII в. крупную роль, как мотив переселений, начинают играть богатства недр. Роль интересов казны в освоении и заселении Сибири возрастает, в заселении усиливается элемент ссылки.

д) **Заселение Южного Приуралья и Оренбургского края в XVIII веке.** В военно-стратегических целях тут создавались казацкие и военные линии, а в тылу их шла горнозаводская коло-

низация в её крепостных «уральских» формах. Земледельческое освоение в XVIII в. было здесь на втором плане.

е) **Заселение Новороссии.** Для этих миграций характерны были капиталистические формы, хотя начались они ещё при крепостном праве, в конце XVIII и первой половине XIX в. Резкий недостаток колонизационных контингентов для южных, только что вошедших в состав Российской империи областей, заставлял правительство искать эти контингенты за рубежом. Из зарубежной колонизации наиболее успешной была славянско-балканская (болгары, сербы, молдаване, гагаузы, армяне, греки, искавшие в России защиту от турецких притеснений). Быстрое слияние этой части поселенцев с притекавшим с севера русско-украинским населением было связано со сходством производственно-бытового уклада и бытовых навыков, а иногда и языка. «Искусственная» же немецкая колонизация привела здесь (как и в Поволжье, куда во второй половине XVIII в. также было завезено некоторое количество иноземных колонистов) к образованию поселений, оставшихся инородным телом, имевшим хозяйственный успех лишь в меру эксплуатации бедноты — украинцев и русских. С XIX в. заселение земель крестьянами, покупаемыми «на своз», приобретает характер своеобразного коммерческого «предпринимательства» (вспомним аферы Чичикова из «Мёртвых душ»!). Первоначально все географические формы заселения Новороссии во многом обуславливались географией обводнённости степи; водоразделы осваиваются позже, с развитием техники использования грунтовых вод. Заселение и освоение Новороссии приняло бурные формы во второй половине XIX в., когда здесь складывается район торгового земледелия. Промышленное заселение Донбасса, возникновение крупного сезонного отхода земледельческих рабочих в помещичьи экономии и в кулацкие хозяйства были важными этапами этого процесса.

ж) **Колонизация Северного Кавказа.** С конца XVIII в. она имела военно-казацкий характер (линии из укреплённых станиц и трактов), а с середины XIX в. приняла ярко выраженный капиталистический характер. Однако многие специфические черты заселения края определялись вплоть до XX в. «казацким» его прошлым (оседание «иногородних» переселенцев на казацких землях на правах лишь аренды и т. п.). В преобразовании естественных ландшафтов наряду с земледельческой распашкой степей заметное место занимало искусственное сведение предгорных лесов, проводимое в ходе войны с горцами.¹

з) **Массовые крестьянские переселения в Сибирь в период развития капитализма.** Переселения эти, которые шли главным образом в степную и лесостепную зоны Сибири, были связаны с кризисом пореформенного хозяйства в центральных районах России, особенно там, где были сильны пережитки крепостничества.

¹ В. В. Покшишевский. К географии дооктябрьских колонизационно-миграционных процессов на Северном Кавказе. Изв. Всесоюз. Геогр. Общ., 1948, № 4.

Начиная с 80-х гг. XIX века, Сибирь стала главным миграционным театром, поглощавшим львиную долю выходцев-крестьян из наиболее затронутых аграрным кризисом губерний чернозёмного центра, Поволжья и Приуралья, правобережной Украины, а позже и Запада. Эти переселения дают богатый материал для анализа условий, вызывавших пореформенные миграции сельского населения, ярко рисуют трансформацию переселенцами природных ландшафтов Сибири. Кроме того, они показывают влияние изменения транспортно-географических условий и влияние хозяйственной приспособленности самих переселенцев в зависимости от мест их выхода и наличия у них тех или иных трудовых навыков. В обширной и разноландшафтной Сибири процесс заселения и хозяйственного освоения по разному шёл на отдельных «частных» миграционных театрах.

и) **Колонизация Дальнего Востока.** В общем она была сходна с сибирскими переселениями, но имела свои специфические черты. Они зависели и от ландшафтного своеобразия края и от его исторических судеб (сравнительно позднее вхождение в состав России, «острое» международное положение). Колонизация здесь, как и в Сибири, находилась в тесной зависимости от проведения Сибирской ж. д. (в 80—90 гг. велась перевозка переселенцев и морем, через Суэц, но она дала небольшие результаты).

к) **Оседание русского населения в Средней Азии.** Оно началось в 70-х гг. XIX в., и вне городов дало заметные географо-демографические результаты лишь в Семиречье (казачья колонизация). Зато приток русских привёл к значительному развитию городских центров, к образованию «двойных городов» — Старого и Нового Ташкента и т. п. Проникновение в Среднюю Азию российского капитализма, стремившегося эксплуатировать край как своеобразную колонию, как источник хлопкового сырья, вызвало к жизни железнодорожное строительство и некоторые другие проявления роста производительных сил. Это стимулировало до известной степени приток русского рабочего люда, носителя этих производительных сил. Присоединение Средней Азии к России оградило этот край от угрозы захвата его английским империализмом, ограничило отсталый туземный феодализм ханов, ускорило развитие капитализма, но при этом создало предпосылки для развития ростовщического туземного капитала. В то время как российское казённое искусственное «колониаторство» налагало на туземные народы в Средней Азии двойной гнёт классовой и национальной эксплуатации, приток простых русских людей оказывался здесь объективно прогрессивным явлением. Таким образом, присоединение Средней Азии к России имело для среднеазиатских народов как положительные, так и отрицательные черты. В целом это присоединение было прогрессивным, но нельзя забывать при этом и о теневых сторонах.

Нам было достаточно перечислить названные выше миграции населения, происходившие в России, с самой краткой характеристикой их, чтобы ощутить огромное значение этих миграций для формирования экономических районов, для сдвигов в размещении

производства, освоения новых массивов земледелия и т. п. Попробуем отметить важнейшие линии, по которым исторические сдвиги населения, создавая его новое распределение по стране, влияли на экономическое развитие дореволюционной России, а также важнейшие экономико-географические последствия этих сдвигов.

Хотя миграции населения и сопровождались муками и гибелью тысяч людей, они значительно способствовали росту производительных сил отдельных районов и всей нашей страны в целом. В. И. Ленин указывает, что развитие капитализма «вширь» приводило к тому, что отдельные социальные противоречия в ходе колонизации как бы «отсрочивались», но лишь для того, чтобы затем проявиться в более широких территориальных рамках.¹ Состав переселенцев отражал производственные отношения «метрополии» и в общем воспроизводил классовую структуру всего общества на тот момент, в который происходили переселения; но на окраинах часто создавались более прогрессивные формы хозяйства, иногда сопровождавшиеся и временным ослаблением уровня эксплуатации.

Миграции населения приводили к значительной трансформации природных ландшафтов заселявшихся районов, главным образом под влиянием сельскохозяйственной, особенно земледельческой деятельности по освоению территории. Уменьшалась площадь лесов, они «осветлялись», изменялся их породный состав. Понижался уровень грунтовых вод, изменялся травяной покров (во многих случаях он улучшался). В таёжных районах наряду с «порчей» леса происходило частичное улучшение микроклимата. В открытой местности активизировалась эрозия, а при хищнической распахке земель — ухудшалась структура почв. Приносимые переселенцами культурные растения оказывались важным компонентом новых ландшафтов. В целом, несмотря на то, что происходила стихийно трансформация географической среды имела уродливо-антагонистические черты, она обозначала возрастание власти человека над природой.

Приток русского населения оказывал в общем прогрессивное влияние на уровень производительных сил в занимаемых им районах, хотя и вызывал иногда очень болезненный кризис ранее сложившегося туземного хозяйства. Вхождение новых территорий в состав Русского государства в ряде случаев оградило их население от агрессии и захвата отсталыми соседями или крупными империалистическими государствами. Заметим попутно, что значительная миграционная подвижность многих населявших эти территории народов, особенно ранее кочевавших, как правило, с приходом русских ослаблялась или вовсе прекращалась. Это было связано как с развитием, хотя и медленным, земледельческой оседлости, так и с правительственной политикой прикрепления коренного населения, платившего ясак, к определенным районам для большего удобства его эксплуатации. В отдельных случаях,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 438, 465 и т. XVI, стр. 374.

однако, русские вовлекали и коренное население, становившееся тут как бы их «спутником», в свои миграции («служилые иногородцы»).

Политико-географическая и военно-стратегическая обстановка развития России сильнейшим образом влияла на формы первоначального заселения ряда окраин, а эти формы в свою очередь накладывали отпечаток и на дальнейший характер расселения.

На общем фоне господства в переселениях народно-стихийного начала в ряде случаев весьма важной оказывалась роль правительственно-военной колонизации. Колонизация эта была связана с созданием оборонительных укрепленных центров и линий, предназначенных главным образом для защиты от кочевников. Однако эти укрепленные линии являлись оборонительными только в тактическом отношении, стратегически же они преследовали наступательные цели. Вслед за созданием и заселением какой-либо укрепленной линии впереди неё начиналось создание новой линии, как бы отодвигавшей самые рубежи обороны. Особо следует отметить важную роль казачьей колонизации. Сам характер казачества (и отсюда его роль в миграциях) исторически менялся: вначале казаки заселения отдельных территорий на окраинах были выражением наиболее вольно-народных переселений. Позже казачество, выработавшее в себе замечательную комбинацию пионерно-трудовых и военных навыков, сознательно используется правительством для заселения наиболее «трудных» окраин и последовательной раздвижки их рубежей. Постепенно утрачивая свои вольности, казачество становится во второй половине XIX в. устаревшим сословным учреждением, привилегированное землевладение которого часто тормозит переселение крестьян, приводит к уродливой эксплуатации «иногородних» старжилами-казаками.

Значение вмешательства в миграционные процессы государства, имевшего сперва феодальную, затем дворянско-буржуазную классовую природу, было на разных этапах и в разных районах различным. Вмешательство это способствовало миграциям и связанному с ними развитию производительных сил лишь в той мере и до того момента, пока оно обуславливалось интересами обороны страны и обеспечения насущных государственных потребностей народа (например, в выходе к морям). Правительственная опека, подавляя народную инициативу, становилась тормозом тогда, когда она вызывалась интересами господствующей верхушки и фискально-бюрократическими целями самого государства. В частности, правительственная политика сильно затормозила переселения в Сибирь в пореформенный период, когда развитие капитализма настоятельно требовало свободы передвижения населения.

Отметим некоторые наиболее общие географические особенности миграционных процессов в России.

Направления миграций населения в России были весьма устойчивыми. Начиная с XVI века, сдвиги в размещении населения всё время приводят к перемещениям его на юг и восток от

первоначального ядра Русского государства. Именно здесь — в лесостепи и степи у южных рубежей Московской Руси, на берегах Волги, на просторах Сибири, перед народом лежали необработанные «вольные» земли; именно здесь наш народ мог почти беспрепятственно осуществлять свой великий землеосвоительный подвиг, уходя от постылого крепостного гнёта. И после отмены крепостного права главные направления миграций остаются теми же, что связано с более быстрым и свободным развитием капитализма на южных и восточных окраинах России.

Непрерывность заселяемых территорий способствовала во многих случаях последовательно-«ползучему» характеру переселений, при котором дальность единичных миграций была сравнительно невелика, и контингенты для заселения более дальних районов черпались преимущественно из промежуточных. Отсюда значительная роль «транзитных» районов, одновременно и отдававших и принимавших переселенцев (Урала для Западной Сибири, Западной Сибири для Восточной и т. п.). «Ползучий» характер миграций прослеживается и в процессах военной колонизации (передвижка гарнизонов с устаревающих «линий», остающихся в тылу, на новые рубежи, выделение целых новых казачьих войск из остающихся позади старых). Лишь с развитием капитализма, по мере создания железнодорожной сети, усиливаются «дальние» массовые миграции, что, однако, не уменьшает значения промежуточных хозяйственно-колонизационных баз. К этому времени вся страна уже «начерно» заселена, и миграционные потоки приобретают характер внутренних переливов населения. При благоприятных предпосылках для приселения «транзитные» территории поглощали значительную часть проходивших через них переселенцев. Такой была, например, роль приалтайского района для сибирской колонизации.

Реки очень часто становились как бы каркасом первоначального земледельческого расселения. Объяснялось это не только тем, что они служили путями проникновения в заселяемые районы, и не только их последующим транспортным значением, но и тем, что на большинстве миграционных театров приречные земли являлись наилучшими. Там, где колонизация носила военный характер, заселение часто оказывалось привязанным к рекам, так как они были удобными оборонительными рубежами. Заселение, как правило, начиналось с лучших земель; но само понятие лучших земель исторически менялось: земли, остававшиеся незаселёнными на первых этапах расселения, могли позже, при более совершенном способе производства и изменившихся транспортных условиях, стать плацдармом весьма успешного заселения и освоения.

На протяжении значительного отрезка времени переселения наиболее активно направлялись в зону чернозёмных земель лесостепи. Это определялось конкретными историко-географическими условиями. В Европейской части страны лесостепная зона являлась пограничной, и заселение её имело большое военно-стратегическое значение в борьбе против степных кочевников. Московское государство в XVI—XVII веках широко оплачивало

плодородными чернозёмными землями «службу» дворян и ратных людей, «испомещавшихся» на его южных рубежах. В Сибири заселение лесостепи в XVII—XVIII в. сыграло, как увидим в гл. II, важную роль в решении хлебной проблемы. Для рядовых поселенцев в лесостепи заманчивой была тесная сближенность разнообразных и важных, особенно при пионерном заселении, природных ресурсов (лес как источник топлива и строительных материалов, а также как охотничье угодье, и открытые пространства, удобные для распашки и т. п.). Рассматривая фактический ход миграций с XVI по XIX век, мы можем убедиться, однако, что заселение лесостепи шло не вдоль самой этой зоны (с запада к востоку), а последовательно — сперва на западе, потом всё восточнее — с севера. Это обуславливалось конкретными историко-географическими причинами и военно-стратегической обстановкой включения лесостепной полосы в состав нашего государства.

В переливах населения (особенно, когда костяк его уже сложился) видна тенденция селиться в привычных ландшафтных и хозяйственных условиях. Однако тенденция эта не имела абсолютного характера. Русский народ проявил в своём расселении по просторам страны замечательные способности к хозяйственному приспособлению в новой географической обстановке, что можно поставить в связь с его очень многогранными трудовыми навыками. Русский землепроходец, казак или крестьянин-переселенец, закалённый зноем и стужей, умевший прозорливо оценить новую для него природную среду, «сметить» земли для будущей пашни, обеспечить зимовку для своего скота и в тайге и в сухой степи, приспособить к климату своё жилище, делавший чудеса простым топором — явился исторически непревзойдённым пионером в самых разнообразных географических условиях.

В общем можно считать (мы подробнее остановимся на этом в главе VI), что русские северяне легче осваивались с условиями степи, чем уроженцы степных губерний в тайге.

Миграции населения, происходившие в России, не только по своим географическим результатам, но и по численным масштабам были очень крупны. Специальные подсчёты, проделанные нами, которые мы не имеем возможности здесь приводить, показывают, что объём крупных межрайонных миграций в России за период с XVI по начало XX в. составлял почти 30 миллионов человек.

Когда-то историк Ключевский, начиная свою многотомную «Русскую историю», бросил «громкую» фразу: «История России есть история страны, которая колонизируется».¹ При этом Ключевский, стоявший на порочных буржуазных позициях, не сумел дать правильного анализа очень важных фактов внутренней колонизации России; более того — и он, и его учитель Соловьёв, и его ученик Любавский, и другие представители буржуазно-дворян-

своей исторической науки в тех случаях, когда они обращались к колонизации и заселению, как к составной части исторического процесса, скатывались на позиции вульгарного географизма. Так, и Ключевский и Соловьёв отводили природно-географическому фактору (ландшафтным зонам, рекам) значение движущей силы в миграции населения. С лёгкой руки Соловьёва в исторической науке получило хождение представление о якобы «исконно-бродячическом» характере русского народа, обусловленном просторами России. Любавский, уделявший больше других дореволюционных историков внимания процессам колонизации¹, дошёл до того, что видел в пространствах, открывавшихся для расселения русского народа, причину его якобы исторической отсталости. Давая богатую пищу для клеветы на наш народ, он утверждал, что Россия якобы в силу географических причин «обречена» на историческую отсталость.

Вряд ли нужно доказывать ложность подобного чудовищного тезиса. Напомним лишь, что В. И. Ленин, заканчивая свой труд «Развитие капитализма в России», писал: «Сколько нибудь полное изучение процесса колонизации окраин и расширения русской территории, с точки зрения развития капитализма, потребовало бы особой работы. Нам достаточно отметить здесь, что Россия находится в особенно выгодных условиях сравнительно с другими капиталистическими странами вследствие обилия свободных и доступных колонизации земель на её окраинах».²

Советская историческая и географическая наука исходит из совершенно иных, единственно правильных марксистско-ленинских представлений о значении географического фактора. Отправными для неё являются гениальные положения диалектического и исторического материализма, развитые товарищем Сталиным: «...в понятие «условия материальной жизни общества» входит, прежде всего, окружающая общество природа, географическая среда, которая является одним из необходимых и постоянных условий материальной жизни общества и, конечно, влияет на развитие общества... — она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но её влияние не является определяющим влиянием... Рост народонаселения, та или иная плотность населения, также входит в понятие «условия материальной жизни общества», ибо люди составляют необходимый элемент условий материальной жизни общества, и без наличия известного минимума людей не может быть никакой материальной жизни общества... Рост народонаселения имеет влияние на развитие общества, облегчает или замедляет развитие общества, но он не может быть главной силой развития общества, и его влияние на развитие общества не может быть определяющим... Главной силой развития общества, определяющей характер общественного строя, физиономию общества... исторический материализм считает с по-

¹ Специально под этим углом зрения написан им курс исторической географии (М. К. Любавский, Историческая география России в связи с колонизацией, М., 1909).

² В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 464—465.

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. I, Москва, 1911, изд. 4-е, стр. 24.

соб добывания средств к жизни, необходимых для существования людей, способ производства материальных благ».¹

Отправляясь от этих положений, советские историки смогли совершенно иначе подойти к оценке того большого фактического материала, который был накоплен русской дореволюционной наукой относительно конкретных процессов заселения нашей страны. Из этих положений исходим и мы в настоящей работе.

Значение колонизационных процессов, происходивших на протяжении периода территориального формирования Русского государства и его дальнейшего развития вплоть до Великой Октябрьской революции, трудно переоценить. Значение это становится особенно очевидным, если мы будем рассматривать формирование тех районов, само «лицо» которых в сущности создано в результате заселения их. Наиболее ярким и значительным примером таких районов является Сибирь.

Вместе с тем совершенно иной, чем она представлялась дореволюционной исторической школе Соловьёва — Ключевского, рисуется нам и историческая роль русского народа. Чем глубже исследуем мы процессы переселений, тем больше рассеивается созданная ими легенда. Наш народ, пройдя из конца в конец великую страну, заселив и оплодотворив своим трудом её просторы, совершил огромный творческий подвиг: он построил свой дом. Этот дом он полюбил, отстоял в труде и в бою и никогда никому не отдаст.

Дом этот был всюду, куда народ приходил. Русь шла с запорожцами на их скрипучих возах, Русь отмечала бранными подвигами Ермака путь своих стругов по неведомым водам Иртыша, который сразу становился русской рекой, Русь отмечала своё продвижение на берега Студёного моря «памятными крестами» поморов-мореходов. Не ломались, а раздвигались стены дома. Беспрецедентный по своему размаху процесс внутренней колонизации привёл к заселению русским народом огромных пространств, но это была именно внутренняя колонизация, так как одновременно расширялись сами рубежи Русского государства. Русский переселенец не покидал своего отечества, подобно западно-европейскому эмигранту, а осваивал новые земли на его окраинах, лишь отодвигая его границы.

В своих переселениях наш народ прошёл через многие муки, но для его великого географического пути было не характерно то ощущение расставания с отчиной, какое знала иностранная зарубежная миграция. Горька доля эмигранта, становящегося на чужбине жалким космополитом, потерявшим родину! А для русского народа Байкал стал «Священным морем», далёкий Амур — «Амуром-батюшкой», поскольку эти земли стали частью его родины.

Строители Магнитогорска и Комсомольска имели славных предков, которыми вправе гордиться. Географические подвиги и титанический землеосвотельный труд наших предков — простых русских людей — требует того, чтобы благодарно хранить о нём память.

В нашей книжке, которая имеет историко-географический характер, у нас не будет вовсе случая касаться тех современных нам сдвигов населения на Восток, которые составляют важную сторону развития Сибири в советское время. Изучение их является особой темой, разработка которой потребовала бы и других методов, подчинённых разрешению других, имеющих практическое значение задач. Однако автор считает, что знание прошлого здесь, как и во всех случаях, является совершенно необходимым. Свою книжку автор рассматривает как историко-географическое введение к несомненно очень нужным исследованиям о миграциях населения в советские годы, в частности, о продолжающихся процессах притока населения в Сибирь.

Вместе с тем автор думает, что историко-географическая разработка темы о заселении Сибири, равно как и других районов нашей страны, важна уже тем, что она позволяет с большой силой и наглядностью ощутить те преимущества, которые в области размещения населения даёт советский строй. Вскрытие антагонистически-классового характера миграций населения в прошлом, показ происходившей при этом огромной растраты народных сил помогает правильнее оценить те передвижки населения, которые сейчас, в сталинскую эпоху, мы осуществляем для планового, наиболее эффективного развития производительных сил социалистического общества, позволяя лучше понять превосходство советского строя, его жизненную силу.

Научно-правдивое изображение миграций прошлого, показывая огромные творческие силы нашего народа, совершившего вопреки всем препятствиям большой географический подвиг создания и заселения великого государства, имеет одновременно большое значение и для воспитания советского патриотизма.

¹ И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 548—550.

Глава I. ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ РУССКИХ В СИБИРЬ

Проникновение русских в Сибирь ошибочно связывать лишь со знаменитым походом Ермака. История сношений русских с Сибирью очень давняя, и мы вряд ли можем точно установить начальный её момент. Наиболее ранние свидетельства о том, что русские не только слышали о Сибири, но и сами бывали в ней, относятся ещё к концу XI и началу XII века. Летопись Нестора сообщает под 1096 годом довольно путанный, перемешанный с фантастическими географическими сведениями рассказ новгородца Гюраты Роговича о странствии посланного им «отрока» в Югорскую землю. Новгородская летопись повествует под 1114 годом: «Еще мужи старые ходили за Югру и Самоядь».¹

В XIII—XIV веках новгородцы уже довольно хорошо знали северо-западную Сибирь, где успешно вели торг, облагая при случае туземцев и данью. В 1483—1488 гг., то есть за сто лет до Ермака, Московское княжество осуществило и фактическое и формальное завоевание Югорской земли. Московская рать совершила при этом большой поход по Тавде, Иртышу и Оби. В 1499 г. московские воеводы проделывают повторный «подтвердительный» поход. При Василии III сбор ясака носит настолько регулярный характер, что Югорская земля была уже разделена на два фискальных «округа» — Обдорию и Кондию. В 1555 г. земли сибирско-татарского князя Едигея (предшественника Кучума) переписываются московскими дьяками.²

И всё-таки не случайно в история и само народное сознание связывает именно с ермаковским походом начало прочного проникновения русских в Сибирь и включение её в состав Московского государства.

Обратим внимание сперва на факт, как будто бы второстепенный, относящийся лишь к внешней политико-географической обстановке русского движения на восток, но в действительности очень существенный. В доермаковский период военного проникновения русских в Сибирь пути туда лежали через негостеприимные земли бассейна Северной Двины и Печоры, в обход враж-

¹ М. С. Боднарский. Очерки по истории русского земледелия, М., 1947, стр. 18—19.

² Перепись эта определила численность здешнего населения в 30,7 тыс. чел. См. «Россия», т. XVI, стр. 154.

дебного Казанского ханства. Лишь во второй половине XVI в. с падением Казани исчез барьер, запиравший наиболее прямой путь на Средний и Северный Урал по Каме. Уже одно то, что исходная операционная база «покорения Сибири» оказалась ко времени Ермака связанной с ядром Московского государства более коротким и удобным путём, вконец меняло сами географо-стратегические предпосылки движения за «Камень» (Урал).

Этой операционной базой стали, как известно, приуральские владения Строгановых — огромная «торговая вотчина», центр тяжести которой не случайно именно в 1558 г. переносится из Сольвычегодска, лежащего на северных путях к Уралу, в Соль-Камскую, прямой путь к которой открылся с падением в 1552 г. Казани. Приуральские земли, на которых Строгановы пользовались невиданными в Московском государстве привилегиями, стали быстро заселяться. Уже к 1579 г. на этих землях Строгановы владели множеством соляных варниц, имели 39 деревень и починков с более чем тремя сотнями дворов. Через сто лет число дворов увеличивается почти до 3 тысяч.¹ Огромные богатства, накопленные Строгановыми ещё в Сольвычегодске, способствовали тому, что освоение Приуралья было поставлено на широкую по тем временам ногу — велась крупная торговля, массовая выварка соли, строились городки, вооружённые артиллерией. Для обороны «вотчины» и расширения её границ привлекались казаки и «охочие люди». Туземцы северного Урала ощутили тяжёлую руку могущественных купцов-полуфеодалов.

Поход, предпринятый Ермаком, опирался на достаточно развитую и хорошо связанную с внутренними областями государства исходную базу. Уже одно это создавало предпосылки для того, чтобы он оказался не очередным «эпизодом», давшим лишь эфемерный хозяйственный и политический результат в виде непрочного обложения данью «закаменной Югры», а началом поистине грандиозной эпопеи заселения русским народом всей северной половины азиатского континента.

Но суть дела, разумеется, не только и не столько в отмеченных внешних обстоятельствах, резко отличавших поход Ермака от прежних кратковременных набегов за Урал. Более глубокие причины определили начало беспрецедентного движения за Урал. И само изменение внешней обстановки русского проникновения в Сибирь зависело от этих причин.

Причины эти лежат в социально-экономической и политической жизни Московской Руси. На протяжении XV и XVI веков шёл большой и сложный процесс образования централизованного Русского государства. Во второй половине XVI века оно стало приобретать и черты государства многонационального. И. В. Сталин показал тесную связь этого процесса с военно-политической обстановкой. «На востоке Европы... образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монголов и пр.), произошло раньше

¹ А. А. Дмитриев. Пермская старина, Пермь, 1889.

ликвидации феодализма».¹ Многонациональные государства централизованного типа создавались здесь «раньше образования наций». «В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию».² Одновременно феодально-крепостной экономической строй в коренных областях приобретал черты денежного хозяйства; возрастала и эксплуатация крестьянства господствовавшим классом феодалов-землевладельцев. «Развивавшийся в XV—XVI вв. перевод крестьянских повинностей с натуральных на денежные увеличивал денежный товарообмен... В начале XVI в. прибавочный продукт, который крестьянин отдавал помещику, составлял не менее 1/4 всего продукта. В течение века он возрос до 1/3 и более».³ Процесс образования централизованного (как в политическом, так и в экономическом отношении) Русского государства был довольно длительным. В. И. Ленин, установив, что «фактическое слияние всех областей, земель и княжеств в одно целое» произошло, «примерно, с XVII в.», указывает и на внутренние экономические причины этого процесса. «Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок».⁴

Для начала стремительного расселения русского народа по территории быстро увеличивающегося Русского государства эти внутренние процессы имели весьма важное значение.

Мы уже знаем, что феодальному государству свойственно, как одна из его основных функций, стремление «расширять территорию своего господствующего класса» (Сталин). По мере централизации и усиления государственной власти значительно вырастали возможности для этого. С другой стороны, усиливающийся гнёт крепостной эксплуатации толкал подневольное население к бегству либо на окраины, либо даже за рубежи самого феодального государства. Помещики, получившие землю на окраинах, ввиду их слабой заселённости, дорожили рабочими руками и были вынуждены идти на некоторое смягчение эксплуатации. В классическом виде эти черты колонизации в феодальном период проявились на южной окраине Московского государства.

Положение Сибири было несколько иным. Этот край был слишком далёким и своеобразным в ландшафтном отношении, чтобы, политически покорив его, Московское правительство могло пользоваться его земельными ресурсами для раздачи их в «службу» своим детям боярским, дьякам, ратным людям, подобно тому,

¹ И. В. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, М., 1939, стр. 89.

² И. В. Сталин. Там же, стр. 17.

³ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1947, стр. 274.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 73.

как оно делало на юге. Не могла далёкая и суровая Сибирь в первые годы «покорения» привлекать и значительные контингенты беглого крестьянства. Основными пружинами начала русской колонизации Сибири, для которой военно-политические успехи стремительного захвата обширных земель являлись предпосылкой, служили торгово-промысловые интересы, стимулы «первоначального накопления». Консолидация местных рынков в единый общероссийский, развитие торговых связей с границей, общий рост денежно-меновых отношений создавали повышенную заинтересованность государства в пушнине — «валюте» того времени, особенно для «заморского торга». Формы освоения пушных богатств Сибири — грабёж и объясачение коренного населения, как нельзя более характерны для эпохи первоначального накопления. Типична для него и малочисленность самих «субъектов колонизации», не соответствующая на первых порах грандиозным масштабам вовлекаемых в поверхностную хищническую эксплуатацию пространств.

К первоначальным стимулам движения русских в Сибирь впоследствии (в ряде случаев очень быстро) стали прибавляться и другие, что мы подробно увидим в следующих главах.

Итак, только к концу XVI века в недрах Московской Руси созрели стимулы к движению в Сибирь. Эти стимулы обусловили и поражающие нас темпы и территориальный размах русской колонизации этого края в XVII веке. До этого хозяйство феодальной Руси было ещё слишком натуральным. В снятии «валютных сливок» в виде огромных пушных богатств Сибири оказалось заинтересованным и само государство и молодой торговый капитал. Раньше государство было ещё недостаточно сильным, чтобы обеспечить военный успех «покорения», а, главное, закрепления Сибири; сейчас появилась достаточная сила для этого, делавшая возможным и присоединение новых земель на окраинах. Каждое новое присоединение в той или иной форме усиливало могущество господствующего класса. Для Сибири, например, это было не столько расширение феодального землевладения, сколько рост богатства боярско-купеческой верхушки. Вместе с тем общее повышение миграционной подвижности населения, разбегавшегося от усиления крепостного гнёта, смогло, хотя и не без трудностей, обеспечить колонизацию Сибири теми незначительными контингентами, которые были нужны для примитивного, поверхностного «первоначального освоения» её, увидяемого пока лишь «на черном». В следующих главах мы увидим, что состав этих контингентов был довольно пёстрым, но большую часть их составлял беглый и вообще стремившийся разорвать крепостные путы люд. Временами русская колонизация словно «захлёбывалась» от несоответствия размеров открываемых территорий численности служилых и промышленных людей, всё же этих людей оказалось достаточно, чтобы великая эпопея приобщения Сибири к Русскому государству могла быть завершена всего за одно столетие.

Мы назвали наиболее общие, основные моменты, которые определили и начало решительного русского движения в Сибирь и его успех. Внутреннее развитие Московской Руси, сдвиги в способе производства и в соотношении сил классов подготовили включение Сибири в сферу первоначального накопления, подготовили военный захват её земель и первые шаги заселения. Не трудно видеть, что и те «внешние» обстоятельства, с указания на которые мы начали эту главу, явились результатом и выражением внутренних процессов формирования централизованного государства и превращения его в многонациональное (присоединение Казани), роста рыночных отношений и усиления влияния крупных торговых кругов (создание «вотчины» Строгановых).

Посмотрим на отдельные классы Московской Руси, чтобы понять, какую обстановку они переживали в XVI веке и как она могла влиять на ход переселений в Сибирь на их начальном этапе.

Поместное начало в землевладении стало решительно вытеснять старый вотчинный принцип, характерный для «удельной» Руси. Не только мелкий и средний, но и крупный феодал-земледелец переставал быть государем в своей вотчине. Ему приходилось «служить из поместий» централизованному государству, быть служилым человеком «великого государя всея Руси». Вместе с тем не успел ещё далёко зайти процесс превращения помещичьего землевладения в наследственное, возвращающееся на иной основе к старому вотчинному принципу, которое мы найдём в XVII веке. В этих условиях сами контингенты дворянства становились достаточно подвижными. Их благосостояние определялось служебной карьерой: назначением на воеводство, поручением командования гарнизоном того или иного острожка и т. п. Складывался слой служилых людей всех рангов, как нельзя более удобный для использования его по мере надобности и на сибирском миграционном театре.

Развитие денежных отношений приводило к сближению интересов служило-феодалской верхушки с интересами именитых гостей — крупных купцов и промышленников, устремлявшихся в Сибирь или посылавших туда своих холопов и приказчиков. Сибирская служба таила немалые и прямые и косвенные выгоды, манила получавших назначение в Сибирь воевод различными «праведными и неправедными» доходами, среди которых не последнее место занимали и плоды прямого грабежа туземного населения. История Сибири XVI—XVII века даёт немало примеров самой беззастенчивой эксплуатации служилой верхушкой как коренных народностей Сибири, так и попадавшего в Сибирь простого русского люда — истинных освоенцев сибирских просторов. История рисует нам многие случаи вопиющих злоупотреблений и жестоких притеснений, бороться с которыми московское правительство было бессильно.

Торгово-посадские слои населения Московского государства оказались достаточно заинтересованными в сибирских делах ещё и потому, что как раз со второй половины XVI века торговые го-

рода Московской Руси переживают серьёзный кризис. Характерным и очень существенным (с точки зрения нашей темы) признаком его было сокращение самого посадского населения. Мы не можем останавливаться здесь подробно на этом довольно хорошо исследованном советскими историками вопросе. К общим причинам кризиса (распад старых центров удельно-феодалной экономики, ломка поземельной основы хозяйства — переход от вотчинного к поместному и т. п.) прибавилось и падение отдельных наиболее развитых «посадских миров». Новгородские «вольности» были жестоко попорчены ещё Иваном III, а затем Иваном Грозным. Во время войн Ивана Грозного за Балтику новгородско-псковские земли были к тому же разорены проникшими из них иноземными войсками. Старинные торговые пути через Новгород и Прибалтику заменились новыми — через Поморские города и Белое море. В начале XVIII века, во время крестьянских войн «Смуты» интервенты разорили и многие западные города Примосковья, где они несколько лет хозяйничали.

П. Смирнов, специально исследовавший динамику городского населения за XVI—начало XVII века, определяет это сокращение посадского населения (число чёрных и бобыльских дворов) по всем городам (которых он насчитал 254) в 48,8%, в том числе по городам западной района (Псков, Новгород, города «от Литовской и немецкой Украины») — в 76,6%, по городам Замосковья в 32,0%. Заметим при этом, что в первом из этих районов было по подсчётам этого автора сосредоточено свыше 20 тыс. из 38,2 тыс. всех посадских дворов страны (53%), во втором 12,6 тыс. (33%).¹

Сокращение посадского населения позволяет отчасти понять, откуда брались те контингенты «охочих людей», которые верстались «по прибору» в казаки сибирских гарнизонов, пополняли собой кадры промышленников-землепроходцев, выступали в Сибири слободчиками и т. п. Разорявшееся и терявшее своё социальное лицо рядовое население старых городов-посадков могло доставить для сибирского движения людские массы, а купеческая верхушка переживавших кризис старых городов охотно связывала свои надежды с Сибирью как источником поправления своих дел и обогащения. Сама шаткость положения торговых городов на родине подсказывала дорогу в Сибирь всем тем устюжским, каргопольским, вологодским, рыльским купцам, которых позже мы встретим в складывающихся торговых центрах Сибири.

Что касается главной массы населения Московской Руси — крестьянства, то оно на рубеже XVI и XVII веков испытывало резко возросший гнёт эксплуатации и отвечало на него массовыми побегам. Все источники отмечают «пустоту», образовавшуюся в деревнях на старых московских и новгородских землях. Поток беглых направлялся главным образом на наиболее близкую

¹ П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., Киев, вып. 1, 1917, вып. 2, 1919.

и доступную южную окраину Московского государства и в Поволжье. Сибирь была слишком далека. К тому же первые шаги русского заселения её не были связаны с сельскохозяйственными стимулами, а уводили в дебри тайги, где надо было менять соху на топор, на промысловый «снаряд», а то и на пицаль. Сибирь вначале могла стать (и стала, как увидим дальше) миграционным театром только для крестьянства Приуралья, например, беглецов со строгановских вотчин, избравших путь «за Камень».

Тем не менее не следует недооценивать значения того обстоятельства, что большие массы крестьянства в конце XVI века снимались с мест. Многие из них, не сумев осесть на южной окраине, становились гулящими людьми, шли в казаки. Теряя своё сословно-крестьянское лицо, они «бредли врозь» и могли в тот или иной момент оказаться и в числе попадавших в Сибирь смельчаков. В следующей главе мы увидим, что кадры землепроходцев собирались со всей Руси, пополнялись выходцами из разных классов, часто за счёт людей, утративших своё определённое сословное положение.

Таким образом, к началу землепроходческого движения, быстро охватившего всю Сибирь, созрели и важнейшие предпосылки для него в недрах различных классов московского общества.

Исследователь сибирской колонизации В. И. Шунков подчёркивает, что непосредственным толчком движения в Сибирь было стремление к освоению новых промысловых областей. Сибирь со своими исключительными пушными богатствами «не могла остаться вне поля внимания государства, для которого пушнина в значительной мере была валютным товаром и которое в середине XVI в. стало испытывать нужду в ней... Служилые люди и люди «промышленные и торговые» первыми пришли в Сибирь... Именно они определяли направление движения».¹

Так действительно и было на первом этапе русского заселения Сибири. Но замечательно, что почти сразу же круг «мотивов освоения», привлекавший русских людей в Сибирь, стал расширяться. Сам В. И. Шунков очень подробно исследовал следующий нашенно-крестьянский «слой» заселения. Появление в Сибири напешных русских людей явилось началом трудовых подигов нашего народа по сельскохозяйственному освоению Сибири. Мы увидим дальше, что и многие другие богатства Сибири, например ресурсы её недр, стали вскоре привлекать внимание проникших в Сибирь русских людей. Многогранность процесса хозяйственного развития Сибири в ходе её заселения отражает талант и ризмы нашего народа, пылкость его ума, его неисчерпаемое трудолюбие. Уже сама эта многогранность делает историю заселения Сибири совсем непохожей на то, что мы видим в истории зарубежных, заокеанских колонизаций того же времени, не говоря о многих других отличиях, например, о совершенно иных

¹ В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири, М., 1946, стр. 3—5.

взаимоотношениях, складывавшихся между пришлым из «метрополии» и туземным населением.

Дореволюционные историки, увлекшись внешним ходом событий по захвату пространства Сибири, недооценивали разнообразие тех форм освоения, которые быстро стали сопутствовать простой погоне за пушниной, а затем стали приобретать и самостоятельное значение. С этой точки зрения советской науке приходится пересматривать заново историю Сибири, раскрывать и те стороны освоения её природных ресурсов, которые прежде незаслуженно оставались в тени.

Глава II. ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ В XVII И НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Победы Ермака принесли русским господство лишь над очень небольшой территорией. Под власть Москвы отошли: Обь от устья Иртыша до Берёзова, Иртыш от устья до Тары и низовья Тобола с бассейнами Пышмы, Ницы, Туры и Тавды. Однако господство над этой территорией после смерти Ермака (1584 г.) Москве пришлось отстаивать в очень тяжёлых боях.¹ Но эти земли лежали уже на восток от «Камня» (Урала). Первый шаг был сделан, и операционная база для дальнейшего русского движения в Сибирь сместилась — пусть на «ширину» одного лишь этого «Камня». Опираясь на этот первый шаг, русские могли уже начать безостановочное поступательное движение, продолжившее их через 50 с небольшим лет — срок жизни одного лишь поколения! — на берега Тихого океана.

Фактический ход этого стремительного проникновения и «первоначального заселения» лучше всего передают скудные даты основания городков и острожков и даты составления «отписок», поступающих от землепроходцев и лаконично сообщавших о вновь найденных маршрутах — звеньях, составивших в конце концов систему беспримечных по размаху связей, протянувшихся через весь материк.

Русские в бассейне Оби и Иртыша. В первые десятилетия после походов Ермака идёт укрепление острожками и городами бассейна Оби и Среднего и Нижнего Иртыша (кроме степных их притоков, над которыми продолжали господствовать аборитены — кочевники, усилившиеся после оттеснения на юг «кучумовых» татар). Тюмень основана² в 1586 году, Обский городок в 1585—

¹ Русские столкнулись тут с начатками феодальной государственности у остяков и вогулчей — с мелкими (по несколько сот семейств каждое) княжествами (Пельмское, Кодское, Обдорское, Бардаково и др.); покорение их, даже после того, как «кучумовы» татары были оттеснены к югу, всё же потребовало от первых послеермаковских военачальников некоторых военно-политических комбинаций, привлечения части туземцев в качестве союзников и т. п. См. С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, Л., 1935.

² В приводимых ниже датах мы следуем главным образом С. В. Бахрушину (Очерки колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1927). Нужно иметь в виду, что встречающиеся в литературе разногласия по поводу дат основания сибирских городков и острожков часто являются мнимыми. Так в разных случаях по-разному понимается сам момент основания (устройство первоначального зимовья, постройка стен и т. п.). В ряде случаев вносятся путаницу и переносы острога на другое место. Ниже мы встретимся со многими подобными примерами.

94 г.¹, Царёв Город (ныне г. Курган) — в 1583 г. (на современное место перенесён в 1616 г.), Тобольск — в 1587 г. (перенос его на современное место датируется 1610—1618 гг.), Берёзов — в 1593 г., Сургут — в 1591 г., Пелым — в 1593 г., Тара — в 1594 г. (по другим сведениям в 1588 г.), Обдорск — в 1595 г., Нарым — в 1588 г. (по некоторым сведениям — в 1592 г.), Верхотурье — в 1598 г., Туринск (называвшийся тогда Епанчиным) — в 1600 г., Томск — в 1604 г. (по Ионину ещё в 1593 г.).²

Основание значительной части этих городков и острогов связано с непосредственным ходом вооружённой борьбы. Так Пелымский и Нарымский остроги служили военными центрами при покорении Пелымского княжества и «Пегой Орды», Томск — для закрепления на землях добровольно признавшего власть Москвы «князьца» Тояна, Тара — в качестве укрепления на границе степью, для противодействия «кучумовым царевичам». Ряд городков образуется на месте захваченных и разорённых туземно-феодалных центров.³

Уже в этот первоначальный период ряд городков, удачно расположенных в маршрутном отношении, приобретает роль операционных баз для дальнейшего продвижения. С этим связывается и сосредоточение тут административных функций. Так Томск — наиболее выдвинутый на восток и близкий к заманчивым волокам на Енисей, — делается сразу резиденцией воеводы средне-обского края и на долгое время становится одним из главных административных центров Сибири и местом формирования многочисленных землепроходческих экспедиций. Сургут одно время был важным центром сбора ясака со всего северного правобережья Оби, вплоть до Ледовитого океана.⁴ Верхотурье быстро стягивает к себе все транспортные связи Московской Руси с Сибирью; оно первоначально не имело ни острога, ни посада, а развивалось исключительно в силу своей транспортной роли. Это подчёркивают многие исследователи. Бахрушин, например, пишет: «Верхотурье по своему положению на правительственном тракте являлось как бы воротами в Сибирь... Здесь была устроена таможня, через которую должны были, по крайней мере в теории, проходить все проезжавшие Камским путём через Урал... Правительство из фискальных соображений стремилось направить всё движение за Урал через Верхотурскую заставу, потому что и

¹ На месте лагеря воеводы Мансурова, войско которого было прислано для подтверждения завоеваний Ермака.

² Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии её Сибирский Архив, 1913, № 9—11. А. И. Андреев считает, что Тюмень, Тобольск и Берёзов явились самыми ранними сибирскими городами, основанными, вероятно, одновременно — около 1587 г. (Изв. ВГО, 1940, № 2).

³ Примерно из двух десятков русских городков, основанных в Западной Сибири до 1618 г., только половина была создана на новом месте. См. карту, приложенную к книге Р. М. Кабо «Города Западной Сибири» (М., 1949). В частности, русский г. Тюмень вырос на месте татарского города Чинги-Туры или Чингидеса, Туринск — на месте центра татарско-вогульского княжества Епанчи, Тобольск — «вместо бесерменского града Сибири, по которому ныне и вся страна названа Сибирью» (Ионин).

⁴ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I, Иркутск, 1932, стр. 220.

Сибири и в Сибирь «многим дорогам быть непристойно», приказывая всякий раз такую вновь открывшуюся дорогу «засечь наречно, чтобы отнюдь конным людям проезду, а пешим проходу не было».¹ В специальной работе «Город Верхотурье в XVII в.» В. Курц писал: «Верхотурье имело в XVII в. большое значение, как город, стоявший на рубеже Европейской и Азиатской России. Только через него должны были проезжать служилые, промышленники и купцы, а все остальные дороги были запрещены. Поэтому через этот город шли все западно-европейские товары, персидские, бухарские, китайские и русские, восточно-европейские и сибирские».²

Сосредоточение торгово-транспортных связей с Сибирью на «монополюющей» верхотурской дороге, законодательно установленное в 1593 г., не раз затем подтверждалось указами (вплоть до середины XVIII в.) и было упразднено вместе с Верхотурской заставой только в 1763 г.

Особая роль Верхотурья заставляет обратить внимание на одну, как нам кажется, очень характерную сторону проникновения русских в Сибирь. Поиски и «уточнения» путей через «Камень», результатом которых явилось длительное господство верхотурской дороги, очень интересны: они велись в направлении отступления всё более и более южных дорог.

Проведывание новых путей в Сибирь. Первоначальный этап движения в Сибирь, шедшего тогда ещё «в обход» Казанского царства с севера, оставил в наследство в качестве проторённых маршрутов наиболее северные пути, которыми пользовались ещё в начале XVII в.³

Исходные пункты движения через Урал лежали к половине XVI века в бассейнах Печоры и Вычегды (Чердынь, Усть-Цильна, Сольвычегодск, Кайгород). Эти операционные базы были связаны с Москвой тоже северными путями. Например, даже основанный в 1558 г. — уже после покорения Казани! — Соликамск ездил через Вологду, Великий Устюг, Сольвычегодск, Кайгород, Чердынь, то есть по Сухоне, Вычегде, Вишере и Каме. Стремление к более южным, чем через Усу-Шугор, путям в Сибирь складало такие маршруты, как, например, «от Соли Камской мимо Чердыни водяным путём Вишерою вверх, да через Камень в Лозовую вниз в Тавду реку, да Тавдою рекою вниз до Тобола реки». Среди этих более южных маршрутов своего рода географическим открытием был и путь, проложенный Ермаком по р. Жаровле—Баранче—Тагилу—Туре или «Чусовская дорога» (Чусовая, сушей до р. Режь, по р. Режи на р. Нейву и далее в долину по Нице на Тюмень).

¹ С. В. Бахрушин, назв. соч., стр. 104—105 и 107.

² Юбилейный сборник Киевского историко-этнографического кружка, Киев, 1914. См. также Вл. Трапезников, Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения. Извест. Арханг. Общ. Изуч. Русск. Севера, 1911, № 17.

³ Например, Шугор, — пешеходный участок через «Камень», — Сытва — Шугор — Сосьва или Уса — Сось — Елец (Ель) — Сось Обская или маршрут по Шугору — сё притоку Ильчу и далее через «Камень» в Сибирь.

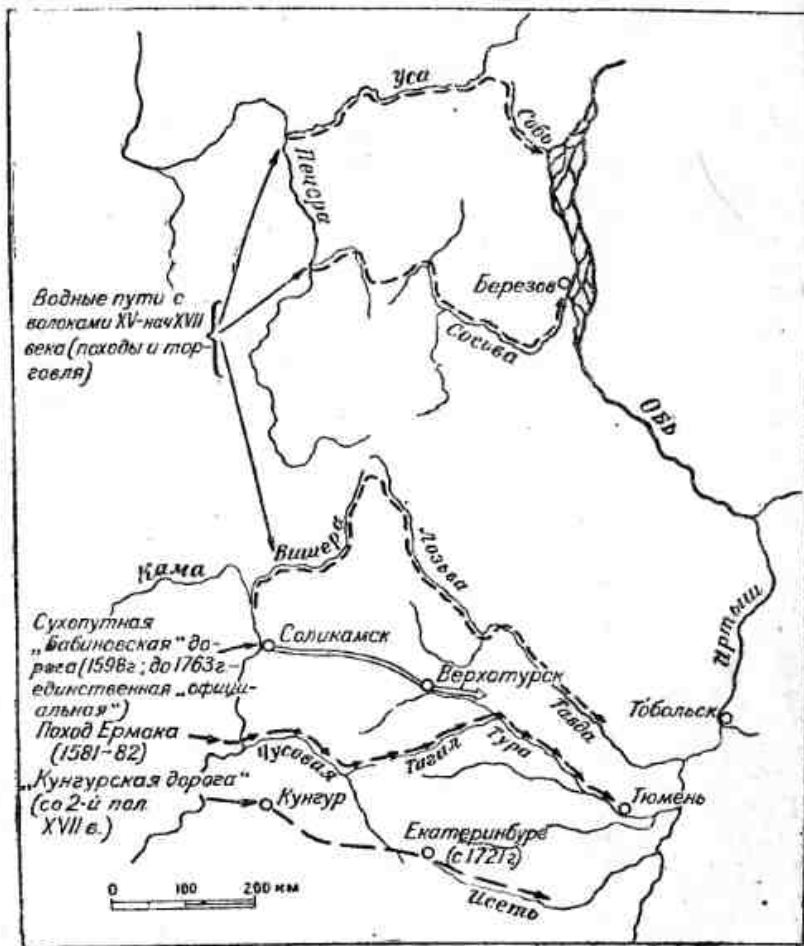

Рис. 1. Последовательное смещение к югу «входов» в Сибирь в XV—XVII вв.

Дальнейшие поиски южных маршрутов привели к проложению сухопутной дороги, выводившей непосредственно от Саликамска к основанному тогда же Верхотурию. Эта «Бабиновская дорога» (по имени «проведавшего» и проложившего её посадского человека Артюшки Бабинова) и стала головным участком того транзитного тракта, который надолго оказался «монопольным» для всей Сибири. Развитие более южных дорог искусственно сдерживалось; из них можно отметить «Кунгурскую дорогу» (через основанный в 1649 г. на Среднем Урале г. Кунгур), проходившую через верховья р. Биссерти, верховья р. Чусовой, далее либо Уткой и Режью на Ирбит, либо Каменкой на р. Исеть. «Вариантом» Кунгурской дороги был позже так называемый Екатеринбургский тракт (Кунгур—Екатеринбург—по Исети до Ялу-

товска), ставший «официальной дорогой» в Сибирь с 1763 года взамен тракта Верхотурского. Несмотря на официальное зачисление, эти дороги стали быстро соперничать с Верхотурской. Первоначальное северное направление маршрутов русского движения в Сибирь, — в обход Казанских земель, — наложило несомненно известную печать на характер последующих миграций населения в Сибирь. На этом вопросе мы ещё не раз остановимся ниже.

Переход в бассейн Енисея. Значение морских путей. Крупным этапом дальнейшего продвижения был переход из бассейна Оби в бассейн Енисея. Пути служили широтные притоки Оби и Енисея — Вах, Тым, Сым, Кеть, — особенно последняя, ставшая на долгое время важной транзитной дорогой. Ряд острожков в устьях рек и на волоках отмечает этот переход.¹ Уже в 1607 или 1609 г. был основан Туруханск, в 1618 или 1619 г. — Енисейск, в 1628 г. — Красноярский острог. В первое десятилетие XVII в. ясак платило уже население всего правого берега Енисея или во всяком случае низовьев Нижней Тунгуски.

Одновременно шло стремительное освоение всей страны между нижней Обью и Нижним Енисеем. Многочисленные речки, пронизывающие эту страну, «вывершивались» (так в Сибири в то время называли проникновение вверх по реке вплоть до её истоков), а обитавшие по ним народы объясчались. В этих экспедициях особое значение приобрело проникновение русских на р. Таз, устье которой было достигнуто с моря из Обской губы уже к 1601 году. Созданная здесь знаменитая «старая» Мангазейская ямская линия в свою очередь операционной базой как для движения по самому Тазу, так и в низовья Енисея.² В Мангазее формировался ряд экспедиций по дальнейшему «проведыванию» Северной Сибири. Расположенная в центре огромной богатой пушной области, она быстро стала важным экономическим центром.

История проникновения русских в Тазовскую губу, откуда они прошли и в низовья Енисея (Туруханское зимовье или «Ноян», «Енисейская» Мангазее, было основано именно отсюда «вплыв», а не со стороны среднего Енисея), интересна как пример широкого использования сибирскими землепроходцами морских

¹ Кетский острог, основанный не позже 1605 г., а по некоторым сведениям — ещё в 90-х гг. XVI в., Маковский острог на волоке, основанный в 1618 г., заставы на Елогуйском волоке и в устье Сыма, возникшие уже во второй половине XVII в., когда связи бассейнов Оби и Енисея рассредоточились по нескольким путям.

² Путь шёл по притоку Таза Волочанке через так называемое Круглое зимовье, затем «россохами» и «режмями» до волока, длиной в 700 сажень, через который груз перетаскивался на руках или «тележками», а каюки перевозились «десятью человек». Далее снова через «режмы» и «россохи» попадали в оз. Подволочное и три следующих за ним озера и затем в речку Волочанку «другую», впадающую в р. Турухан—приток Енисея. Путь этот во течение первой половины XVII в. оставался излюбленной дорогой поморных промышленников (Бахрушины). Есть основания думать, что он был известен промышленникам ещё в XVI в.; от промышленников о нём знали даже англичане, добывавшиеся права пользоваться им в 1584 г.

путей. Они проводывались параллельно с речными путями и иногда значительно ускоряли проникновение в новые области, богатые «мягкой рухлядью».¹

Замечательно открытие остатков лагеря-зимовки, сделанное в 1940 г. советскими археологами-полярниками у восточного побережья Таймыра—в заливе Симса и на о. Фаддея.² В этом лагере сохранилось много предметов, свидетельствующих о хорошей подготовке и техническом оснащении русских мореходов начала XVII века, сумевших обогнуть Таймыр.

Несомненно, что, кроме оставивших письменные следы морских экспедиций, наши предки снаряжали множество других, оставшихся безымянными, и вообще значительно шире, чем было принято думать ещё недавно, пользовались для проводывания новых земель и морскими путями.

Многочисленность маршрутов, по которым уже к началу XVII века можно было попадать «с Руси» в Сибирь и особенно из бассейна Оби в бассейн Енисея, резко противоречила фискальным интересам московского правительства. Поэтому, если одни из острожков, возникавших в транспортно-узловых пунктах, в частности, на волоках, делаясь важными экономическими центрами, становились вместе с тем и операционными базами для дальнейшего продвижения, то другие преследовали противоположные цели. Они должны были закрыть дорогу, создать на волоке заставу, чтобы направить всё движение по определённой лишь пути, где удобно было сосредоточить все таможенные сборы. Именно таким образом во второй половине XVII века возникла, например, Елогуйская застава на волоке из Ваха на Елогуй³ и застава в устье Сыма (на Енисее). Особенно беспокоило правительство трудностью контроля морские пути, о которых свободолюбивые поморы писали в одной из своих челобитных: «И которую дорогу бог устроил, великое море-окиян, и тоё дорогу как мочно затворить». Одним из мотивов запретительных мер выдвигались опасения проникновения в «заповедную» Сибирь иностранцев (морским путём по следам русских промышленников). Опасения эти были, видимо, не лишены основания. В 1616—1620 гг. на Ямальском волоке строится острожек

¹ Так р. Пясина со своим бассейном была достигнута отрядом дворянина Курнина на кочках с моря в 1610 г., объяснена в 1614 г. Любопытно, что в Обская губа, откуда начинался «корабельный ход» на Таз, имела связь с Уралом и всем Московским государством не только по Оби и по известным уже нам дорогам через «Камень», но и морем, причём маломерность судов, которыми зачастую пользовались промышленники, позволяла пересекать Ямальский полуостров по системе мелких речек и волоков (по р. Путной, озёрам, р. Зелёной. См. А. Филиппов, Речной путь в Сибирь через Ямал. Записки по гидрографии, вып. XXVI, СПб, 1904).

² Открытие это было впервые описано Б. О. Долгих в сб. «Проблемы Арктики», 1943, № 2. Подробное описание и анализ находок в лагере древних русских мореходов содержится в ряде работ А. П. Окладникова, обследовавшего этот лагерь в 1945 г. (напр. в его книге «Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра», Изд. Главсевморпути, М.-Л., 1948).

³ Запрещение пользоваться Елогуйским волоком подтверждалось указом 1702 г., но тем не менее им иногда пользовались (например, в сношениях между Тобольском и Туруханском).

«спирающий» этот волок. В 1667 г. тобольский воевода П. И. Годунов, известный по составленной им карте Сибири, формально разрешает морской ход в Мангазею из Обской губы. Само Мангазейское поселение, достигшее исключительного экономического значения, насильственно упраздняется (по Спасскому—в 1662 г.).

Переход в бассейн Лены. Маршруты северные и южные (через Прибайкалье). Дальнейшее проникновение на восток и переход из бассейна Енисея в бассейн Лены совершались всё в том же стремительном темпе. Первая крупная военная экспедиция на Лену датируется 1629 годом, но, повидимому, ещё в начале 20-х гг. XVII в. на средней Лене побывал небольшой отряд казака Пенды. Якутск был основан в 1632 г. и быстро приобрёл для Восточной Сибири значение, вероятно, не уступавшее тому, какое для Западной Сибири имели Тобольск и Томск. С 1642 г. здесь уже возник центр воеводства.¹ Амгинское зимовье возникло в 1633 г.

Попав в бассейн Лены русские за короткий срок «начерно» освоили его вплоть до устья самой Лены и «вывершили» главные Ленские притоки. Со среднего и нижнего течения Лены они сравнительно быстро перебросились на Яну, Колыму, Индигирку, Анадырь и на Оленек. Первые русские острожки на Колыме датируются 1643 годом, основание Верхоянска относится к 1638 г., Индигирка (на Индигирке)—к 1639 г.², Анадырского острога—к 1649 г. В 1651—1652 гг. Михаил Стадухин проводывает путь в Пенжинскую губу, в 1648 г. Семён Дежнев и Федот Алексеев Понов проходят морем из устья Колымы к Анадырю. Это замечательное плавание, впервые выведшее русские кочи на просторы Тихого океана, показывает, насколько существенную роль морские пути играют и в ходе освоения крайнего северо-востока Сибири.

Ещё недавно вслед за официальной историей царского времени многие думали, что Семён Дежнев не отдавал себе отчёта в значении своего открытия, что открытие это не оценили и быстро позабыли «невежественные» современники-казаки. Считали, что только открытие Миллера, нашедшего в сибирских архивах, почти сто лет спустя, уже после плавания Беринга, дежневские «скиски», установило (чуть ли не в виде курьёза!), что Берингов пролил был «нечаянно» открыт простым казаком. Однако многочисленные исследования советских учёных разбили эту легенду, созданную царскими чиновниками от науки, которых шокировала «простонародность» самого подвига Дежнева. Сейчас у нас есть много доказательств того, что его замечательное плавание было осуществлено с полным сознанием его географического значения.

¹ В этом же 1642 г. Якутский острог был перенесён на 70 км выше и на левый берег Лены (то есть на нынешнее место). См. С. А. Токарев, Очерк истории якутского народа, М., 1940, стр. 42.

² По Т. А. Шубу создание русских поселений в низовьях Индигирки должно быть датировано даже «не позднее первой четверти XVII в.» (доклад на II Всесоюзном географическом съезде).

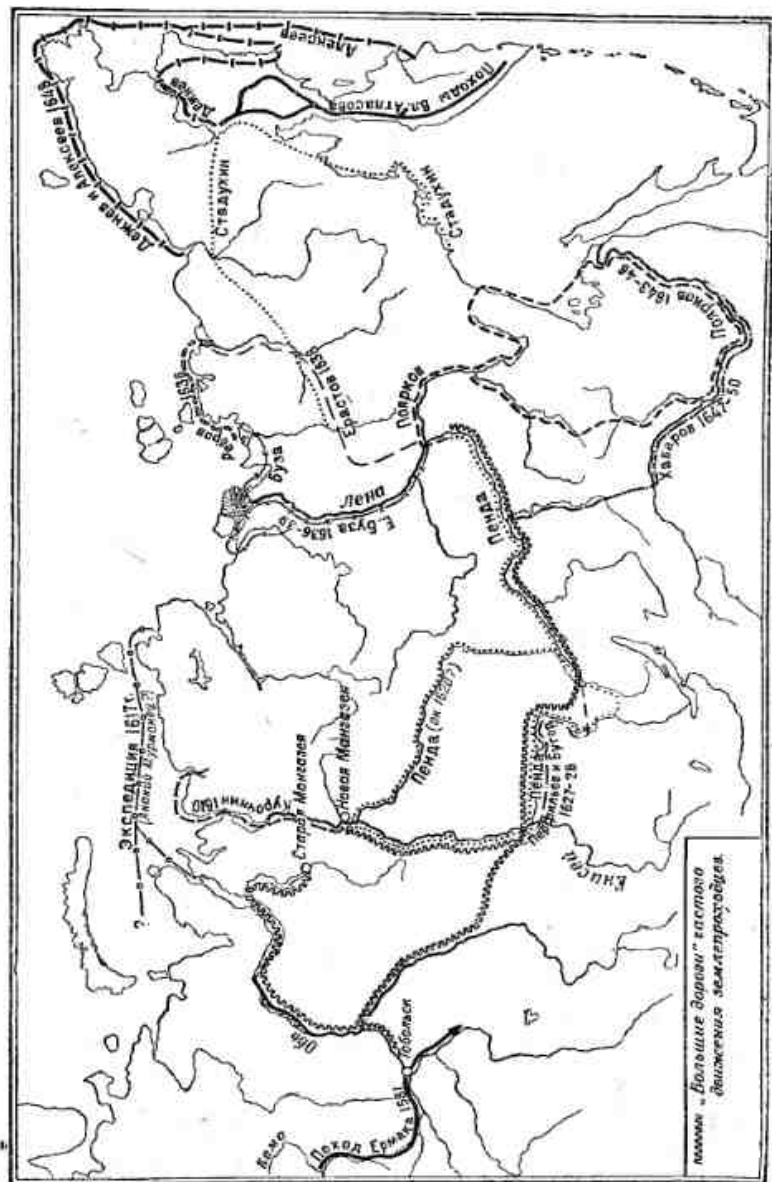

Рис. 2. Основные маршруты землепроходцев в XVI—XVII вв.

Правда, межокееанский проход через открытый Дежневым пролив не получил в тот период широкого использования. Многие современники Дежнева считали, что «водяного пути нет, потому что хребет перетянулся в море»¹, но тем не менее неверно, что открытие Дежнева осталось малоизвестным среди его современников. Акад. Л. С. Берг привёл неоспоримые доказательства того, что плавание Дежнева очень быстро получило отражение не только в русской, но и в мировой картографии. Он указывает на многие, прямые или косвенные, ссылки на это плавание в географической литературе XVII в., наконец, на то, что сам Беринг опирался в своих предположениях о наличии пролива на общеизвестные среди местного населения факты предшествовавших плаваний.² А. В. Ефимов в своих последних работах о русских географических открытиях на северо-востоке Азии убедительно показывает, что поход Дежнева не был единичным предприятием, — «движение на восток после похода Дежнева не оборвалось. Наоборот, оно продолжалось с большой силой. Исторические его результаты, последствия, весьма велики».³ Недавно С. Н. Марков в небольшой монографии о Дежневе⁴ путём ряда очень остроумных сопоставлений довольно убедительно показал, что путём, открытым Дежневым, не раз пользовались на всём его протяжении ещё в XVII веке.⁵

О том, что землепроходцы XVII века часто осуществляли каботажное плавание по Северному Ледовитому океану к востоку от Лены и Колымы, мы узнаём из самих документов, относящихся к походу Дежнева—Попова. В этих документах имеются многие упоминания о кочах русских промышленников, плававших к востоку от Колымы.

Каботажные плавания вдоль побережья несомненно значительно ускоряли продвижение русских через бассейны второстепенных рек крайнего северо-востока Сибири.

Несколько раньше Дежнева были открыты пути на Тихий океан «напрямик» от Якутска через северную оконечность Станового хребта. Пути эти шли по Алдану, Мае, Юдоме и через ряд

¹ Разбирая различные варианты пути в «Китайское царство» (и приходя к выводу, что лучший путь, «которым ходу два месяца», лежит через р. Бирю и «Алтын озеро» — нынешнее Телецкое), анонимный автор в 1672 г. писал: «А Амурским морем в Китайское царство ходу нет того, что лежит камень кругом вся земли от Мангазейского моря и до Амурского и тот камень протянули в море и около его обойти никто не может для того, что льды великие притискают и растирают» (Список с чертежа Сибирские земли, гм. А. Титов «Сибирь в XVII веке», М., 1890, стр. 49). То, что Чукотский нос выходит именно в пролив, соединяющий Ледовитый океан с Тихим, наши предки ясно ощущали задолго до Беринга: «А через тот камень (Чукотский нос—В. П.) ходу день; как на него челоовек взойдёт, и он оба моря видит Ленское и Амурское» (там же, стр. 54).

² Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, М.-Л., 1946.

³ А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий, М., 1950, стр. 66.

⁴ С. Н. Марков. Подвиг Семёна Дежнева, М., 1948.

⁵ В. Покшишевский. «Слава Семёна Дежнева», «Вокруг света», 1949, № 12

волоков, вернее перевалов, в реки, текущие в Охотское море — Удь, Улью, Охоту. Этими кратчайшими путями русские и завершили своё беспрецедентное трансконтинентальное движение (1639 год — дата постройки острожка в устье р. Ульи; 1649 г. — основание острога Косого на месте позднейшего Охотска).

При переходе из бассейна Енисея в бассейн Лены выдвинулись две системы маршрутов: 1) Северная, связанная с Н. Тунгуской (через Чону и Вилюй или через истоки Н. Тунгуски волоком мимо построенного здесь Чечуйского острожка непосредственно в Лену); 2) Южная, связанная с Ангарой и Прибайкальем. На этих южных путях в 1630 г. был сооружён Илимский острог, в 1631 г. — Братский и Усть-Кутский остроги, в 1646 г. — острог на Верхней Ангаре, в 1648 г. — Баргузинский острог, в 1652 г. — Иркутское зимовье на Дьячем острове (в 1661 г. на его базе сооружён острог на правом берегу р. Ангары¹), в 1654 г. — Балаганск.

Наибольшее значение в это время имел путь с Ангары на Лену по Илимю. Ангарские пороги ниже Братска служили значительным препятствием для «водяного хода». Сопротивление населявших западное Прибайкалье бурят («бращих людей») также сперва способствовало отклонению движения русской колонизации с Ангары на Илим, поэтому Илимск в это время приобрёл значение центра особого воеводства, играя большую роль, чем Иркутск.²

В документах того времени Илимск часто называют «Ленским волоком». Название это тоже имеет свою историю. Путь с Илима на Лену первоначально сворачивал, не доходя Илимска, Первые казачьи отряды пользовались притоком Илима — Игирмой, а из её верховьев переваливались в бассейн Куты, по которой достигали Лены. Этим путём, например, прошёл в 1628 году отряд пятидесятника Василия Бугра, добравшийся в следующем году до места, где был основан Усть-Кутский острог. Позже тунгусы указали «сухой путь» от самого Илимска на реки Муку — Куту. И с этого времени Илимск стал зваться «Ленским волоком». Несомненно, что именно положение Илимска близ этого волока определило, что он, а не основанный, примерно, в то же время Нижне-Илимск, около которого было много удобных «пашенных мест», стал административным центром края. В 1649 г. Илимск был превращён в город, к которому на правах особого воеводства приписывается и вся верхняя Лена до Чечуйского волока,

¹ Подробности см. Ф. А. Кудрявцев и Е. П. Силян. Иркутск. Очерки по истории города, Иркутск, 1947.

² Илимск встречается в маршрутах многих видных людей, двигавшихся на восток. Так здесь в 1645 г. зимовали направлявшиеся в Якутск воеводы Василий Пушкин и Кирилл Суловев (Серебренников, Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии, Иркутск, 1915), позже зимовавший здесь новый якутский воевода Дмитрий Францбеков принимал тут Хабарова явившегося со своим проектом движения в Даурию (Н. Шуклин, Посадка на р. Илим, Журн. Мин. Внутр. Дел, 1860, № 6). Ещё в 1725 г. Беринг направляясь в свою первую экспедицию, избрал Илимск местом зимовки.

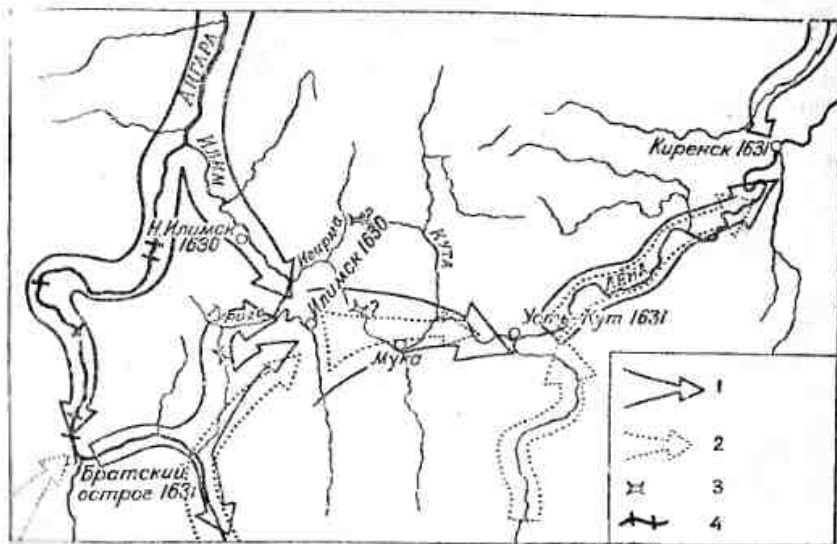

Рис. 3. Пути заселения Ангаро-Ленского волока.
1. Направление заселения в XVII—XVIII вв. 2. Позднейшие направления заселения. 3. Волоки. 4. Большие Ангарские пороги

то есть до современного Киренска. В Илимске были устроены жилищная изба и другие присутственные места.

Как только определилось значение «Ленского волока», сразу же началось транспортное освоение его — в характерных для XVII в. формах. Едва ли не основной повинностью илимчан делается постройка на Мухе и Куте дощаников и кочей для сплава провизии, пороха и людей «для якутской службы».

Заселение среднего течения Илима и Ангары образовало уже в XVII в. довольно густые цепочки сёл. Спафарий в своём дневнике на отрезке от Братска до современного Заярска (80 км) отметил 13 деревень или замков; большинство их совпадает с существующими и сейчас сёлами.

Образование цепочек поселений по Ангаре и Илимю¹ вызвало ослабление между ними местной связи. Прототипом будущего тракта через водораздел (от Мамыри, а в последние десятилетия от Заярска) явился водный путь через Кежму («Волоковую» в отличие от соседней «другой» Кежмы) и Туригу. Об этом волоке упоминает и Спафарий: «А в реку Илим впадала речка Турыга.. От Илимского острогу до речки Турыги 15 вёрст. А от устья той речки едут сухим путём через камень на реку Ангару. И проезжают до Ангары в двое суток».

Различие между северной и южной группой маршрутов было очень существенным. И те и другие характеризовались зна-

¹ Подробнее см. В. В. Варанкин и В. В. Покшишевский. «Формы расселения и типы сельских населённых пунктов в районе средней Ангары и верхней Лены». Вопросы географии, Сб. 14, М., 1949.

чительными физико-географическими трудностями. Северные маршруты пролегали через зону с весьма суровым климатом и требовали плавания по мало населённым приполярным рекам с коротким периодом навигации, что вызывало иногда зимовки в неудобных для этого местах и т. п. На более южных маршрутах землепроходцы должны были идти вверх по горным участкам рек с быстрым течением и обилием порогов, преодолевать тяжёлые перевалы, через которые приходилось переносить на себе всю кладь. Преодолев перевал, надо было заново рубить лодки и струги, которые на севере чаще удавалось переволакивать. Наконец,—и это главное различие,—на юге землепроходцы столкнулись с сопротивлением более густого и воинственного населения. Буряты, населявшие Прибайкалье в период проникновения сюда русских, находились на стадии перехода к феодальному общественному укладу, хозяйственной основой которого было кочевое скотоводство с подсобным полуседелым земледелием. Формирование феодального строя у них ускорялось близким соседством с улусами крупных монгольских феодалов, от которых бурятские нойоны частично находились в зависимости.¹ В свою очередь бурятские нойоны устанавливали данно-зависимые отношения с отнесяемыми ими к северу более слабыми эвенкийско-тунгусскими племенами, облагая их ясаком («албаном»)². Сравнительная многолюдность бурят, их более высокий материально-культурный уровень, по сравнению с северо-сибирскими туземцами, и военно-феодальная организация вместе с природно-географическими трудностями определили собой то, что Предбайкалье, а затем и Забайкалье оказались в XVII веке наиболее трудным участком для проникновения и хозяйственно-политического освоения на всём пути русских от Урала до Тихого океана. 30-е и 40-е гг. XVII в. заполнены кровопролитными битвами казаков с куленгскими, ольхонскими, верхоленскими и ангарскими бурятами, неоднократными попытками со стороны бурят разгромить основанные казаками остроги (например Братский острог был в 1675 г. взят и все люди в нём перебиты, Верхоленский острог в 1644—1648 гг. подвергался четырёхкратной серьёзной осаде). Пришедшие вслед за казаками московские воеводы ознаменовали присоединение Бурятии жестокостями, не имевшими подобных прецедентов на других участках русской колонизации Сибири (например, жестокие расправы над коренным населением управителя Балаганского острога Ивана Похабова). Следует, однако, иметь в виду, что присоединение к России спасло бурят от закабаления монгольскими феодалами. Вот почему, став русскими подданными, они не раз бок о бок с казаками отбивали набеги

¹ Аналогично этому мы находим в процессе формирования феодализма у западно-сибирских аборигенов под влиянием воздействия на них феодально организованных татар периода Кучумова царства. Однако у бурят феодализация зашла много дальше, чем у туземцев, живших по западным притокам Оби к моменту проникновения сюда русских.

² Феодальный характер общественного строя бурят в XVII в. был обстоятельно раскрыт Ф. А. Кудрявцевым. См. «История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х гг. XIX в.», М.-Л., 1940.

монгольских ханов-тайшей (например, в 1674, 1683 гг.). В 1727 г. русский посол в Китай С. В. Рагузинский отмечал, что буряты «служат верою России, не уступая природным россиянам; своим дружным и кочеванием границу распространяли... На границе с великим чаюнием и верностью были доброоружны и доброконны... прикрытие границ и разъездами служили без жалования».¹

Для подтверждения прогрессивности вхождения бурятских земель в состав России очень важен и факт добровольного присоединения восточных бурят. На этот факт недавно настойчиво обращал внимание историк Б. Цибилов. «Местные летописцы определённо подчёркивают добровольный характер присоединения забайкальских бурят к России, указывают, что они предпочли белого царя в противоположность халхасским ламам и ханам, присоединившимся к маньчжурам».²

Однако сами экономико-географические различия между суровыми северными маршрутами-волоками и Прибайкальем неизбежно приводили к оттягиванию связей на южные пути. Земли по Ангаре и её притокам, местности близ Байкала и за Байкалом не являлись для русских лишь транзитной территорией на пути от одного речного бассейна в другой—они представляли и самостоятельный хозяйственный интерес. На бурятские улусы можно было наложить несравненно более высокий ясак, чем на экономически маломощные роды северо-сибирских аборигенов. В качестве ясака выступала не только местная «мягкая рухлядь»—традиционная для всей Сибири пушная валюта, но и различные товары, находившиеся в обороте у бурят, знавших уже обмен с соседями: та же пушнина, но поступавшая сюда в порядке торгового обмена с севера, китайские и маньчжурские товары (шёлк, серебро), собственный скот, отчасти просо и другие продукты бурятского земледелия, хотя последнее тогда было ещё слабо развито. Эти продукты были существенным подспорьем при платёже хлебного жалованья. Острожки лесостепного и даже степного ландшафта в Прибайкалье заставляли русских интересоваться здесь и самой землёй для хлебопашества. Ниже мы увидим значительные успехи в заведении «Илимской пашни».

Наконец, не последнюю роль в оживлении именно южных путей на восток от Енисея играли смутные, но достаточно многообещающие представления о наличии в Прибайкалье ряда полезных ископаемых (серебро и даже золото, слюда, поваренная соль, медные руды).³ Во время похода Як. Хрипунова вверх по Ангаре

¹ Байтыш-Каменский. «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами». Казань, 1882, стр. 146.

² Б. Цибилов. О националистических ошибках по истории Бурят-Монголии. Зн. Бурят-Монгольского НИИКЭ, VIII, 1948, стр. 98.

³ «Сбор ясака с инородцев был... реальным мотивом, двигавшим правительственную колонизацию Сибири. Но надо признать, что правительственная политика относительно Восточной Сибири определялась также и различными надеждами, которые порождались ходившими слухами об её ископаемых богатствах. Занятие Забайкалья, например, вызвано было слухами о наличии там серебряных, медных и свинцовых руд» (М. К. Любавский. Историческая география России в связи с колонизацией, М., 1908, стр. 304).

(1629 г.) его интересовал не только ясак, но и серебро, которым буряты часто украшали свои изделия; ввиду ходивших в Москве слухов о том, что в бассейне Ангары есть месторождения серебряной руды, к отряду Хрипунова был прикомандирован «плавильщик и серебряный мастер» Московской оружейной палаты Иван Репя.¹

Некоторые из полезных ископаемых Прибайкалья частично уже эксплуатировались ещё до русских самими бурятами (например, производилась ломка слюды).² Эти горнопромышленные перспективы русские реализовали в широких масштабах только в XVIII в. Наконец, через «Брацкие земли» лежали кратчайшие пути в богатый и культурный Китай, известия о котором неизменно фигурируют во всех описаниях Сибири XVI — XVII веков. Известия эти создавали заинтересованность в новых путях именно через зону Прибайкалья и у торгового капитала — именитых «гостей», стоявших позади простых казаков-землепроходцев.

Русские на Амуре и берегах Тихого океана. Русские землепроходцы подошли к Тихому океану с его наиболее негостеприимного северного «крыльца». Дальнейшее закрепление их на его берегах (завоевание Камчатки Владимиром Атласовым в 1697—1698 гг., покорение Чукотки в начале XVIII века) шло, опираясь всё на ту же систему северных речных и сухопутных маршрутов. И на крайнем восточном отрезке сибирского миграционного театра движение сохраняло всё тот же «северо-пушной» стиль освоения.

Рассматривая фактический ход русского движения в Сибири, его стремительные переходы из бассейна Оби в бассейн Енисея и оттуда — в бассейн Лены (в том числе и через район Байкала, лежавший так близко от верховьев Шилки) и далее к Тихому океану, мы не нашли в этой схеме места Амuru, четвёртой из великих сибирских рек. Почему?

Конечно, не потому, что русские не проведали об Амуре и не оценили очень рано его географическое положение. Сознание того, что именно здесь — и притом в гораздо более приветливой зоне — лежит наилучший путь на восток сквозит в бесчисленных исторических документах уже чуть ли не с трети XVII века. Русские сделали попытку выйти на эту великую реку и укрепиться на ней. Но попытка эта потерпела неудачу и не оказала поэтому в XVII в. заметного влияния на фактический ход миграционных процессов. Рассмотрение её тем не менее очень поучительно, так

как самые мотивы движения русских в XVII веке на Амур и обстоятельства, сопровождавшие этот эпизод, помогают понять обстановку, которая сложилась к этому времени в Сибири.

Об Амуре у землепроходцев, по рассказам и слухам, было достаточно ясное представление,¹ как о большой реке, выходящей, с одной стороны, в уже известное им «Китайское море», с другой — на торговые пути, сулившие выгоды прямых сношений с Китаем. Река эта была несравненно более удобным путём к Тихому океану, чем северные маршруты, была сама по себе богата пушной и, наконец, протекала через местность, благоприятную для хлебопашества. Однако этот заманчивый во многих отношениях Амур оказывался наименее доступным именно с той стороны, где путь к нему был короче всего и естественнее — со стороны Шилки, из Забайкалья. На «первой линии» подступов к нему приходилось преодолевать ожесточённое сопротивление бурят, на «второй» русские сталкивались с интересами монгольских тайши, боявшихся потерять своё влияние на бурят; а тайши эти могли опираться уже на поддержку и китайско-маньчжурских властей. Что касается самого Амuru, то он был по существу ничьей рекой, и претензии на него со стороны Китая носили чисто номинальный характер. Политико-географическая ситуация в Забайкалье привела к тому, что русские вышли на Амур «сбоку», достигнув его боковыми ответвлениями своих, уже вполне и бесприветливо освоенных северо-восточных маршрутов. Замечательный рейд письменного головы Василия Пояркова (1643 — 1646 гг.) вывел его по Алдану, Учтуру и Гонаму² и далее через горные перевалы — в Зею и Амур. Поярков, преодолевая необычайные трудности, спустился до устья Амuru, прошёл морем мимо Шантарских островов до устья Ульи, по которой поднялся до волока (исревала) в Маю и по последней вернулся на Алдан, замкнув таким образом этот необычайный маршрут. Поход Ерофея Хибирова (1649—1651 гг.) принёс русским более прочное закрепление на Амуре. Путь, открытый им, был гораздо короче: из Лены по Олёкме, её притоку Тунгиру (Тугиру) и затем горными перевалами непосредственно в Амур. На этом пути возникло несколько новых острожков, бывших одновременно военными базами и заставами. Уже в 1653 г. в верховьях р. Тунгира (близ подтока) был срублен Тугирский острожек: «в угодном крепком месте под волоком, где с Олёкмы переходить будет русским людям пешим ногою, сухим путём только два дни». Острожек создан «для поставления пашенного и для приходу русских людей воинов». Однако опыты земледелия здесь не имели успеха. В 1656 г. в устье Олёкмы был заложен Олёкминск, чтобы препятствовать побегу «в Дауры служилых и промышленных и всяких людей и пашенных крестьян».

¹ По Шумахеру, первые сведения об Амуре относятся к 1636 г. (Н. В. Шумахер. Первые русские поселения на сибирском Востоке, Русской архив, 1879, № 5).

² На Гонаме Поярков насчитал 42 больших и 22 малых порога (С. В. Бяхруши и, Казаки на Амуре, Л., 1925, стр. 9).

¹ Заметим здесь же, что новейшие работы историков показывают, что заинтересованность в ископаемых богатствах проявлялась не только в Восточной Сибири. Очень интересна в этом отношении вышедшая недавно работа А. Р. Пугачёва о поисках в 1624 г. под Томском железных руд («сидя камня железо добро, такое ж, что и в Кузнецкой земле»). Последнее указание свидетельствует о том, что томичи в это время уже знали и ценили руды Горной Шории (А. Р. Пугачёв. Фёдор Еремеев — первооткрыватель железных руд Сибири. Вопросы географии Сибири. Сб. 1, Томск, 1949). Работы советских историков всё больше раскрывают нам прозорливость и широкий государственный кругозор наших предков — простых людей, попавших в Сибирь.

² М. И. Помус. Бурят-Монгольская АССР, М., 1937, стр. 160.

На самом Амуре Хабаров создал ряд укрепленных острожков, успешно выдержавших борьбу с посланными против них маньчжурско-китайскими отрядами.¹ Уже в 1652 г. он смог передать управление этими острожками и всей «Даурской землей» присланному представителю Москвы. Хабаров рассматривал свои успехи на Амуре и в Даурии как часть широко задуманного государственного плана поворота всего сибирского землеосвоения на более южные пути, где оно было бы обеспечено местным земледелием, открыло бы возможности для разносторонних экономических сношений с народами Дальнего Востока и т. д. Осуществление этого плана шло довольно успешно. К 80-м гг. XVII столетия на Амуре, помимо «собинной» (то есть собственной крестьянской) пашни и «отъездных полей» значилось более 1500 дес. засеянных русскими полями; так как хозяйство велось по заимочно-переложной системе, площадь освоения рисуется довольно значительной. Хлеб действительно стал вывозиться из Даурии в более северные остроги. Русские современники, отмечая, что приспособиться к непривычным условиям земледелия очень трудно («хлеб по три года не доходил — ржа давила и червь ел»), всё же дружно характеризуют край с положительной стороны: «Из всех сибирских городов на той даурской земле всякий хлеб родится».²

Создание «Амурских городков», важнейшим из которых был Албазин (осн. в 1665 г.),³ дало толчок для прокладки ещё более южных путей на Амур через Забайкалье: Нерчинский острог, основанный в 1658 г.,⁴ Селенгинск — в 1666 г. В результате этого торной дорогой в Даурию в 60—70-х гг. XVII столетия делается путь по Селенге (или через Баргузинский острог, сохранявший значение административного центра Забайкалья), по Уде, мимо оз. Теленба на Читу — Нерчинск и далее по Шилке к Амuru.

¹ Китайские источники признают мужество и военное искусство казаков. Вот что писал о них китайско-современник: «Люди все с выпальными глазами, высоким носом, зелёными зрачками и красными волосами; они храбры как тигры и искусны в стрельбе из ружей; у них были пушки, называемые арбузом, потому что форма их (ядер) похожа на арбузы; они метко попадали в неприятельский лагерь хотя бы на расстоянии нескольких ли и только там растрескивались... Оружие их было весьма страшно» (Записки о Ниньгуге. Перевод В. П. Васильева, Зап. ИРГО, XII, СПб, 1857).

² Б. И. Огородников. Туземное и русское земледелие на Амуре. Владивосток, 1927.

³ Другие русские поселения по Амuru: монастырь в урочище Брустай камень (1671), Долонский острог (у устья Зен), Селемджинский острог на р. Селемдже, «Ясачное зимовье» у устья Гиллоя, Усть-Дукичинский острог (1682) и др. Особенно интересно, что с 70-х гг. XVII в. наряду с этими городками возникают стихийно довольно многочисленные пашенные слободы. В 1681 г. правительство ведёт подготовку к более организованному земледельческому переселению на Амур, командировав туда боярского сына Милованова для присмотра мест под заселение. В следующем 1682 г. Албазин становится центром особого воеводства.

⁴ Описывая основание этого острога, С. В. Бахрушин пишет, что Москве пришлось отказаться от первоначального плана завоевания Амuru. Вместо того, бывшему енисейскому воеводе Афанасию Пышкову было предписано основать на верховьях притока Амuru — Шилки, на р. Нерче город, будущий Нерчинск, откуда предполагалось очень постепенно произвести покорение всего Приамурья» (цит. соч., стр. 59).

Вокруг амурских городков разгорелась сложная военная и дипломатическая борьба. Результаты её известны: Москва, располагавшая на далёком Амуре ничтожной горсткой казаков, не могла тогда удержать в своих руках великую реку. Военный нажим со стороны Китая был слишком силен; несмотря на успешную оборону амурских городков, русским пришлось уступить и по Нерчинскому договору 1689 г. эвакуировать свои гарнизоны и срыть городки.¹ Нерчинский договор, по которому Россия должна была отказаться от своих достижений на Амуре даже для транзитного плавания, надолго отбросил всё миграционное движение русских к Тихому океану на те северо-восточные неприветливые маршруты, которыми русские первоначально шли.² Трудно переоценить значение Нерчинского договора для общей задержки хозяйственного развития всей Восточной Сибири. На всём восточном отрезке сибирского миграционного театра вплоть до самой середины XIX века установилось господство лишь «пушных» мотивов освоения, которое оставалось крайне поверхностным.

Географическая среда, в которой шло заселение. Мы видели, что основные вехи короткой, но полной событий и географических подвигов истории продвижения русских до Тихого океана. Театр, на котором происходило это беспримерное движение, не создавал сколько-нибудь серьёзных политико-географических препятствий (Забайкалье и Амур были исключениями), но он был необычайно суровым и трудным в физико-географическом отношении. Ландшафтный «фон», на котором происходило движение землепроходцев, может быть грубо разбит на три зоны: 1) На западе — равнинная тайга и лесотундра с медленно текущими реками и обилием болот, в которых теряются верховья притоков. Средством сообщения здесь служили лодки. Маршруты движения были на тысячи километров привязаны к рекам. Городки и острожки устраивались почти исключительно в узлах водных пу-

¹ Единственным положительным результатом пребывания русских на Амуре явилось то, что пребывание это дало толчок для более энергичного прокладывания дороги на Шилку через Забайкалье, которое осталось и после Нерчинского договора в составе Русского государства. Однако Амур не был выигран ни русским народом, ни передовыми русскими государственными людьми, и память о пребывании здесь русских в XVII веке во многом определила отношение России к возвращению на Амур в половине XIX века после замечательных открытий Г. И. Невельского, подошедшего к Амuru с моря, доказавшего проходимость для морских судов Амурского лимана и убедившегося, что сам Амур попрежнему фактически «ничья» река.

² Интересно, что в ходе нерчинских переговоров со стороны китайцев видную роль играли иезуитские миссионеры. Западная Европа, добывавшая уже в XVII веке открытия «морских дверей» в Китай, была заинтересована в том, чтобы воспрепятствовать сближению Руси с Китаем, что стало бы неизбежным при закреплении русских в бассейне Амuru. Сосредоточение русско-китайской торговли в единственном пункте — Кяхте, где она быстро приобрела весьма ограниченные черты (традиционные ежегодные рассторжки) — шло к выгоде европейских государств, с агентурой которых в виде иезуитских советников китайской делегации русские и столкнулись в Нерчинске.

тей (чаще всего при выходе из более мелких рек на «магистральные» — близ устьев первых).¹ Разветвлённость речной сети позволила обходиться тут почти без сухопутных маршрутов даже при освоении глубинных районов. Только зимние пути, использование которых в первый период освоения было, впрочем, незначительным, могли иногда отклоняться от рек. 2) На востоке (от Енисея до Камчатки, включая и Прибайкалье) — гористая тайга и лесотундра с труднопроходимыми падами, гольцами, седловинами между сопками и перевалами на основных горных хребтах. Реки, остающиеся и здесь главными путями, имеют гораздо более быстрое течение, часто порожисты. Волоков тут по существу нет, место их занимают горные перевалы. Сухопутные «вставки» в основные речные маршруты становятся значительными по протяжению. В ряде случаев возникали и чисто сухопутные маршруты; трудность движения по ним была не больше, чем по быстрым рекам против течения, особенно в их верхних горных участках. Значительная часть острожков приурочивается уже не к узлам водных путей, а к перевалам на сухопутных участках маршрутов. Зимние пути приобретают большее значение чем на западе. 3) Побережья Северного Ледовитого и Тихого океанов. Особенностью их являются негостеприимность берегов и суровые навигационные условия ввиду тяжёлого ледового режима и частых туманов (особенно в Беринговом и Охотском морях). Для устройства постоянных заселений нет почти никаких оснований. Опорные пункты для освоения побережий прячутся в глубине устьев, губ. Только на гористых берегах тихоокеанских морей, где такие устья редки, возникают приморские острожки — гавани, для которых выбираются защищённые бухточки.

Перечисляя ландшафтные зоны миграционного театра Сибири конца XVI — начала XVII века, мы не назвали лесостепь и степь. В действительности, однако, ряд созданных русскими опорных пунктов, особенно на западе Сибири, лежал в зоне лесостепи и даже на границах степи. Наряду с широтным поступательным движением — с запада на восток, шло и движение меридиональное — с севера на юг. Однако нужно иметь в виду совершенную несоизмеримость того и другого. Многотысячелометровому широтному движению «сквозь тайгу и вдоль морских арктических берегов — от Урала до Тихого океана — противостоит весьма скромное продвижение передовых русских форпостов в сторону степи, измеряемое немногими сотнями километров — от Тары до Омска, от Томска и Кузнецка до Бийского

¹ Тобольск, Нарым, Тара, Туруханск, Сымск, Берёзов (последний у устья реки Киртас, по которой шёл один из ранних путей через «Камень») и многие другие городки и острожки. Томск, Енисейск, Сургут возникли, если не «топографически», то «экономически» также у перехода с притоков на главные реки (Сургут — близ устья р. Бардаковки, в бассейне которой лежало богатое пушшиной остяцкое «Бардаково княжество», контроль над которым обеспечивался господством над устьем этой реки).

рога, от Красноярска до Минусинска.¹ На юге русские сталкивались с весьма «упругим» сопротивлением кочевников-степняков, «лишившимся после того, как сюда были отброшены татары и чумова царства. Русское движение как бы скользило по касательной «вдоль» лесостепи и степи, и незначительное (особенно на сибирских масштабах) проникновение на юг являлось пока лишь слабым, вторичным отражением движения на восток.

Проникновение это имело первоначально почти исключительно военно-стратегические мотивы. Нужно было обеспечить оборону более северной полосы, где сосредоточивались основные операционные базы русского движения, «направленные» на восток. В частности, важна была оборона новых пашен, создаваемых для обеспечения этого движения местными продовольственными ресурсами, а также безопасность ямских поселений вдоль складывавшихся трактов и т. п. Укреплённые форпосты выдвигались на юг лишь на наиболее угрожаемых направлениях, но постепенно образовывали сплошные «линии» прикрытия. Вокруг выдвинутых в лесостепь и даже в степь городков возникали местные очаги земледелия, несравненно более заманчивые (по плодородию чернозёмных почв, лёгкости распашки и т. п.), чем в таёжной зоне. Однако слабость немногочисленных сил Руси в Сибири ещё не позволяла по-серьёзному обеспечить военную безопасность этих «линий», «выставок» и починков в степи и лесостепи. Кадры «пашенных крестьян», попадавшие за Урал, были настолько немногочисленны, что почти целиком оседали на тех землях, освоение которых считалось первоочередным, так как они были расположены у проходивших севернее, вдоль безопасной зоны, трактов, обрабатываемых здесь ямов.

Военно-оборонительные линии на юге Сибири. То, что мотивы создания южной цепочки городков и укреплений были связаны с чисто оборонительными задачами, резко отличало эти сибирские «линии» от «черт» и «линий» XVI и XVII века на юге Московского государства и в Поволжье. Там «черты» и линии имели тактически-оборонительный характер со стратегической точки зрения были наступательными. Неподохожими были сибирские линии на свои южно-русские прообразы и тем, что здесь отсутствовала система сплошных укреплений. Нечего было и мечтать об устройстве и охране непрерывных засек, рвов, частоколов. Небольшие городки и форпосты, отстоявшие друг от друга на десятки километров, были «линией» только в административном отношении, служа лишь для разъездной конной службы казаков и ратных людей, оберегавших степной рубеж от южно-сибирских кочевников.

Наиболее раннюю линию образовали «тобольские и исетские остроги», прикрывавшие первые пашенные слободы по Туре и Исете. Крайние южные пункты её образовали Курган (тогда назы-

¹ Омск основан в 1716 г., Бийское укрепление в 1709 г., Минусинск — в 1707 г. Таким образом, в лесостепи, примерно, за сто лет, за которые в обратном направлении был пройден путь в 7—8 тысяч километров до Чукотки и Камчатки, русские заняли полосу шириной в 250—400 км.

вавшийся Царёвым городищем)¹ и Утяцкий острог. Затем линия укреплений передвинулась южнее и восточнее, на рр. Вагай и Ишим.² Несколько позже продолжением её стал Зудиловский острог (к западу от Тары) и ряд острогов по Иртышу (от крепости Большерецкой до Чернолуцкого острога). Таким образом «ишимская» линия была продолжена восточнее на Иртыш, почти не сдвинувшись при этом к югу. Самостоятельная группа укреплений сложилась к этому времени в бассейне Оби — цепочка острогов, прикрывавших течение р. Томи (от Томска до Кузнецка). Эту цепочку входили основанные в 1657 г. остроги Сосновский, Верхне-Томский и Мунгатский. Прошло около ста лет, прежде чем русские смогли несколько сдвинуть к югу ишимско-иртышскую цепь укреплений, в частности, спрямить дугу, образованную течением Тобола и Иртыша, и связать укрепления на Иртыше с Кузнецком не через Барабинскую степь, а через Алтай. Только к середине XVIII века образовались соответствующие новые линии: на западе «Пресногорьковская», или «Горькая», устья р. Уи и крепости Звериноголовской при впадении её в Тобол через крепость Петропавловскую на Ишиме и Омскую в устье Омь;³ юго-восточнее — линия по самому Иртышу, через Корковскую станицу (современный г. Павлодар), укрепление Желзинское, Семипалатное до Усть-Каменогорского; на востоке «Кузнецко-колыванская» линия (от Иртыша по Убе через Змеиногорск, Колывань и Бийск на Кузнецк).⁴ Уже в 60-х гг. XVIII столетия Кузнецко-Колыванская линия была передвинута ещё южнее на Убу.

Таким образом, только в XVIII в. были закреплены земли степи между Иртышом, Алтаем и Обью.⁵

Как проходила начальная колонизация и кто её осуществлял. Жизнь землепроходца в суровых просторах Сибири требовала исключительного напряжения и физических и духовных сил. Надо было рубить острожки, строить кочи и ладьи. По многу недне-

¹ Основан в 1583 г. и перенесён на современное место в 1616 г.

² Крайними пунктами её были Абацкий и Коркинский остроги; из последнего, основанного в 1670 г., позже образовался г. Ишим.

³ Перечислим укрепления, составлявшие эту линию (с запада): Звериноголовское, Пресногорьковское, Кабанья, Пресновская, Становая, Скопая, Петропавловское, Полуденная, Лебяжья, Николаевское, Покровская, Чернолуцкое.

⁴ Сюда входили укрепления (перечисляем, начиная от Иртыша): Усть-Каменогорское, Согра, Доброво, Сеитово, Верхняя Уба, Большерецкая, Пискаря, Яровский, Чарышская, Маралиха, Николаевский, Бийск, Новиковский, Змеиногорский и Колыванский заводы, составлявшие главные центры этой линии, были расположены «внутри» неё. Первоначально линия проходила через оба названных завода и форпосты Староалейский, Екатеринбургский и Белорецкий.

⁵ Приведём даты основания некоторых укреплённых пунктов, осуществивших это закрепление: Петропавловское—1752 г., Павлодар (станция Корковская)—1720 г., Усть-Каменогорское—1719—1720 гг., Семипалатное—1718 г., Барнаул—1739 г., Змеиногорск—1742 г., Бийск—1709 г., Колыванский завод—1723 г. К середине XVIII в. русские рубежи несколько сдвинулись к югу и в наиболее близкой к Уралу части (Троицк в верховьях р. Уи основан в 1743 г.).

стались плавания на них — наполовину ощупью по слабо ещё исследованным рекам. Для сбора ясака надо было сперва ещё «найти» затерявшееся среди северной пустыни коренное население. Тяжёлой была работа на волоках и перевалах; трудны зимовки там, где путников заставляли капризы ранней зимы (хорошо, если к этому времени удавалось добраться до острожка). Летом надо было спешить воспользоваться коротким периодом навигации, чтобы провести кочи между льдами и негостеприимным неведомым берегом. «А путь нужен и прискорбен и страшен от ветров», — эпически жалуется современное описание. Зимой приходилось идти на лыжах или на нартах по смутно угадываемым дорогам, часто с кладью на себе, почти всегда — без возможности заночевать под крышей или хотя бы в туземном чуме. Расчётом надо было расходовать драгоценные запасы свинца и пороха, муки и сухарей, доставленные из-за тридцати земель; редкими были вооружённые стычки с не вполне покорившимся коренным населением и (ещё гораздо чаще!) столкновения с местным козведом, приказными дьяками и другим «начальством», требовавшим непомерную долю в пушнине, добытой с таким трудом. Из всего этого складывался повседневный быт землепроходца. В короткие перерывы между своими походами, попав на время в гарнизон того или иного острожка, землепроходец жил в вазах срубленной избе, доотказа переполненной казаками, случайно застрявшими в «городе» промышленниками, гулящими людьми.¹ Но привычка к странствиям, азарт «открывательства» не дала ему долго засиживаться на одном месте. Да к тому же «сибирский материал», которым в Сибири располагало Московское правительство, был настолько малочислен, что только постоянная переброска людей с места на место, использование их для самой разнообразной деятельности позволяли кое-как справляться с возникавшими задачами. Недаром в казачьих челобитных почти как установившаяся формула постоянно повторяется: «И был я, государь, во всяких твоих службах, и в пешей и в конной, и в важной, и в стружной, и в пушкарях, и в затынщиках, и у строевых острогов, и у сбора твоего, государь, ясака, и в толмачах, и в войсках».²

Центральными фигурами среди ранних сибирских переселенцев, не столько по своему численному преобладанию, сколько по отношению-ведущей роли, особенно на «переднем крае» колонизации, были казаки³, служило-ратные «государевы» люди и вольные промышленники-землеоткрыватели. Историки не раз указывали, что в ходе освоения Сибири «нельзя провести строгого различия между представителями государства, служилыми людьми, и но-

¹ Первоначальной формой поселения являлось часто зимовье, служившее как местом для зимних стоянок проезжих людей (в том числе и казачьих отрядов), так и для сбора ясака (Серебренников, цит. соч., стр. 56).

² Россия, т. XVI, стр. 168.

³ Сибирские казаки — наследники вольницы Ермака — отличались от казаков, вняемых нам по Дону, Янку, Запорожью, отсутствием чёткой войсковой организации. (Сибирские казаки «войска» юридически оформились лишь в XIX в. уже в порядке казённого сословного «творчества»).

сителями частных интересов, людьми торговыми и промышленниками. Те и другие одинаково «государевы люди», потому что делают одно и то же государево дело: ищут «великого государя прибыли». ¹ Близость служилых и промышленных людей выразилась не только в сходстве их деятельности, но и в лёгкости перехода из одной категории в другую.

В самой материальной организации «проведывания новых земель» и первичной их эксплуатации не было заметной разницы — осуществляли её снаряжаемые государством отряды служилых казаков или добровольно собравшиеся «ватаги» промышленных. ² И там и здесь государство помогает землепроходцам хлебными запасами, иногда транспортными средствами (снасти и такелаж для постройки судов), оружием, свинцом и «зелем». Добыча, собранная правительственными экспедициями и экспедициями, снаряжёнными в частном порядке, распределялась примерно одинаково: частью этой добычи били челом великому государю, другой покрывали общие для всего отряда издержки (иногда авансированные предприимчивым «торговым человеком»), третью делили на пай, как бы служившие жалованьем (ведь «государево жалованье» редко обеспечивало служилых; выступая в очередной поход, они действуют иногда и на свой страх и риск). Примерно так же распределялась и добыча ватаги вольных промышленных. Не было особых отличий и в организации самих походов: во главе всегда стоял инициативный и бывалый человек, отличавшийся от своих товарищей большим мужеством, походным опытом, сметкой. Часто это — грамотей, составлявший после похода «скаска» и отписки, богатству содержания которых (в том числе и с точки зрения географической наблюдательности, меткости географических характеристик) мы удивляемся и сейчас. Если речь шла о ватаге промышленных, этот вожак назывался «передовщиком», которому рядовые участники похода («покрученники») беспрекословно повиновались.

Разумеется, следует отдать себе полный отчёт в том, что смелые землепроходцы не представляли собой однородной массы. И среди казаков, и среди рядовых служилых людей, и среди промышленных налицо была значительная дифференциация, делавшая из одних «передовщиков», атаманов, пятидесятников или «голов», чиновников-дьяков и торговых воротил, а из других — рядовых «покрученников», «худых казакишек», немущих гулящих людей, шедших подчас просто из нужды в очередной отчаянно-смелый поход. Однако эта дифференциация не получала отражения в социально-географических чертах заселения Сибири, в противоположность южной и поволжской окраинам России, где, например, низшие категории служилых людей образовали значительные массивы однодворческих поселений и т. п. Быть может, это приходится поставить в связь с большой подвижностью социальной

структуры населения Сибири в XVII—XVIII веках. Первые наемники Сибири с большой лёгкостью переходили из одной социальной и имущественной группы в другую, а сами эти группы не становились окостеневшими, состоящими из устойчивых контингентов. Социальное положение в биографиях отдельных участников движения в этот период меняется иногда с головокружительной быстротой.

Кто и когда шёл в Сибирь. Мы знаем, что движущей силой колонизации служил, с одной стороны, гнёт феодальной эксплуатации на родине, с другой — стремление самого феодального государства к захвату заманчивых просторов Сибири.

Из каких же социальных групп и из каких географических районов Московской Руси черпались ранние колонизационные контингенты Сибири? Кто были люди, совершившие за короткий срок неслыханный подвиг открытия и первоначального освоения нового континента, подвиг, требовавший исключительного и повседневного напряжения их физических и духовных сил?

При ознакомлении с составом первых засельщиков в глаза бросается большая пестрота этого состава по его социальному происхождению. Собственно-казаки — выходцы из казачьих вольниц, «гулявших» по Дону и Волге, беглые крестьяне, которых в Сибирь всё же догоняло государево тягло (если им не удалось повстретаться в казаки); стрельцы, превращавшиеся среди таёжных просторов в предприимчивых промышленных; служилые люди из поповичей и расстриг, крестьяне-переведенцы (в отличие от «российских» — обычно опальные); ¹ поселенцы из пленных «яркасов» и литовцев; проштрафившиеся дворяне и дети боярские, ссылаемые в гарнизоны далёких сибирских острогов; раскольники, уходившие подальше от глаз государственной церкви; купцы, привлекаемые баснословными барышами от торговли мягкой рухлядью и при снаряжении «ватаг»; государевы крестьяне, присланные для «ямской службы», ратные люди, пушкари, рудокопы, для привлечения которых в Сибирь прилагались большие усилия, «толмачи», гулящие люди, попы и дьяконы и снова «государевы пашенные люди» и казаки — вот пёстрый перечень первоначальных сибирских засельщиков, мало напоминающий строгую социально-сословную определённость колонизации какой-нибудь Белгородской или Симбирской черты на юге Московского государства. ² В этой толпе трудно выделить даже два главных потока — легально-государственный и вольно-народный, хотя в принципе происхождение каждого переселенца и здесь также

¹ Так город Пелым был заселён опальными пермичами и угличанами (1597—1593 гг.); впоследствии эти переселенцы расселились в соседние Табарскую (1600) и Гаринскую (1623) слободы.

² Особое место среди первоначальных засельщиков Сибири занимают «опальные». Значение ссылки для заселения Сибири подробно рассматривается нами в гл. IV; нам представилось более удобным рассмотреть там также и начало XVII в. (которая, как будет показано, не являлась ещё серьёзно-значимой) с тем, чтобы проанализировать в одном месте весь процесс развития ссылки в Сибирь.

¹ Г. Вернадский. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века. Журн. Мин. Нар. Просв., 1915, апрель, стр. 336.

² В документах XVII—XVIII, а частично и XIX века слово «промышленный» употребляется как имя существительное.

связано либо с вольно-народным, либо с государственно-организованным переселением. Социальное положение отдельных переселенцев и целых групп их очень неустойчиво, самые общественные функции их изменчивы и причудливо переплетены.

Таким же пёстрым представится нам состав переселенцев по районам их выхода. Среди них можно встретить выходцев буквально из всех областей Московского государства. Вопрос о географических районах выхода ранних засельщиков Сибири мало разработан.¹ Обычно исследователи ограничиваются указанием на преобладание среди них северян. Нередко даже утверждалось, что именно Север и Северное Приуралье и явились поставщиком населения для Сибири.² В. И. Шунков, исследуя специально формирование крестьянского населения Западной Сибири в XVII веке, в общем тоже соглашается с этой точкой зрения.³ «Основным районом выселения был Север, поморские уезды. Это объясняется и давними связями именно Севера Сибири, и направлением путей сообщения в Сибирь, и, наконец, характером населения. Черносошное крестьянство больше других категорий сельского населения сохраняло относительную свободу передвижения». Однако, разработав данные переписных книг 1669 и 1695 гг. Камышевской и Арамильской слобод, Колчеданского и Катайского острогов и долматовских деревень, содержащие сведения о местах выхода 872 чел., Шунков принуждён сделать оговорку, что «Север, являясь основным районом выселения, не был и в XVII в. единственным».

Приведём группировку засельщиков этих слобод по районам выхода. Это тем более интересно, что данные, найденные В. И. Шунковым, являются пока единственными в своём роде.

Урал (гл. обр. Северный)	—450 чел. или 58%
Поморье	—186 „ „ 24%
Поволжье	— 92 „ „ 12%
Центр	— 46 „ „ 6%
Южные окраины	— 2 „ „ 0%
Итого	— 776 чел. или 100%
Сибирские города и слободы	— 76 „ „ —
Места выхода неясны	— 20 „ „ —
Всего:	— 872 чел.

Данные эти говорят о преобладании Севера и Урала, но не об исключительной роли этих районов. Следует иметь в виду, что

¹ Разработка его затрудняется тем, что подавляющее большинство первых землепроходцев имело до своего появления в Сибири достаточно богатую и бурную биографию, в которой теряется место первоначального выхода.

² Сравни, например, у Н. Н. Козьмина: «Путь из Москвы в Сибирь шёл через Поморье, и ясно, что было естественное передвижение ближайшего населения, чем более отдалённое» (Очерки прошлого и настоящего Сибири, СПб, 1910, стр. 232).

³ В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII начале XVIII века, М.-Л., 1946, стр. 47—51.

они относятся к крестьянскому населению, осевшему у самого «орога» Сибири. Уже априорно можно думать, что среди переселенцев, продвинувшихся в глубь Сибири и представленных здесь подвижными категориями, соотношение будет иным.

Мы утверждаем, что вся Московская Русь в целом представляла контингенты поселенцев для Сибири. Показательными в этом отношении представляются нам прозвища первых переселенцев. Они говорят о происхождении их из самых различных областей Московского государства. Из именного указателя к первым двум томам «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (изд. Акад. наук, 1937, 1941), занимающего 46 стр. убористого текста, мы выписали все упоминающиеся в этой «Истории» и сопровождающие её исторических документах прозвища первых колонизаторов рядовых казаков, служилых, промышленных, крестьян, стрельцов, десятников, сборщиков ясака и т. д., явно говорящие о местах выхода их носителей.¹ Всего у нас набралось 50 «беспримечных» имён, которые географически распределяются следующим образом: Центр Московской Руси — 15 (в том числе 4 «Московитянов», 3 Мещеряка, 2 Ярославца, 2 Калужанина), Поволжье — 11 (в том числе 5 Казанцев, 2 Свяженнина и 2 Астраханца), Северно-Поморские земли — 8 (в том числе 4 «Волошан», 1 Устюжанин, 1 Важенин, 1 Вычегжанин, 1 Ланьянин), Приуральский север — 3 («Вятка», Зырянин и Усолец), Северозапад — 5 (2 «Корелина», 2 «Руголишина»), Дон — 1, Южная Украина — 4 (из них 2 «Черкаш» и 1 «Черкашенин»), Запад — 3 (в том числе 2 «Вязьмина»). Кроме этих 50 имён, связанных с разными областями самого Московского государства, довольно много имён, говорящих о выходе из-за западных рубежей его — несколько фамилий польских шляхтичей, «Аманатка Литвин», даже «служилый человек Анна Франчуженин».²

Аналогичную работу мы проделали, пользуясь именным перечнем 590 детей боярских, казаков и ружников, приводимым в Окладной книге Якутска 1681 г.³ По прозвищам удалось локализовать места выхода 43 человек. Доля северян оказалась здесь довольно высока: половина (22 чел.). На втором месте стоит Урал (8 чел.), затем Центр и Поволжье (по 5 чел.); Запад дал

¹ Мы не включили сюда имена воевод и вообще служилой верхушки, для которой наличие «географической» приставки к имени ни о чём не говорит (так мы не включили в наш список многочисленных князей, например, «Богословских», князей Елецких, один из которых известен как основатель Трои, и т. д.); не включили и тех рядовых поселенцев, географические прозвища которых уже сибирского происхождения, например, «Верхотурец», и говорят лишь о вторичной миграции.

² Много выходцев из-за западных рубежей попало в Сибирь в форме ссылки и в качестве пленных. Так в 1645 г. в Сибири значилось около 1,5 тыс. ссыльных, из которых почти половина — пленные шведы, поляки и литовцы (Россия, т. XVI, стр. 130). Наряду с этим Московское правительство отпращивало в Сибирь, иногда большими партиями (по несколько десятков человек сразу), служилых иностранцев, главным образом ратных людей.

³ Опубликована в сборнике документов: Сибирские города. Материалы из истории XVII и XVIII столетий. Сост. Н. Д. Н., Москва, 1886.

4 человека. Среди локализуемых по прозвищам выходцев встречаем по меньшей мере двух зырян, одного татарина, вероятно трёх литвинов.

Состав сибирских поселенцев по месту их выхода, уже в силу самой пестроты комплектования, не мог не быть весьма смешанным. Следует иметь в виду и то, что в самих внутренне-сибирских миграциях, на их ранних этапах исключительно развиты были явления «вторичной» колонизации. Вообще подвижность уже попавших в Сибирь людских контингентов была очень высокой. При этом весьма заметную струю во всём потоке, особенно вначале, давали северные — поморские и приуральские области (в частности, среди пашенных «переведенцев»).¹ Для нас, однако, важно не столько численное соотношение мест выхода, сколько то, что первоначально именно север — старая область ещё новгородской колонизации, задавал тон движения, определял его «хозяйственный стиль». Особая предприимчивость, выносливость, трудовые навыки хозяйствования в таёжно-пушной зоне — эти черты как нельзя более подходили для ранне-сибирской эпохи. На кочах, пробивающихся вдоль берегов Ледовитого океана, в дружинах, «вывершивающих» притоки Оби, Енисея, Лены, мы встречаем каргопольцев, двинян, устюжан, холмогорцев, ижемцев, вологжан, белозерцев, олончан, беломорцев, вычегжан. Они образуют «закваску» всего движения, как бы продолжая то, что делали их предки в бассейнах Мезени или Печоры. Не случайно Семён Дежнев — устюжанин, Ерофей Хабаров — вологжанин, Исай Игнатьев (первым прошедший морем на восток от Колымы) — мезенец. Не случайно сложилась в Сибири поговорка, приводимая Словоцовым: «Без устюжан в Сибири никакому делу не бывать».

Пушнина и хлеб в первоначальном освоении Сибири. Незначительное продвижение русских на юг, в зону лесостепи и степи, где к тому же военно-стратегическая обстановка продолжала оставаться напряжённой, следует иметь в виду и при оценке процесса освоения ресурсов Сибири на протяжении XVII и даже начала XVIII века.

Мы уже не раз касались характерной черты этого освоения — его преимущественно пушного характера. Мы указали и на то, что само первоначальное проникновение русских в Сибирь северными путями, в обход камских земель, было как бы продолжением новгородско-поморских традиций экспедиций за пушминой.

Колонизация Сибири началась как чисто пушное «предприятие». Мотивами его было для государства получение «валютного» ясака, для промышленников-землепроходцев — прибылей от добычи той же пушмины. В силу географических условий движение в Сибирь втягивало на первых своих шагах главным образом

выходцев из Поморья, подготовленных всей предыдущей историей к осуществлению именно «северно-пушного» освоения. Эти северные контингенты засельщиков, даже вскоре сильно «разбавленные», в сильнейшей степени задали «тон» всему движению в Сибирь.

И пушнина — «соболиная казна» действительно стала главным мотивом этого движения. Сибирская пушнина сыграла выходящую роль в развитии государственного хозяйства Московской Руси. Не следует забывать, что «торговля мехами больше, чем на половину была её (казны — В. П.) монополией... Заповедными товарами считались, например чёрные лисицы, которые необходимо было приносить воеводе, а этот последний отправлял их в Москву... Монопольная торговля соболями была объявлена (лишь) в 1697 г., однако стесняема она была и раньше».¹

Было бы заманчиво подробно проследить, какое значение сыграли огромные фонды этой «валюты» в развитии народного хозяйства России (как для внутреннего оборота, так и для торговли с Западной Европой). Вероятно, не трудно было бы признать за притоком пушмины роль, во многом сходную с наводнением за сто лет раньше Испании, Португалии и некоторых других европейских стран драгоценными металлами из Нового Света.

Мы располагаем лишь отрывочными данными о количестве вышедшего из Сибири ясака и других поступлений «мягкой рухляки», однако для нашей цели — иллюстрации преимущественно пушных мотивов движения в Сибирь — подобных отрывочных данных будет достаточно. Вот, например, какие цифры на основании архивных документов установил С. А. Токарев для Якутского края. За первые четыре года воеводства Головина (1641—1644 гг. — В. П.) «с Якутской земли было собрано и послано в Москву ясака и всяких иных сборов 102131 соболь, не считая великой другой пушмины».² Период, о котором идёт речь, совпал с окончательным утверждением русских в Якутии и подавлением крупного восстания якутов 1642 г., то есть сопровождался повсеместным нажимом на туземное ясачное население, у которого, видимо, изымались не только текущие поступления пушмины от охоты, но и накопленные за прежние годы запасы её.³ В более «нормальные» годы поступление пушмины было меньшим, но всё же очень значительным. Характерно, что по мере того, как в результате хищнического истребления фаунистических богатств

¹ И. Яницкий. Торговля пушным товаром в XVII в. Киевские университетские Известия, 1912, № 9, стр. 10.

² С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа, М., 1940, стр. 60.

³ О том, что при сборе ясака подчас использовались не только и не столько текущие источники добычи туземцами пушмины за счёт нормально организованных охотничьих промыслов, сколько расхищение тех запасов её, которые имелись в виде «накопления» у туземцев, у нас есть немало свидетельств. Вот что писали камчадалы в «скаске-жалобе», подданной Берингу: «А соболя нет, то берут парками и куклянками... И что у нас имеется, то всё берут» (эсп. Беринга, д. № 3, л. 140, опублик. в сборнике «Колониальная политика даризма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.», Инст. народов Севера, П., 1935, стр. 49).

¹ На это обстоятельство указывает и П. Бушинский, проработавший богатые архивные материалы («Заселение Сибири и быт первых её жителей», Харьков, 1889).

тайги¹ падали размеры ясака (в расчёте на «ясашную душу»), местные власти стремились компенсировать эти потери более полным охватом ясаком туземцев, «вывершиванием» тех мелких речек, население которых было ещё необъяснено. Кроме того, в сборе ясака приходилось переходить на менее ценную пушнину (в основном, замена соболей лисицами). Таблица 1, заимствуемая нами у того же автора, отлично это иллюстрирует.²

Т а б л и ц а 1

Г о д ы	Количество плательщиков ясака якутов (в 35 «волостях»)	Собрано ясака		Ясака на 1 душу	
		соболей	лисиц красных	соболей	лисиц красных
1655—1656	3236	8186	1872	2,53	0,56
1661—1662	6151	8434	4197	1,37	0,68
1680—1681	7584	7215	5035	0,95	0,66
1705	10097	6721	6793	0,66	0,67

По Илимскому воеводству средний годовой оклад на одну ясашную «душу» составлял в середине XVII в. около 4,5 соболя, и фактический сбор даже несколько превышал эту цифру (4,6 соболя). Позже, несмотря на то, что часть ясака принималась другими видами пушнины, архивные данные говорят о накоплении значительных недоимок. По расчётам В. Н. Шерстобоева, в конце 70-х гг. «собиралось соболями лишь около 4% оклада. Сдавалось за соболинное число разной пушниной, рыбой и деньгами около 30% оклада и почти 66% оставалось в недоимке». В конце столетия, при числе ясашных «сдатчиков» около 130 человек, в недоимке значилось почти 500 соболей (458 соболей в 1693 и 478½ соболей в 1695 г.). В 1658 г. «через Ленский волок было провезено около 20.000 соболей. Это было время наивысшего подъёма соболиной торговли... через 20 лет по тому же пути... прошло только 5543 соболя. Ещё больше упал сбор ясака».³

Наряду с официально учитываемым ясаком, при сборе его сборщики подчас не стеснялись вымогать у туземцев едва ли не столько же в виде «поминок», а также получать в порядке «доб-

¹ Жалобы на то, что соболей в Якутии «промышляли», что «соболиные промыслы стали худы и соболи выпромышлялись», встречаются в документах, начиная уже с конца 40-х годов XVII в. В истощении промысловых ресурсов тайги (применительно к её главному богатству—соболям) важную роль сыграл введённый русскими лов «обмётами» (сети) и «кулёмнями» (загородки, западни), ранее неизвестный туземцам. «Все эти способы давали хороший улов зверя, зато истощали его запасы, так как наряду с взрослым зверем вылавливался и молодой» (Огородников, назв. соч., 36). См. также «Сибирь в известиях иностранных путешественников» под ред. М. Алексеева, т. I, ч. II, Иркутск, 1936, стр. 41.

² С. А. Токарев, цит. соч., стр. 78.

³ В. Н. Шерстобоев, Илимская пашня, Иркутск, 1940, стр. 541—543.

вольной» мены в свою личную пользу. Здесь мы, разумеется, можем рассчитывать на наличие каких-либо точных цифр. О том, что этот «промен» часто значительно превышал сам ясак, позволяют судить некоторые отписки якутских воевод, жаловавшихся по начальству на ущерб, причиняемый этим «ясашному плуту». Очевидно, что сбор ясака доставлял многообразные способы обогащения и для самой служилой верхушки.

Для рядовых казаков и промышленников перспективы обогащения путём частного промысла пушнины были также очень заманчивы.

У нас есть ряд данных, позволяющих считать, что частный промысел давал пушнины значительно больше, чем ясак. И. И. Шерстобоев на основании анализа архивных данных илимской приказной избы и таможенных сборов устанавливает для 1649 г. соотношение ясака и пушнины, привезённой частными лицами, как 1:3,3.²

«Десятинная пошлина», которую нужно было сдавать государству по Якутскому воеводству, составила за 1641—1644 гг. в перерыве на тогдашние деньги 57,2 тыс. рублей, то есть почти столько же, сколько стоимость ясака (58,4 тыс. рублей).³ Если считать, что частный промысел облагался по справедливости, без утайки, это даёт представление и об общих грандиозных масштабах полученной в Якутском крае за эти, повидимому, исключительные годы пушнины (порядка 1 млн. соболей).

Между прочим С. А. Токарев заключает из этих цифр, что «русские промышленные люди истребили (за эти годы) в 10 раз больше соболей, чем туземцы». Мы думаем, что это вряд ли так. Частный промысел в свою личную пользу осуществлялся русскими промышленниками в большей части руками туземцев, например, находившихся в кабале у отдельных казаков-промышленников или бывших их рабами-холопами (ясырями). «Почти у каждого русского, подъячего, промышленника, уже не говоря о служилой и торговой верхушке русского населения, были в те годы якутские и тунгусские «ясыри», то есть рабы».⁴ Были, конечно, и другие способы принуждения коренного населения промышленлять пушнину. Малочисленность русского населения Якутии, насчитывавшего в те годы всего лишь сотни взрослых мужчин (к тому же занятых государевой службой, проводыванием новых земель и т. п.), делает совершенно невероятной личную охотничью добычу в тех размерах, о которых говорят приводимые выше цифры. Мы считаем, что личный пушной промысел русского населения в XVII веке мог осуществляться лишь в самых незначительных масштабах, скорее в виде исключения. Главная масса добывае-

¹ Например, якутский воевода Приклонский доносил в 1680-х годах, что сборщики ясака «на малые свои и худые товары меняли и с ясачных людей имели лучших соболей и иного зверя на год сороков по 300 и больше, и вам, великим государям, в ясак имали сороков по 90» (Токарев, стр. 74).

² И. И. Шерстобоев, назв. соч., стр. 539.

³ С. А. Токарев, назв. соч., стр. 75.

⁴ С. А. Токарев, назв. соч., стр. 79.

мой частным образом пушнины падала, вероятно, на охотничий промысел, организуемый (с использованием в качестве охотников туземцев) представителями московского торгового капитала.¹

Сибирь «открылась» русским именно своими пушными богатствами;² и погоня за пушными богатствами её надолго стала стержнем всей русской экспансии, не оставлявшим почти вовсе места другим интересам и мотивам. Естественно, разумеется, при этом, что о земледельческой колонизации Сибири, как о самостоятельной задаче, вопрос не вставал. Предоставленные даже лучшим сибирским землям в «поместную службу» ратным или служилым людям вряд ли удовлетворило бы их как жалованье. Для сибирской администрации — воевод, дьяков, казначьих атаманов, письменных голов или сотников служба «на поместий» была исключена, так как не было крестьян, земледельческий труд которых можно было бы эксплуатировать. В Сибири все русские «государевы люди», от низших разрядов до самой верхушки, служили «из хлебного и денежного жалованья». Для вольных беглецов в Сибирь, особенно попадавших в глубь её, земледельческий труд представлялся чаще всего также менее выгодным, чем деятельность промышленника или служба в казаках. Земледельческое освоение Сибири имело первоначально значение только для разрешения вспомогательной задачи — продовольствования населения русских острожков и служило-промышленного населения.

Задача эта, несмотря на малочисленность подлежавшего снабжению населения, была достаточно сложной ввиду удалённости даже Западной Сибири от хлебородных районов Московской Руси.

В конце XVI и начале XVII в. хлеб для «сибирских хлебных отпусков» собирался «по окладу», главным образом, в городах Поморья и доставлялся в земский сборный магазин в Верхотурье. Перевозка его отсюда на тысячекilометровые расстояния была очень трудной. Поэтому вскоре после закрепления русских на Урале правительство организует здесь «пашенное дело», сознательно вливая в колонизационные контингенты пашенных крестьян

¹ Ряд высказываний современников и позднейших исследователей позволяющих судить о соотношении труда русских и туземцев в добыче пушны, см. у М. Алексеева (Сибирь в известиях иностранных путешественников, т. I, ч. II, Иркутск, 1936, стр. 53—54).

² «Русские вначале познакомились с севером Сибири, где жили народы, занимавшиеся охотой и рыболовством, и лишь гораздо позднее проникли в средние части этой страны, населённые земледельческими, а частью охотничьими племенами. Причина та, что дорога через Урал по Каме была преградена сначала волжскими болгарами, а потом казанскими татарами. Поэтому проникновение русских в Сибирь (ещё и до «шюкорения» её—В. П.) шло северными путями» (Л. С. Берг, Очерки по истории русских географических открытий, М.-Л., 1946, стр. 68). Мы видим здесь подтверждение нашей мысли об историческом значении камского «барьера». Об этом же пишет и С. В. Бахрушин: «Продвижение на восток шло до XVI в. чрезвычайно медленно. Путь на Каму был закрыт казанскими татарами, путь Пезорою был слишком удалён» (С. В. Бахрушин, Очерки по колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1928, стр. 146).

переселенцев.³ С целью умножения пашни, земля охотно представляется и «вольным сходцам».

Последние работы советских историков всё с большей убедительностью раскрывают, что именно эти «вольные сходцы» — беглые крестьяне — составляли основу земледельческой струи в русском колонизационном движении в Сибирь. Естественно, что случаи устройства на пашню государевых «переведенцев», даже если эти случаи были немногочисленны, оставляли письменные следы в приказных архивах. Появление же в Сибири вольных беглецов часто вовсе не фиксировалось, и о них можно судить лишь косвенным путём. Недостаточно критическое использование лишь прямых архивных данных ввело в заблуждение многих историков. Некоторые из них к тому же подходили к этому вопросу с предвзятым стремлением показать значение мероприятий идеализируемого ими царско-феодалного правительства.

В. И. Шунков, проделав большую работу по изучению крестьянской колонизации на землях Тобольского разряда, пришёл к выводу, что «воеводская администрация... свою деятельность по устройству сибирской пашни всё более ограничивала простым использованием заселения, шедшего помимо неё... Если в течение XVII в. на территории Западной Сибири была создана значительная запашка, то это могло иметь место лишь при наличии соответствующей волны приходцев из-за Урала, являвшихся помимо основной деятельности сибирских воеводских изб. Именно эта волна «шудиков» и создала Сибирскую пашню. Причины же её существования лежали за «Камнем», в самом Московском государстве».⁴ В. И. Шунков с большой тщательностью собрал множество фактов, подтверждающих этот вывод. О том, что в Сибирь шло много беглых, можно судить и по тем постоянным жалобам на учинившуюся «великую пустоту», с которыми обращалась в Москву местная администрация Устюжского, Усольского, Чердынского и других уездов Предуралья. Переписные книги за 1695 г. двух важных зауральских слобод — Камышенской и Арамилской показывают, что 80% их населения состояло из беглых — либо «прирождённых великого государя крестьян», либо крестьян владельческих (в том числе много строгановских и монастырских), из которых часть откровенно заявляла, что они явились в Сибирь «покинув тягло».⁵ Верхотурский воевода в 1670 г. доносил, что мимо приставы проехал «на Русь» более 2 тысяч переселенцев со своими жёнами и детьми.⁶ Стремление администрации ограничить «сход» в Сибирь лишь теми, кому выдавались отпускные грамоты, неизменно терпело крах, особенно в уездах, близких к Сибири и лежавших у начала путей через «Камень».

¹ Они вербовались либо в порядке повинности, налагаемой на ближайших к Северному Уралу уезды, либо в порядке спалы, и в последнем случае действительство уже не придерживалось принципа географической смежности.

² В. И. Шунков, Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—нач. XVIII вв., М.-Л., 1946, стр. 44—45.

³ Там же, стр. 48.

⁴ Там же, стр. 46.

С. В. Бахрушин, а затем В. И. Шунков и другие советские историки показали обширную деятельность «слободчиков» — предприимчивых зажиточных крестьян или служилых людей, которые получали на льготных условиях землю (иногда и денежную подмогу) для устройства новой слободы. Основанные слободчиками поселения состояли почти исключительно из «вольных сходцев», набирать которых слободчики иногда даже ездили в Предуралье.

О величине крестьянских запасок к концу XVII в. можно судить по переписи, произведённой Л. Поскочиным в 1680 г. Обработавший данные этой переписи В. И. Шунков считает, что «большинство крестьян Верхотурского уезда пахало в это время... в переводе на принятый теперь счёт от 3 до 9 десятин».¹ Величину эту можно, повидимому, считать обычной для всех «пашенных» уездов Западной Сибири. Число крестьян же в уезде Тобольского разряда составляло 8,3 тыс. чел. (1698 г.). — почти 80% всего крестьянского населения Сибири (11,0 тыс.).

Таким образом, отчасти вследствие мероприятий правительства, но главным образом — инициативы самого народа, бежавшего в Сибирь от нарастающего феодального гнёта, началась земледельческая колонизация Сибири. В восточном Приуралье, по левобережным притокам Тобола и Иртыша и по самому Тоболу, особенно там, где русское движение вступало в зону лесостепи, сравнительно рано стало складываться земледельческое крестьянское заселение. Государство накладывало свою жёсткую властную руку на оседавших здесь беглых крестьян, обращая их в тягло. Но всё же можно думать, что сибирскому засельщику жилось в XVII веке лучше, чем на родине.

Земледельческая колонизация отставала от «пушного» проникновения в бассейн западно-сибирских рек всего лишь на какую-нибудь полусотню лет. Во всяком случае, к середине XVII столетия города «Тобольского разряда» могли продовольствоваться уже хлебом сибирской пахоты.² Но землепроходцы за это время семимильными шагами успели пройти весь путь до Тихого океана. И если для западно- и отчасти средне-сибирских городов

¹ В. И. Шунков, стр. 190. Чтобы перейти на «принятый теперь счёт» этот автор совершенно правильно умножает указанные в переписи наиболее частые величины запасок на 3, так как в переписных документах XVII в. всегда учитывается только одно «поле» из трёх (форма переписи предполагала трёхпольную систему, и, назвав учётную площадь, переписчик обычно прибавлял «а в двух потому же», то есть площадь каждого из двух других «полей» такая же). Но Шунков не подвергает анализу самую величину десятины, что может быть существенным, так как в XVII в. в Сибири были употребительны десятины не в 2400 кв. саж. (как позже), а в 3200 кв. саж. (См. Л. В. Черепнин, Русская метрология, М., 1944, стр. 61 и 78). О пространственности десятины по 3200 кв. саж. в Сибири пишет в своём исследовании «Илимская пашня» В. Н. Шерстобов.

² «Прежде привозили из Поморских городов на Верхотурье хлебные запасы давно, коли в сибирских городах пашенну хлебу пахота была немалка, а ныне в Верхотурье и в иных сибирских городах Тобольского разряда хлебная пахота учала быть большая, и остаётся у них хлеба и за окладом много», — читаем в указе 1632 г. («Акты Исторические», т. III, № 172).

широко продовольствования оказался разрешённым, то на востоке он стал в ещё более острой форме. Ведь расстояние от хлебородных земель, лежавших по Тоболу, Таре, Тавде до Якутска, Олёкминска, Нерчинска было намного больше (а путь — намного труднее), чем от Перми, Вятки, Устюга или Соликамска до Иртыша и Оби. Неудивительно, что правительство стремится продвинуть дальше на восток передовые форпосты земледельческой колонизации, «чтобы вперёд всякий был хлебопашец и хлеба не воевать», уменьшить географический разрыв между земледельческим и «промыслово-ясачным» освоением Сибири. Это с трудом удаётся — и не только в силу удалённости края, затруднявшей переброску крестьян-переводцев. К востоку от приветливых лесостепных мест между Уралом и Тоболом протянулись бесконечные урманые земли, негостеприимное Востоганье, за которым начались уже густо заросшие тайгой сопки Средней Сибири, крутообрывные хребты северного Прибайкалья с их скудными скелетными почвами, перемежающиеся с таёжными падами, расчистка которых под пашни представляла трудную задачу. Суровость климата, вечная мерзлота грунтов, мощь девственной тайги, заваленной буреломами, сами по себе не способствовали тому, чтобы русская миграция уже к востоку от Иртыша приобрела в целом земледельческий характер. А если вспомнить ещё относительную пригодность промыслов мягкой рухлядью или государевой службой по проводыванию новых земель, то станет ясно, что надо удивляться не слабому развитию «пашенного дела», но тому, что оно всё же, хотя и в недостаточных для всей Восточной Сибири масштабах, возникало.

Хотя уже во второй половине XVII в. успехи земледелия на «лиричных, наиболее быстро заселявшихся землях «Тобольского разряда», и разрешали (в отдельные неурожайные годы с некоторым напряжением) проблему хлебного баланса всей Сибири, третедня русской колонизации Сибири заключалась в географическом отставании земледельческого «тыла» от далеко ушедшего на восток авангарда. Огромные и малонадёжные коммуникации по рекам, зависевшие от капризов природы (например, от раннего ледостава) ставили всё время под угрозу голода русское население далёких «непашенных» острожков и городков.

В 1674 г. четыре «пашенных» уезда Тобольского разряда (Верхотурский, Тюменский, Туринский и Тобольский) давали более 90% поступлений сибирского хлеба в казну. К 1699 г. доля эта, правда, упала до 65%, но это лишь отчасти отражает действительный рост запашки на востоке. Главная причина лежала в том, что к этому времени значительная часть (до 1/3) тобольских крестьян была переведена на денежный оброк. Одновременно казна стала осуществлять в тобольских уездах, где сложился значительный хлебный рынок, крупные закупки хлеба для отправки на восток. К этому времени западные уезды «снабжали малоименные и непашенные города... не только податным хлебом — сбором с государевой десятинной пашни и оброчным, но и в зна-

чительной мере хлебом с собиных крестьянских пашен — через правительственные и частные закупки».¹

Очевидно, какое выдающееся значение приобретали при трудных, дальних и ненадёжных коммуникациях отдельные, хотя бы и не очень крупные, хлебные житницы в Средней и Восточной Сибири. Создание этих вспомогательных продовольственных баз было замечательным трудовым подвигом русского народа, главным образом простых крестьян-землепашцев, попадавших в суровую глыбу Сибири «по прибору» или уходивших туда из западных уездов в надежде избавиться от докучного тягла, «догнавшего» их на землях Тобольского разряда.

Первыми из таких баз были сравнительно благоприятные для «пашенного заведения» земли в долине Томи. Природные условия окрестностей самого Томска оставляли для земледелия лишь небольшую площадь удобных земель, но зато пашня получила развитие к югу вверх по долине р. Томи. Пашни создавались здесь в ещё не вполне безопасном пограничном крае под прикрытием острожков: Верхотомского, Сосновского и Кузнецкого.² Эта «Томская пашня» дала казне в 1674 г. 4,7 тыс. «четей» (видимо восьмипудовых?) хлеба: почти $\frac{1}{10}$ того, что было получено в пашенных уездах Тобольского разряда (50,0 тыс. «четей»). Этот сбор, являвшийся значительным подспорьем, осуществлялся, надо думать, с большим напряжением, так как ещё в 1710 г. во всём Томском уезде было переписано всего 1,8 тыс. пашенных крестьян, что составляет в 35 раз меньше, чем в тех четырёх тобольских уездах,³ о которых Семён Ремезов примерно в это же время мог писать, что «земля (тут) хлебородна, овощна и скотна, оприч мёду и винограду ни в чём скудна».⁴

Земли Енисейского острога были «скудными». Лишь местное значение имели и запашки, созданные южнее под прикрытием Красноярского острога. Мы знаем, что колонизационное продвижение русского земледельческого населения в плодородную Минусинскую котловину, представлявшую собой во многом географический аналог Кузнецкой котловины, происходило значительно позже, начавшись лишь в XVIII веке.

Тем большее значение имела «Илимская пашня» — житница, созданная в половине XVII века по средней Ангаре, на нижнем Илимее и «Ленском волоке».

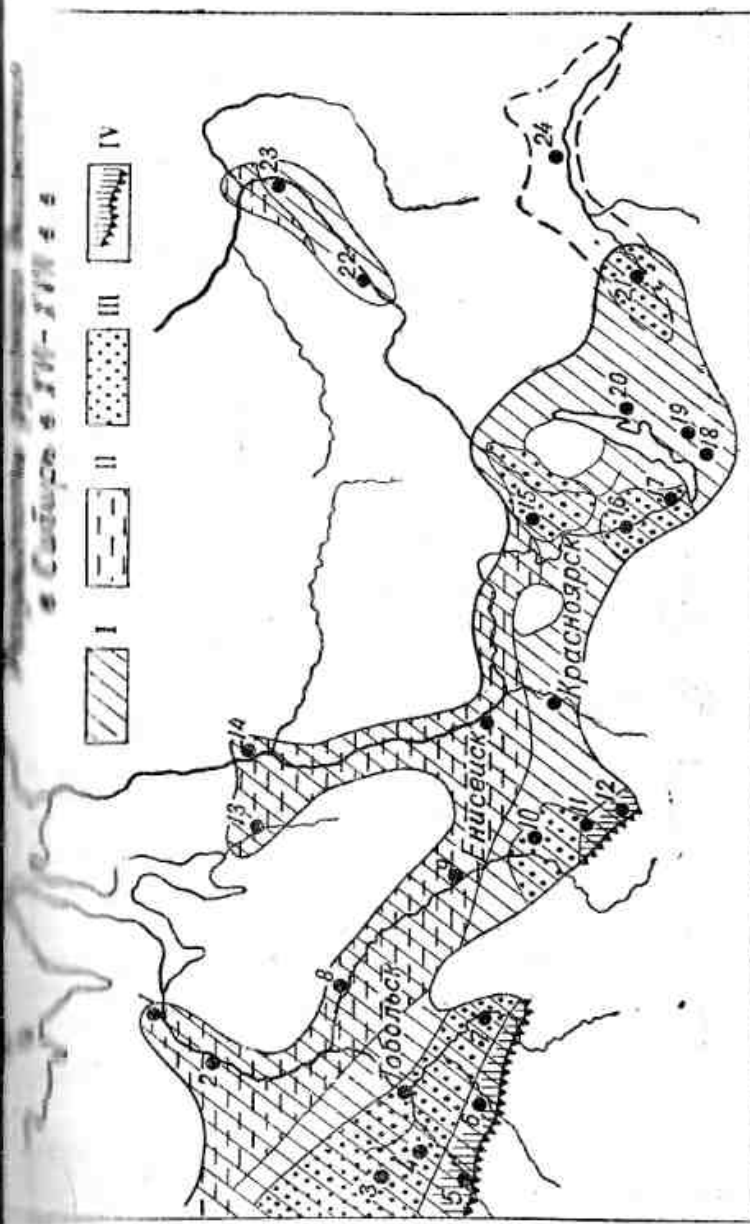

Рис. 4. I. Область значительного русского проникновения. II. Область, где у русских не было земледелия. III. Область, где земледелие у русских преобладало. IV. Пограничные укрепленные линии и области связанных с ними служило-казацких и земледельческих поселений.

1. Обдорск, 2. Берёзов, 3. Туринск, 4. Тюмень, 5. Курган, 6. Ишим, 7. Тара, 8. Сургут, 9. Нарым, 10. Томск, 11. В. Томский остр., 12. Кузнецк, 13. Мангазея, 14. Туруханск, 15. Илимск, 16. Балаганск, 17. Иркутск, 18. Селенгинск, 19. В. Удinsk, 20. Баргузин, 21. Нерчинск, 22. Олекминск, 23. Якутск, 24. Албазан

¹ В. И. Шунков, цит. соч., стр. 155—172.

² К. И. Спидченко. Города Кузбасса, М., 1947, стр. 25.

³ Данные о поступлении хлеба см. у В. И. Шункова, цит. соч., стр. 150. Число крестьян показано по М. Ключкову «Население России при Петре Великом по переписям того времени», СПб, 1911. Упомянутая в тексте перепись насчитала в четырёх пашенных тобольских уездах 58,8 тыс. «государственных пашенных и оброчных крестьян, бобылей и захребетников» и 4,1 тыс. архиерейских и монастырских; к Томску приписано первых 1,3 тыс., вторых — 0,2 тыс.; по Кузнецку крестьян числилось всего 0,3 тыс. (стр. 62—69).

⁴ Цит. по В. И. Шункову, стр. 172.

Состав населения Илимского воеводства резко выделяется своим земледельческим характером.¹ Ряд причин определял очень быструю (заявшую всего несколько десятилетий) «пашенную» специализацию населения края. Расположенный в глубине по отношению к пограничным округам и беспокойным «брацким» улусам, он не приобрёл широких военно-политических функций. Торговое значение его оказалось незначительным; то, что административный центр края — Илимск — был из соображений приближения к «Ленскому волоку» расположен вне массива удобной для распашки земель, отрицательно сказалось на росте города и не притянуло сюда много посадских и гулящих людей. Земли на Илимю и Ангаре, главным образом в пределах их речных террас, оказались весьма благоприятными для распашки. Государство ценило эту житницу, так удобно расположенную для сплава дефицитного хлеба в Якутию, и усиленно поощряло здесь именно земледельческую колонизацию. Уже в 40-х годах XVII века бирюжи выкликали в Енисейске желающих переселиться на Илимские пашни, обещая пятилетнюю льготу, помощь скотом и инвентарём.

Число дворов пашенных крестьян Илимского воеводства выросло с 1652 по 1699 гг. с 136 до 670. В. Н. Шерстобоев, продолжавший огромную работу по анализу архивных материалов Илимской приказной избы, составил две очень интересных карты распределения пашни в пределах воеводства. В 1672 году основные массивы её занимали широкие террасы р. Илим (вниз от Илимска) и р. Лены, сгущаясь в районе Жигалова, близ Илимского острога и Тутурской слободы, около устья Куты и, главным образом, в районе Киренского острога. По Ангаре запашек сравнительно мало. К началу XVIII века указанные контуры развития пашни почти не изменились, но возникли новые очертания на Ангаре, главным образом, выше и ниже Братского острога, также в низовьях Оки и между Яндинским острогом и Ново-Удинской слободой. Всего в воеводстве засеивалось в середине XVII в. 1500—1700 десятин, в конце столетия 3000—3200 десятин; в начале XVIII века посевы поднялись до 5000 десятин.²

«Под пашню выбирались преимущественно южные или юго-восточные склоны, чаще всего в полугоре. Спускаться к самой подошве препятствовали ранние осенние и поздние весенние заморозки. Подниматься на вершины холмов или увалов оказывалось нецелесообразным вследствие усложнения обработки на высоких и более крутых частях рельефа, а также вследствие уменьшения пахотного горизонта и большей бедности органическими веществами».

¹ Илимский край, где к земледельческой группе можно отнести 75—80% русского населения, выделялся на фоне всей Сибири (подробнее см. В. Н. Шерстобоев, «Илимская пашня», стр. 115; В. В. Варанкин и В. П. Покиншевский, «Вопросы географии», сб. 14, М., 1949, стр. 43). Разумеется, следует считать с тем, что «государственные пашенные дворы» выполняли и многие неzemледельческие повинности, например, по извозу, но всё же хлебопашество было для них основным занятием.

² В. Н. Шерстобоев, назв. соч., черт. 10 и 11 в стр. 326—327.

«...многие повышенных элементов местности. Не сразу, конечно, был найден этот принцип выбора пашни, многие поплатились за то, что не прислушивались к безмолвному, но убедительному голосу природы. Но, ухватившись за елань в таком месте, крестьянин уже не отступал, а внедрялся в тайгу, медленно и методично продвигая фронт леса».¹

Значение «Илимской пашни» заключалось не только в том, что она обеспечила полностью местные продовольственные нужды русской колонизации Предбайкалья, но и в её положении на «Ленском волоке». Илимское воеводство быстро стало играть заметную роль в «ленских хлебных отпусках», покрытие которых было предметом постоянных забот всей сибирской администрации от Верхотурья до Байкала. Ещё в 1652 г. из Илимского воеводства было отправлено вниз по Лене в Якутск 13,8 тыс. пуд. хлеба, причём из этого количества 8,7 тыс. пуд. прибывшего из Енисейска. В 70-х гг. транзитное движение хлеба отмечается только в отдельные годы. В первое десятилетие XVIII в. отправки из Илимского воеводства вниз по Лене, возросшие до 20—25 тыс. пудов, идут уже целиком за счёт самой «Илимской пашни».²

Илимское воеводство, пишет В. Н. Шерстобоев, стало как бы обширной опытной сельскохозяйственной станцией, где шло и испытание земледельческих приёмов в своеобразном приречно-горно-таёжном районе. В этом смысле, добавим мы, трудно переоценить значение «Илимской пашни» для развития русского земледелия во всей Восточной Сибири. «Значение Илимского воеводства было шире и глубже, чем значение простого транзитного пути... За какие-нибудь 60—80 лет (здесь) закладываются почти все селения, существующие и теперь, создаётся устойчивое земледелие, открываются волоковые дороги, вниз по Лене направляются наполненные илимским хлебом барки и дощаники, ведётся собственное солеварение³ и курится вино... Не вина русского крестьянина, что начатый процесс стройки в илимской тайге стал затухать и в последующем представлял обычную картину хозяйственного и культурного застоя».⁴

Наиболее любопытной была попытка насаждения земледелия на Лене. Вынесение земледелия на Лену началось ещё в конце 1600-х годов XVII в. В 1640 году велено было ленскому воеводе Галовину «с товарищи» «на Лене реке смотреть пашенных мест, в где пашенные места объявятся, и те места сметить сколько на тех местах пашенных крестьян устроить можно». Замечательно, что опыты получения хлеба «ленской пахоты» были сделаны и в Средней Якутии. В настоящее время область эта отмечается в любом учебнике физической географии или климатологии СССР, как своего рода аномалия в общей схеме широтной зональности климата Сибири. Хотя вегетационный период здесь короток, но

¹ В. Н. Шерстобоев, назв. соч., стр. 312.

² Там же, назв. соч., стр. 571.

³ Основателем его был Ерофей Хабаров, устроивший ещё в 1639 г. соляные парнищи близ Усть-Куты.

⁴ В. Н. Шерстобоев, назв. соч., стр. 4—7.

температуры за этот период сравнительно высоки, и условия для земледелия более благоприятны, чем под той же широтой в других районах Сибири. Какой наблюдательностью и географическим чутьём должны были располагать первые русские поселенцы, чтобы здесь, намного севернее сурового Прибайкалья, поставить вопрос о хлебопашестве!

Ещё недавно возникновение земледелия в Средней Якутии обычно относили к 1731 г., когда на Амге было поселено 50 крестьянских семей, переведённых с Илима. Именно эту дату называют, например, А. Храпаль и Ю. Г. Саушкин.¹ Последний утверждает при этом, что «урожая эти крестьяне не собрали и перешли, по примеру якутов, к занятию скотоводством». Однако есть свидетельства о гораздо более ранних опытах земледелия. Так ещё в XVII веке в районе современного с. Покровского (86 км от Якутска) местный монастырь сеял ячмень.² Советские историки Якутии установили значительное число и других фактов, говорящих о том, что земледелие (правда в скромных масштабах) возникло в Южной и Средней Якутии уже вскоре после прихода сюда русских.

Особенно существенно, что земледелием— правда лишь кое-где и в малых размерах—стали заниматься и якуты, научившиеся ему у русских. В вышедшей недавно посмертной работе С. В. Бахрушина указываются условия, на которых получали земли под пашню новокрещены на Амге и в Олёкминской волости. Они получали, наравне с русскими крестьянами, подмогу деньгами и зерном, льготы «для новой селидьбы» на два года и должны были пахать «государеву пашню в поле $\frac{1}{2}$ десятины, а в дву по тому же». За это они имели право заводить собственную пашню в $1\frac{1}{2}$ десятины «в поле». Ясак, вносимый пушнинной, в данном случае с них не снимался.³ С. А. Токарев опубликовал в 1948 г. замечательный документ—челобитную 1684 года ясашного улусного якута по имени Бадучко Самолдерова из Бетюнской волости (на Амге) о приверстании его в пашню.⁴ Челобитная эта интересна тем, что подавал её не новокрещен, а «коренной» улусный якут, выступавший пионером земледелия внутри самого якутского улуса.

Характер естественных угодий Якутии приводил к тому, что под пашни в это время «раздирались» главным образом луговые земли. Это серьёзно противоречило интересам скотоводческого

¹ А. А. Храпаль. Сельское хозяйство Азиатского Севера. Л., 1940, стр. 21; Ю. Г. Саушкин. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М., 1947, стр. 54.

² И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. Зап. Р. Г. О., по отд. статист., т. XII, СПб, 1912, стр. 3.

³ С. В. Бахрушин. Положительные результаты русской колонизации в связи с присоединением Якутии к русскому государству. Сб. «Прогрессивное влияние русской нации на развитие якутского народа», Якутск, 1960, стр. 68.

⁴ Сборник материалов по этнографии якутов. Якутская база АН СССР. Якутск, 1948, стр. 9 и 15. Недавно ряд аналогичных документов были опубликованы Ф. Г. Софроновым в «Историческом Архиве», т. V, М., 1950.

русского населения и приводило к земельным спорам, которые могут показаться парадоксальными в столь редконаселённом крае.¹ Эти споры являются дополнительным косвенным подтверждением того, что первые опыты русского земледелия в Якутии имеют гораздо большую давность, чем середина XVIII века.

На западном участке русского миграционного движения в Сибирь земледелие могло развиваться легче, чем на восточном. Военно-стратегическая необходимость прикрыть основные пути с восточного склона Урала в бассейн Иртыша—Оби обусловила выдвижение русских форпостов вплоть до границы лесостепи со степью, занятие ими земель, вполне «готовых» для земледельческого освоения. С своей стороны создание на западе значительного населения из пашенных крестьян, продиктованное необходимостью обеспечить продовольствием миграционное движение во всей Сибири, усиливало потребность прикрыть «новорасчищенные земли» по Тоболу, Ую, Ишиму, привлекало на устраиваемые вновь степного рубежа линии форпостов дополнительное ратное население; его в свою очередь надо было продовольствовать. Величественные, сами просящиеся под соху земли были под боком. И вот, форпосты эти обростали земледельческими занемками, починками, «юрточками».

На более восточных участках русской миграции только отдельные, более удобные для пашенного освоения «островки» создавали подобные же предпосылки для выдвижения земледельческих форпостов в лесостепную зону, которая здесь прослеживается уже «пунктирно». Подобные же островки мы усмотрели во Томе, по Енисею, в Прибайкалье и (немного позже) на Миусинском направлении.

Сказанное о соотношении таёжно-промысловых и земледельческих мотивов освоения Сибири позволяет понять и состав самих переселенцев— субъектов этого освоения. Среди различных категорий населения, охваченного переписью 1710 г., как бы подытоживающей ранний период русского движения в Сибирь, мы выделили группы, в основном связанные с земледельческой колонизацией («государственные пашенные оброчные крестьяне, бобыли и захребетники» и «архиерейские и монастырские крестьяне и бобыли».)² В таблице 2 показано, какое место занимали эти земледельческие группы в русском населении Сибири (в тыс. чел.).

Цифры эти достаточно выразительны. Обратим внимание на то, что $\frac{1}{6}$ земледельческого населения Сибири приходится на западную зону (по отношению ко всему населению Сибири доля

¹ Так в 1661 г. олёкминские якуты были челом по поводу того, что «земельны пошленные крестьяне по всему нашему лугу... и наши селные поляны и луги отведены пашенным крестьянам лучшие места... И нам, спротаем, стало тесно и юртишка где доведётся поставить, и мы, спроты, у них же, у пашенных, кушим место дорогою ценою» (цит. у С. А. Токарева, назв. соч., стр. 91).

² Остальные категории: «люди из казачьих дворов, в том числе белошвейных и детей казачьих», «посадские люди», «люди в ямщицких дворах», «разные люди» и т. п.

Таблица 4

Зоны (в скобках города с приписанными к ним уездами)	Всё население (душ муж. пола)	В т. ч. по преимуществу земледельческое	То же в %
I. Западная: до левого берега Оби и Иртыша (Верхотурье, Тобольск, Туринск, Тюмень, Пельым, Верёзов, Тара)	106,7	63,7	59,4
II. Средняя: Обь выше устья Иртыша и Енисей, кроме Ангары (Сургут, Нарым, Томск, Кецкий остров, Енисейск, Кузнецк, Красноярск, Мангазей)	28,6	6,8	23,8
III. Восточная: Ангара, Забайкалье и бассейн Лены (Иркутский, Илимский, Якутский и Нерчинский остроги)	21,7	8,4	43,3
Всего	157,0	79,9	50,9

её равна $\frac{2}{3}$); в том числе на землях, приписанных к Тобольску—центру главного тогда очага земледелия—жило больше половины всего земледельческого населения (рис. 4 на стр. 65).

Вместе с тем количество земледельческого населения позволяет нам составить и общее представление об объёме сибирской пашни. Если даже ориентироваться на душевые нормы запаши, достигнутые в наиболее развитых в земледельческом отношении районах, например, по 7 десятин того времени¹ на двор,² что составит около 3,5 десятины на взрослую мужскую душу, то общая величина запашки в Сибири вряд ли превысит 400 тыс. га. По отношению к просторам Сибири это совершенно ничтожная величина. По ней мы можем судить о том, в какой незначительной ещё мере пришлое русское население влияло на превращение девственных ландшафтов в культурные. Одновременно ещё выразительнее становится влияние созданного с приходом русских интенсивного пушно-промыслового хозяйства на одно из частных звеньев девственного ландшафта—на характер насыщения тайги отдельными особо ценными видами промысловых животных (например, соболем). Жалобы на то, что соболь выводится из огромных площадей, притом и к таким, на которых горстка появившихся русских казалась совершенно затерявшейся

¹ Полагаем правильным считать эту десятину в 3200 кв. саж.

² См. приведённую выше оценку В. И. Шунковым запашки в Верхотурском уезде. По Илимскому району средней величины в 7 десятин даёт сводка данных о 291 хозяйстве на 1672 год (см. В. Н. Шерстобов, *идея* соч., стр. 325).

Формы расселения. Города и образование рынков. К началу VIII века Сибирь оставалась очень редконаселённой страной. Русское население образовало сравнительно плотный массив лишь в «наших» уездах Тобольского разряда. Восточнее протянутой сеть острожков с робко жавшимися к ним редкими деревнями, сгущавшимися только в немногих местностях.

Что касается коренного населения—«ясашных людей», то оно было распределено ещё более редко по огромным просторам, образуя как бы «фон» для того узора русского заселения, которое складывается вдоль намечавшихся сухопутных трактов и главным образом рек—основных ещё путей сообщения. Коренное население Сибири было немногочисленно и не везде ещё приобрело настоящую оседлость. Можно думать, что к началу XVIII века численность его по Сибири в целом уже значительно уступала русскому.

Перепись 1710 г. при всём своём несовершенстве даёт нам общую картину распределения русского населения по городам и приписанным к ним уездам «Сибирской губернии». Таблица 3 показывает это распределение (в тыс. душ).¹

Данные «Табеля, коликое число в губерниях по переписке 1710 году всякого чина дворов и в них мужеска полу людей» (так официально называлась перепись 1710 года) отражают момент, когда роль казаков-землепроходцев в заселении Сибири уже несколько ослабла, и крестьяне становятся численно преобладающей группой. Население Сибири к этому времени до известной степени «отстоялось», что видно, например, из равенства числа мужчин и женщин в заселении зауральской части «Сибирской губернии» (157 и 156 тыс. душ).

Специфической является довольно значительная группа крестьян, специально поселённых в «ямах» (вдоль трактов).

Посадское население ещё невелико; среди него преобладали промышленные, а также торговые люди, скупавшие мягкую рухляк, «финансировавшие» землепроходческие экспедиции и часто в них лично участвовавшие; ремесленников среди них было сравнительно немного. Население солдатских и драгунских дворов—в основном служилые казаки и выходцы из казачьей среды.

Грубо говоря, можно считать, что в общей массе русского населения Сибири к началу XVIII века крестьяне-переселенцы составляют не меньше половины, а старинные «землепроходчески-казачьи» группы—несколько меньше трети. В середине XVII века удельный вес «казачества» был, вероятно, ещё несколько выше. Для этого времени мы, очевидно, вправе считать эту социальную группу ведущей, если даже не по её численному преобладанию, то по её определяющей роли в формах расселения.

¹ М. Ключков, *назв. соч.*, стр. 62—69. Мы исключили уезды, лежавшие к западу от Урала. Приведённые Ключковым данные переписи мы свели в несколько более укрупнённые группы. Следует иметь в виду, что перепись не охватила некоторые (правда малочисленные) группы, в частности духовенство (на одного примечания известно, что всего в Сибирской губернии числилось «юнош и дяконов»—1084).

Таблица 1

Города с приписанными уездами	Число дворов (тыс.)	В них людей		В том числе мужчин				
		муж. пола	жен. пола	крестьяне всех категорий	казанки и дети казачьи	посадские	ямские	гулящие
Тобольск	19,7	70,9	70,4	46,2	3,4	2,1	1,5	4,7
Верхотурье	4,4	10,3	16,9	11,7	0,6	0,5	1,4	0,1
Туринск	1,3	3,7	4,7	2,1	0,2	0,3	0,9	—
Тюмень	3,1	8,6	10,3	2,9	2,0	1,3	1,1	0,3
Целин	0,3	1,0	1,3	0,4	0,6	—	—	—
Берёзов	0,3	0,9	1,0	—	0,7	0,03	—	—
Тара	1,9	5,3	5,1	0,43	4,1	0,02	—	0,3
Сургут	0,2	0,5	0,6	—	0,4	0,0	—	—
Томск	3,2	11,0	11,3	1,5	2,7	1,0	—	1,4
Нарым	0,2	0,7	0,7	0,04	0,5	0,02	—	—
Кетский острог	0,1	0,3	0,3	0,1	0,1	0,02	—	—
Куанецк	0,7	2,5	2,6	0,3	1,9	0,1	—	—
Енисейск	2,1	8,5	8,4	7,3	1,2	2,2	—	—
Красноярск	1,2	4,4	4,3	0,6	2,2	0,6	—	0,1
Мангазей	0,3	0,7	0,7	0,01	0,4	0,1	—	—
Иркутский острог	2,2	9,1	6,7	2,8	2,3	1,1	—	1,9
Илимский	1,4	6,6	5,5	5,3	0,6	0,2	—	—
Якутский	0,5	2,1	2,1	0,2	1,3	0,7	—	—
Чернышевский	0,9	3,9	3,1	1,11	1,5	0,2	—	0,5
Всего*	44,0	157,0	156,0	79,99	26,7	9,89	4,9	9,1

Формы эти отражали преобладание в колонизации на раннем её этапе не земледельческих, но «военно-промысловых» мотивов. Начальной «клеточкой» русского заселения в Сибири (кроме, может быть, наиболее западных уездов) была не деревня и не отдельный крестьянский двор, а острожек—своеобразный штаб проводывания новых земель, центр сбора ясака, местонахождение гарнизона и военно-административная резиденция. Острожки в большинстве вырастали из зимовий — временных, лишь слабо укрепленных населенных пунктов, состоявших обычно из того минимального количества примитивных строений, в которых ещё мог кое-как разместиться застигнутый наступлением зимы отряд землепроходцев. Состав большинства отрядов был, как мы знаем,

* Сверх того перечисль указывает «людей в драгунских и солдатских дворах» по Тобольску 5,3, по Тюмени—0,4 тыс.

ник, и зимовье иногда состояло даже из одной избы с некоторыми вспомогательными постройками. Если зимовье оказывалось удачно расположенным, оно становилось постоянным опорным пунктом, превращалось в острог. Воздвигались деревянные башни с башнями и воротами, внутри их рубились добротные избы для назначенных в острог начальников и служилых людей, в острогах появлялись: приказная изба, амбары для хлебных запасов и государственной казны—ясака, строились часовня или церковь. Острог вооружался артиллерией. В нём появлялось постоянное население, среди которого были уже не только служилые и промысловые люди, но попадались и отдельные ремесленники, бывавшие торговые гости.

Так острог делался городом.¹

Сибирские города XVII века во многом отличались от городов Московской Руси, особенно от старых торгово-ремесленных городов, расположенных в Примосковье и на Новгородских землях. Сибирские города вырастали в большинстве из острогов—первоначальных центров русского заселения края и далеко не сразу обрастали посадами. В их развитии явления разделения труда между сельским хозяйством, сосредоточенным в деревне, и ремеслом и торговлей, сосредоточенными на посаде, играли той роли, которая характерна для постепенно развивавшихся городов в старых густозаселённых районах Московской Руси. Ведь в Сибири и земледелие часто начиналось с городов; и сибирская деревня складывалась чаще всего уже после возникновения городов-острожков. Специфической функцией этих первоначальных центров городского заселения было внеэкономическое принуждение коренного населения к платежу ясака. Сибирский город экономически противостоял не столько русской деревне, которой часто рядом с ним ещё даже просто не было, а коренному нерусскому населению. Административно-военные функции здесь отчётливо предшествовали экономическим.

Рыночные функции, которые были характерным признаком городов и период его «кристаллизации» в более густонаселённых областях Московского государства, складывались в сибирском городе первоначально слитно с функциями получения ясака. Первоначально неэквивалентное выменивание пушнины, а также пушники становились важным источником получения пушнины. Но же касается распределительной роли важнейших городов-острогов в отношении хлеба и некоторых других припасов, например, свинца и пороха, то и эти функции первоначально осуществлялись не рыночным путём: хлеб для служилых людей поступал из Урала и распределялся как жалованье («руга»).

Однако именно хлеб, наряду с пушниной, явился тем товаром «материалом», который быстро придал наиболее удачно в транспортном отношении расположенным городам-острогам роль настоящих рынков.

¹ Связание на базе зимовья острога и развитие из острога города подробно показано на примере Иркутска в книге Ф. А. Кудрявцева и Н. П. Сидорова «Иркутск», 1947.

Сами города становились рассадниками земледелия. Пашни заводи́ли не только оседавшие вокруг них и под их защитой крестьяне, специально переведённые из-за Урала или бежавшие оттуда, но и те служилые казаки, «промышленные» люди, которые образовали постоянное население городов.¹ Некоторые из них делались слободчиками, основывали деревни, «выкликая» для этого «охочих людей»; другие заводи́ли деревни на своих пашнях. По мере «приращения пашни», по мере того, как всё большую роль в ней приобретала «собинная» пашня крестьян, по мере роста ближних запасок самого населения города-ostroга хлеб становился товаром.

Широко происходивший на протяжении XVII века процесс замены хлебного жалованья служилым людям жалованьем денежным был возможен только в условиях создания достаточно развитых внутрисибирских хлебных рынков, центрами которых были города, окружённые земледельческими очагами.

Вслед за хлебом и пушвиной развивалась торговля другими товарами. В частности, для торговой роли ряда городов юга Западной Сибири очень существенно было то, что они оказались близ старых караванных дорог в Среднюю Азию. «Бухарские товары» оказались важным элементом их хозяйственного развития. «Русские товары», главным образом сукна, шли не только в Среднюю Азию и на восток, но и для промена сибирским ясным людям. Расторжки с последними в некоторых городах приобрели характер ярмарок.

Следующая характеристика Р. М. Кабо, тщательно исследовавшего процесс формирования городов Сибири, приурочена к Западной её части, но справедливо может быть распространена на всю Сибирь.

«Западно-сибирский город в XVII в., возникший из укрепления, который служил в первое время исключительно военным опорным пунктом, под влиянием этой своей основной функции постепенно превратился в очаг хозяйственной жизни: он собирает ясак, насаждает в округе земледелие, перевозит грузы, торгует и занимается ремеслом.

Но военный характер города не давал развиваться этим элементам хозяйственной жизни и держал их в зародышевом состоянии. Близость города к границам русской оседлости надолго сохранила в нём черты военного поселения. Это находило своё выражение прежде всего в составе населения (служилые люди, посадские и др.).

¹ «Обыкновенно служилые люди и духовенство, жившие в городах, получали в стороне от города «отъезжие поля» для заведения хлебопашни. Обрабатываемые наездом из города. Получали земельные участки пашенные крестьяне, ямщики и посадские люди. На первых порах эти выселки «отъезжих полей» отпочковывались от городов, и последние служили рассадниками. Впоследствии, в связи с большим приливом населения, поляки вне городов стали возникать самостоятельно. С течением времени города окружались различными выселками, починками, деревнями, слободами» (Р. М. Кабо. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии. М., 1949, стр. 61—62).

Между различными категориями жителей не наблюдается сколько-нибудь заметного разделения в области труда (земледелие, торговля, промыслы).

Слабое развитие профессионального разделения выразилось в двух формах: в постоянном переходе одних и тех же людей от одних занятий к другим и в совмещении одними и теми же лицами различных занятий (например, приходившие в город торговать, шли в служилые люди, так как заниматься торгом с местным населением служилым было удобнее).¹

Внешний облик сибирского города отвечал тому социально-экономическому содержанию его, о котором мы говорили. Облик этот можно восстановить на основании многих дошедших до нас описаний. Вот в качестве достаточно типичного примера Иркутск в конце XVII века, то есть спустя лишь 3—4 десятилетия лет после основания на месте раннего зимовья постоянного острога (1661 г.) и спустя ещё более короткий срок после образования самостоятельного Иркутского воеводства (1682 г.) и «утверждения» Иркутска городом (1686 г.).

«В 1693 году Иркутская острожная крепость перестраивается, делается прочнее и просторнее. Городские стены крепости были сделаны не тыновыми, как прежде, а «рублеными». Каждая стена состояла из нескольких бревенчатых срубов, плотно скрепленных один с другим... Крепость, называвшаяся «Иркутским рубленным городом», имела вид большого квадрата, каждая сторона которого простиралась на 60 сажен в длину. Поверх бревенчатых стен было устроено деревянное возвышение с тесовой кровлей, называвшееся обломом. Оно выдавалось немного вперед. В обломах проделывались отверстия (бойницы) для стрельбы. Бойницы с этих обломов составляли «верхний бой», в середине стены — «средний», а внизу — «подошвенный»... Иркутский острог имел шесть башен... Три башни считались проезжими, то есть имели ворота, остальные назывались глухими. Вооружение Иркутской крепости составляли в 1697 г. три медных пушки, мушкетеры, пики, копья, бердыши, имелись запасы пороха, ядер, свинца... К стене, обращённой к Ангаре, примыкало несколько построек: приказная изба, где сосредоточивалось местное управление и хранились различные дела; казённый амбар для хранения оружия и пороха; «государев двор», где жили воеводы, управлявшие Иркутским уездом. Под башнями находились избы для холостых казаков; женатые жили вне острога, в посаде.

В центре острога размещались: деревянная церковь, пороховой погреб, гостиный двор с одиннадцатью лавками, изба для приезжих торговых людей (тогдашняя гостиница), таможенная изба с амбаром, соляной амбар, винный погреб и другие постройки. Недалеко от церкви находилась караульная изба с помещением для аманатов — заложников в обеспечение уплаты ясака. В середине городской стены, выходящей на Ангару, находилась высокая проезжая башня с амбаром наверху, где хранилась

¹ Р. М. Кабо, назв. соч., стр. 95.

ясачная казна (пушнина), а также различные материалы и инструменты. Вокруг острожной крепости (вне её стен) были расположены дома иркутских посадских, торговых, промышленных и служилых людей. Эта часть города называлась посадом... В 1699 г. в Иркутске насчитывалось до 1000 жителей. Среди них преобладали служилые люди... Посадских по оброчным книгам числилось в 1698 г. 110 человек. Вместе со своими семьями они составляли свыше 300 человек жителей. Посадские—это ремесленники (в дальнейшем они причислялись к разряду цеховых), «работные люди» (наёмные работники), мелкие торговцы и хлебные оброчники. Последние, живя в посаде, занимались хлебопашеством и платили хлебные оброки в казну.¹

По мере притока в Сибирь русского населения, сельские поселения, хозяйственная деятельность которых была связана с земледелием (отчасти и животноводством) образовывали как бы вторую «слой» заселения. Этот слой в некоторых районах быстро приобретал большое значение, но географические контуры земледельческого заселения лежали полностью в пределах каркаса намечившегося в виде сети городов-острожков. Это положение справедливо и для тех районов, где земледелие создавалось не только путем отпочковывания от городов, деревень, починков, а имок при «отъезжей пашне», но и за счёт оседания чисто крестьянского колонизационного потока (пашенные уезды Тобольского разряда, «Илимская пашня» и т. п.). «Возникновение деревни на слободской территории шло обычно путём образования отдельными крестьянами самостоятельного поселения, называемого заимкой или деревней».² Шунков приводит множество примеров образования в XVII в. в Западной Сибири деревень-заимок из одного крестьянского двора. Благодаря росту семей и разделам дворов деревни эти становились двух-трёхдворными. Иногда деревни росли и за счёт доприселения, сдачи части тягла «новоприхожим людям», «поставленникам». Преобладание в селе одних и тех же фамилий, отмечаемое часто не только в XVII в., но и значительно позже, является чертой, говорящей о его «семейном» происхождении. В противоположность этому крестьяне, посаженные на землю «по прибору», образуют население тех деревень, где преобладают разные фамилии.

На протяжении XVII в. в пределах Тобольского разряда было основано более 70 волостей-«слобод»,³ в состав многих из них к концу столетия входили в свою очередь десятки деревень. Так Невьянская слобода состояла в 80-х гг. из 49 деревень, Армаицкая—из 23 и т. д. Наряду с мелкими деревнями в нескольких дворах, а иногда и в один двор, в Западной Сибири в это время были уже сёла, в которых насчитывалось по несколько десятков

¹ Ф. А. Кудрявцев и Е. П. Силли. Иркутск. Очерки по истории города, Иркутск, 1947, стр. 18—21.
² В. И. Шунков, назв. соч., стр. 90.
³ В. И. Шунков, назв. соч., стр. 143.

дворов.¹ Это определялось, с одной стороны, самой давностью поселения, с другой—наличием достаточных фондов земель, удобных для увеличения пашни. В некоторых многодворных сёлах создавался местный рынок хлебной торговли.

В Восточной Сибири мы гораздо реже сталкиваемся с крупными сёлами. О величине восточносибирской деревни, развивавшейся в значительно более суровых природных условиях, можно судить по обширному тщательно обработанному материалу, собранному В. Н. Шерстобоевым в его «Илимской пашне». Согласно данному перечню деревень Илимского воеводства, приведённому в исследовании на стр. 80—97 его труда, мы можем дать в таблице 4 такую характеристику величины сельских поселений в Илимском крае—этой наиболее значительной житнице к востоку от Енисея:²

Т а б л и ц а 4

	Число селений	В них дворов		В том числе с общим числом дворов			
		всего	крестьянских	свыше 9	5—9	2—4	1
Илимское воеводство	277	831	754	14	27	149	87
Из них значимые единицы:							
Ново-Илимская слобода	49	143	117	2	5	29	13
Брашлуцкая	29	64	62	—	1	17	11
Приписано к Братскому острогу	34	171	147	6	4	22	2
Приписано к Илгивскому острогу	22	63	62	1	3	9	9
Монастырские деревни	7	17	16	—	1	4	2

Среднее число дворов на одно селение составило ровно 3 (831 : 277). Деревни с числом дворов 2—4 являлись наиболее типичными и составляли 54% общего числа селений. В деревнях, состоявших свыше 9 дворов, была сосредоточена только 1/5 общего числа дворов (как всех, так и крестьянских). Самыми крупными из этих деревень были Шаманский погост (27 дворов, в том числе 20 крестьянских) и Ново-Удинская слобода (25 дворов, все крестьянские).

Это население крестьянского двора было сравнительно велико. В. Н. Шерстобоев определил средний состав двора в 13,2 чел., в том числе 10,9 чел. членов семьи крестьянина и 2,3 чел., как он выражается, «посторонних», то есть подворников.³

¹ В. И. Шунков, назв. соч., стр. 91. Например, в Катайской деревне в 1680 г. было 70 дворов, в Черемисской—42 двора, в Шогринской—26 дворов и т. п.
² Данные относятся к 1723 г. Мы исключили из них все 8 острогов, которые несли и земледельческие функции.
³ В. Н. Шерстобоев, цит. соч., стр. 266.

Мелкие размеры деревень в Восточной Сибири, по сравнению с Западной, зависели не только от социальных условий (более позднее заведение пашни, меньшие размеры хлебной торговли, иные формы несения государственных повинностей), но и от природных: здесь трудно было создавать, как в лесостепи Западной Сибири, крупные сплошные массивы пахотных земель. Пашня лепилась по отдельным еланям, на клочках более благоприятных для земледелия участков, по склонам террас рек. Огромного труда стоило «выдрать» из-под леса каждую лишнюю десятину.

Различие в людности деревень Западной Сибири и таёжных районов Восточной Сибири сохранилось и в настоящее время.

Глава III. СДВИГИ В ГЕОГРАФИИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В XVI — XVIII ВЕКАХ

Проникновение и закрепление русских на землях, занятых коренными сибирскими племенами, встречало в подавляющем большинстве случаев лишь слабое сопротивление. Это объясняется, с одной стороны, огромным хозяйственным, государственно-политическим и военным превосходством пришельцев, с другой, — малой заселённостью занимаемых территорий. Не следует однако думать, что, проникая, как «нож в масло», в редконаселённые районы Сибири, русские не вызвали своим водворением иногда довольно значительных передвижек местных племён. Эти передвижки были вызваны даже не столько земельной теснотой, возникшей в результате водворения, сколько стремлением избежать тяжёлой руки воевод, назойливости сборщиков ясака, беззастенчивых утеснений, чинимых подчас буйными ватажками казаков-землепроходцев. Иногда местное население было увлечено поступательным движением русских, обращалось ими в «служилых инородцев», расселялось по указам из Москвы и местных воевод там, где это было нужно в интересах ямской гоньбы, и т. д.

Миграции «инородцев» образуют в истории формирования географии населения Сибири XVI—XVIII в. особую тему. По масштабам вовлечённых в сдвиги людских масс и по географическим результатам этих сдвигов, их, разумеется, нельзя сравнивать с движением русских; но тем не менее мы считаем полезным осветить их здесь хотя бы в главнейших, общих чертах. Однако, чтобы понять эти миграции, надо сперва сказать несколько слов и о тех географических сдвигах в расселении коренных народов Сибири, которые происходили накануне и в момент прихода русских. Некоторые из этих сдвигов тем более существенны, что в ходе их происходило формирование значительных по численности народностей.

Миграции, происходившие перед приходом русских

а) **Буряты.** Хотя этногенез бурятского народа исследован ещё недостаточно, в частности, — лишь в слабой степени освещён археологическими работами,¹ можно считать установленным, что пре-

¹ Г. Н. Румянцев. Перспективы изучения истории Бурят-Монголии в пятнадцатилетии. Записки Бур. Монг. НИИКЭ, VII, 1947, стр. 81 — 82; П. Оклядинов. Отчёт о работах 1947 г. Там же, VIII, 1948, стр. 106 — 108.

обладающую роль в формировании бурят, как особой народности, играло автохтонное население Прибайкалья, и что формирование это завершалось именно в Прибайкалье, где и сейчас находится достаточно компактный район бурятского населения. Вместе с тем многие весьма авторитетные советские историки не отрицают того, что в этом формировании важную роль сыграли и миграционные скрещения с распространявшимися из внутренних районов Азии монгольскими элементами.¹

Имея центром своего расселения берега Байкала, буряты ещё задолго до прихода русских распространились к западу от Байкала. В районе оз. Косогол и даже в верховьях Енисея они вели успешную наступательную борьбу с обитавшими здесь племенами туба (тувинцев) и кыргысов. Распространение бурят на запад продолжалось до XVII в. Русские впервые столкнулись с ними на р. Кане, где в месте, закреплённом в 1628—1640 гг. постройкой Канского острожка, был «Братский перевоз». С. Ремезов (1701 г.) отмечает, что «на р. Уде жили братские мужики Енисейского приисуда». В районе Балаганского острога жили, судя по ясаинской книге 1686 г., «большие братские люди». Мы имеем сведения о заселении бурятами, к моменту прихода русских, также р. Чуш (выше порогов). О чунских и удских бурятах писали А. П. Окладников и С. А. Токарев.²

Можно думать, что расширение области обитания бурят явилось одной из причин усиления передвижек сахалар-якутов в район средней Лены задолго до прихода русских.

Перед появлением в Прибайкалье русских буряты, особенно восточные, имели начатки земледелия, что, очевидно, влияло на устойчивость основного ареала их расселения.

Не следует, однако, переоценивать эту устойчивость. Если в целом район обитания бурят оставался почти неизменным в протяжении трёх столетий, то внутри него шли значительные передвижки—иногда связанные с приходом русских, а иногда вызываемые внутренними причинами. История расселения и передвижек отдельных бурятских родов весьма сложна и далеко не полностью ещё изучена. Её затемняет и то, что она сочеталась с процессами окончательного формирования бурят, как народности и развитием феодальных отношений. Характерным примером внутренних передвижек может служить история бурят в Баргузинской долине. Повидимому, ещё в XIII в. здесь жили какие-то прабурятские племена (хорчины, баргуты). Можно считать установленным, что незадолго до прихода русских произошла отпочковка на юг ряда бурятских родов, живших в долине Баргузинской, однако и в XVII в. буряты жили здесь (вместе с тунгусами), хотя

«отъезжали к мунгалским тайшам». Прочное заселение долины Баргузинской долины, о котором есть уже много исторических свидетельств, относится к 40-м гг. XVIII в., когда, повидимому, вследствие земельных утеснений, произошла передвижка родов с западного берега Байкала и о. Ольхона.¹

б) **Якуты и другие народы северо-востока Сибири.** Представление о якутах, как о народности, пришедшей в бассейн средней Лены из Предбайкалья, опирается на многочисленные лингвистические,² археологические и косвенно-исторические доказательства, в том числе и на очень согласно говорящие об этом предания самих якутов.³ Это не значит, однако, что якуты спустились по Лене уже в виде вполне сформировавшегося народа, и что переселение их было одновременным актом, как в своё время наивно считали Миллер и Фишер, связывавшие заселение якутами средней Лены с походами Чингис-хана. Мы сейчас можем утверждать, что переселение южных предков якутов шло постепенно, растянувшись на много столетий. Некоторые историки относят начало этого движения ещё к первым столетиям нашей эры, следуя теории «волны»—к VII—IX вв. Лишь часть позднейших переселений можно связывать с движениями монголов эпохи Чингис-хана. П. Окладников, принимая гипотезу нескольких отдельных «волн», считает, что последняя имела место «не ранее конца XV—начала XVI столетия».⁴

Формирование якутов, как народа, заканчивалось уже на средней Лене, причём происходило оно в результате скрещения южных пришельцев, среди которых были не только тюрки, но и другие монгольские элементы,⁵ с автохтонными аборигенами. Якутская народность «сложилась из разных частей и групп, частью местных, частью пришлых... Только отдельные группы, вошедшие в состав якутской народности, имели южное происхождение... У местного населения были свои, повидимому, тунгусские наречия. Из пришельцев одни группы говорили по-монгольски, другие принесли с собой турецкую (тюркскую—В. П.) речь. Смешения этих различных языков мало-помалу выработался общий язык, который по основному строю был близок к тюркскому (тюркским—В. П.) языкам».⁶

¹ Историко-обитания бурят (на разных этапах) в Баргузинской долине подробно рассмотрел в специальной работе Г. Н. Румянцев (Баргузинские буряты. Труды Кяхтинского краеведческого музея, т. XVI, вып. I, Улан-Удэ, 1954).

² Например, тюркская основа якутского языка.

³ А. П. Окладников. Происхождение якутской народности. Труды Географ. Съезда, т. II, 1949. Недавно этот автор более подробно рассмотрел эти же положения в первом томе обширной «Истории Якутии» (Якутия, используя добытый им новый археологический материал).

⁴ А. П. Окладников, назв. соч., стр. 370.

⁵ Среди якутских племён были племена хоринцев (сравн. буряты-хоринцы), батунцев (сравн. буряты-батушцы) и другие, что говорит о значительной примеси бурятского этнического элемента.

⁶ С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа, М., 1940, стр. 14—15.

¹ См. выступление В. И. Шункова на совещании историков в Улан-Удэ в октябре 1947 г. Зап. Бур. Монг. НИИКЭ, VIII, 1948, стр. 225—229.

² Н. Н. Степанов. Заметки по исторической географии и этнографии Сибири XVII в. Изв. ВГО, 1949 г., № 3, стр. 299—301. С. А. Токарев. Расселение бурятских племён в XVII в., Зап. Бур. Монг. ИЯЛИ, вып. I, 1939; А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов, Л., 1937.

Для признания решающим элементом в формировании якутской народности именно южных пришельцев для нас гораздо важнее языка должно быть то, что именно эти пришельцы создали в Якутии скотоводческое хозяйство. Якуты оказались, как их южные предки, народом «конным».¹ Что касается рогатого скота, то большинство авторов считает, что и он попал на левые склоны вместе с южными переселенцами, хотя акклиматизация скота и была процессом длительным и болезненным. С. А. Токарев пишет: «Скотоводство, конечно, не сразу укрепилось в Якутии; немало, очевидно, было случаев гибели приведенных стад от сурового, непривычного для степного скота климата. Не раз и не два повторялись новыми и новыми переселенцами попытки удержать и развести приведенных лошадей и коров». С. В. Бахрушин настойчиво указывает, «будучи готов даже идти, как он пишет,—в разрез с господствующими в этом отношении представлениями», что к моменту прихода русских в хозяйство якутов «рогатый скот играл не менее важную роль, чем лошади». В том же духе высказывается М. К. Расцветаев.⁴ Некоторые, однако, считают, что «первоначально конный (лошадь была основным у них животным) народ, якуты, уже при русском управлении перешли к широкому разведению рогатого скота».⁵ Но даже если мы предположим, что рогатый скот появился в Якутии по воле лошадей, что окончательное укрепление разведения рогатого скота было связано с длительной акклиматизацией его и произошло уже при русских, сами якутские породы рогатого скота убедительно говорят о связи с Прибайкальем.⁶

Сам путь движения южных предков якутов в район средней Лены можно связать с островками лугов и луговых степей в тайге. Островки эти здесь встречаются по долинам рек далеко на севере. При этом необязательной является гипотеза о движении исключительно вдоль самой Лены. Если переход в бассейне Лены прослеживается довольно легко (через Иркутско-Тулунскую лесостепь к Верхоленской «степи»), то далее можно предположить не только путь через луговые массивы близ устья Олёкмы

¹ «О южном, степном происхождении якутского скотоводства... свидетельствует вся скотоводческая терминология, а также чисто зоологические данные, например, особая масть якутской лошади... Явственный отпечаток южного происхождения сохранила и вся их скотоводческая техника, в том числе и способ доения коров» (Окладников, назв. соч., стр. 367).

² С. А. Токарев, назв. соч., стр. 13.

³ С. В. Бахрушин. Исторические судьбы Якутии. Сб. «Якутия», 1927, стр. 288.

⁴ М. К. Расцветаев. Очерки по экономике и общественному бытию якутов. Изд. АН СССР, Л., 1932.

⁵ С. Л. Урсынович. Условия промышленной и промысловой организации Якутской республики. Труды Гос. НИИ Землеустройства и строительства, т. XI, М., 1930.

⁶ Л. С. Берг. Географические зоны СССР, т. I, М., 1947, стр. 213.

⁷ Впрочем, у нас есть ряд оснований утверждать, что само заселение устьев Олёкмы якутами произошло с севера и что этот эпизод непосредственно предшествовал приходу русских. Якутские предания об этом, записанные у олёкминских якутов, приводит И. И. Майнов в своей книге «Якутские крестьяне и оседлые шородцы в Якутской области», СПб., 1912, стр. 79.

и переход из долины левого ленского притока Нюя в долину среднего Вилюя, по которому много остепнённых лугов. Это автор считает вероятным Ю. Г. Саушкин.¹ В этом случае в район современного Якутска «южные» якуты попали не с юга, сверху Вилюя, а с запада и даже с севера, с Вилюя. Впрочем, эта схема движения представляется нам противоречащей тому расселению якутов, которое застали русские, почти не встретившие якутов на всём протяжении Вилюя вплоть до его низовьев (см. стр. 85—87).

Проникновение сравнительно компактной массы якутов на Вилюй, занятые до этого тунгусским населением (хотя последнее было очень редким), привело его в движение. Впрочем, есть основания считать, что тунгусские роды проявляли в это время большую подвижность и независимо от «толчка», полученного ими от якутов, в связи с происходившим в их собственной среде важным переходом от «пешей» к «оленьей» культуре.² Можно предполагать, что «отражённо» это движение сказалось даже на крайнем северо-востоке Азии. Переход к оленеводству у многих тунгусов, а также у чукчей происходил на глазах русских, совершавших с половины XVII в. походы морем на Чукотку, а также через Анадырские земли. В это время усиливаются различия в общественном быте и условиях расселения «сидячих» береговых и «оленьих» чукчей.³

Существует взгляд, что расселение тунгусов, вызванное, быть может, якутской экспансией незадолго до прихода русских, вытеснило их восточные роды к Охотскому морю. «Тенденции народного передвижения, происходивших в Восточной Сибири на протяжении XVIII—XIX вв., позволяют предположить, что несколько столетий тому назад гиляки были соседями коряков... Клин между ними был вбит тунгусской волной, разрезавшей надвое слой палеазиатского населения, первоначально сплошной полосой тянувшегося от Анадыря до Амура».⁴ Недавние археологические находки экспедиции А. П. Окладникова, исследовавшего остатки жилищ нымыванов (коряков) на побережье Охотского моря (остров Кони), то есть значительно южнее района современного обитания нымыванов, подкрепляют эту гипотезу новым и весьма фактическим материалом.

¹ Ю. Г. Саушкин. Географические очерки природы и с. х. деятельности населения в различных районах Советского Союза, М., 1947, стр. 83.

² А. Золотарёв. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII в. История Марксизма, 1938, № 2. А. Золотарёв полемизирует с авторами, утверждавшими, что тунгусы некогда пришли с юга (Максимов, Широкогоров), и даже ещё из степной зоны навыки скотоводства и лишь заменив в тайге одомашненную лошадь одомашненным оленем. «Пеших» тунгусов, которых русские встречали в Сибири наряду с «оленьими», он считает не утратившими своей культуры, а представителями более ранней, доосевоодческой стадии культуры. По А. Золотарёву (эта точка зрения сейчас господствует) тунгусы-антохтоны, выделившиеся из состава палеазиатов «на месте».

³ И. С. Вдовин. Расселение народностей северо-востока Азии во второй половине XVII и начале XVIII в., Изв. ВГО, 1944, № 5.

⁴ А. Золотарёв, назв. соч., стр. 86.

в) Народы северо-западной Сибири. В северо-западной Сибири результатом походов Батая и образования Золотой Орды явилось проникновение «сибирских татар» в среднее течение Оби и Иртыша. Проникновение это значительно ускорило разложение родового строя и зарождение феодализма среди коренного населения этой области — хантов (остяков) и манси (вогулов). Оби этот народ заимствовал у южных кочевников разведение лошадей и рогатого скота. Впрочем, разведение этих животных не получило у них такого развития, как у якутов. Это, по видимому, произошло несколько позже, чем появление у них домашних оленей.

Есть исторические данные, позволяющие считать, что ещё примерно за два столетия до проникновения русских в Сибирь значительная часть вогулов обитала к западу от Урала.¹ Переход этой части их в бассейн Оби может быть следует поставить в связь с напором увеличивавшихся в численности коми (как зырян, так и пермяков). Коми к этому времени, в связи с происшедшим у них разложением родового строя, хозяйственно очень укрепились. С другой стороны, сбор ясака новгородцами в северном Приуралье становился всё более жестоким, особенно если учесть прогрессирующее истощение пушных богатств Печорского бассейна и это тоже толкало вогулов на восток. Исследователи указывают на приручение оленей северными соседями вогулов — ненцами, как на поворотный пункт для развития кочевков с очень большим географическим размахом. Судя по тому, что в XVI—XVII веках в описаниях народов Крайнего Севера упоминаются о собаках, как единственном ездовом животном, всё чаще сменяются упоминаниями об оленях, можно думать, что «вытеснение» собаки оленем произошло незадолго до подчинения западно-сибирских ненцев русскими.² Однако ещё в конце XVI века ездовыми собаками подчас пользовались и сами русские. Это по показанию П. И. Горчакова, относящемуся к 90-м гг. XVI века «торговые всякие люди со всякими товарами зимним путём ходили на Берёзов через Камень на собаках».³ С развитием оленеводства расселение на крайнем северо-западе Сибири приняло отчётливо выраженный кочевой характер. Ещё «в XVII в. самоеды ежегодно ходили, с одной стороны, на Таз и Мангазею, а с другой, — переходили через Уральские горы и направлялись в Пустозерск и далее на запад — на Мезень и даже на Каннин».⁴ «Вся тундра от Пясида (Пясны) до Пустозерска представляла

одну большую дорогу для самоедских кочевий, жила одной кочевой жизнью».¹

Подобно тому, как в период, предшествовавший приходу русских, за Урал оттягивались вогулы, туда же в более северной части (и вероятно несколько раньше) оттягивалась и та племенная группа ненцев, которую позже мы находим на Енисее (так называемые энцы). Л. С. Берг считает, что в XI в. энцы жили к западу от Уральского хребта, а «в XVI в. самоеды-энцы распространялись на запад до Оби».²

Миграции народов северо-востока Сибири в XVII—XVIII в. Дальнейшие миграционные движения среди коренных народов Сибири происходят уже в период появления русских и отчасти являются его следствием. Центральным по географическому значению среди этих движений является широкое расселение наиболее многочисленного к этому времени якутского народа.³

Ареал обитания якутов к моменту прихода русских в Якутию был значительно меньше, чем сотню лет спустя. Сам контур этого ареала вызывает в науке ещё споры. Авторитетный исследователь якутского народа И. И. Майнов очерчивает этот ареал так: на юго-западе граница компактного якутского населения к моменту прихода русских распространялась по Лене до её левого притока р. Синеи, за пределами которой являлся только небольшой, незадолго до этого образовавшийся очаг заселения у устья Олёкмы. На северо-западе якуты были расселены до низовьев Вилюя,⁴ на севере их земли ограничивались Алданом и средним течением его притоков Баяга и Татта, на востоке — р. Амгой. Если даже и признать, что И. И. Майнов несколько сужает ареал обитания якутов в начале XVII века (так как сейчас можно утверждать, что якуты-оленоводы обитали в это время, например, также в Верхоянье и некоторых других северных районах), следует согласиться, что именно эта террито-

¹ С. В. Бахрушин. Самоеды в XVII в. Северная Азия, 1925, № 5—6.

² Л. С. Берг, назв. соч., стр. 260. См. также Г. Д. Вербов. О древней Мангаже и расселении некоторых самоедских племён до XVII в. Изв. ВГО, 1943, № 5.

³ По подсчётам И. И. Майнова численность якутов к этому моменту определялась в 40 тыс. чел. Достаточно сравнить эту цифру с численностью населения западносибирских княжеств XVII в.: Кодского — около 600 чел. в 1631 г., или 441 чел. ясаших людей в 1644 г., Белогорского — от 123 до 377 ясаших людей, Белогорского и Бардакова — от 80—90 ясаших людей. Во всём огромном Берёзовском уезде в XVII в. числилось от 1 до 1,6 тыс. ясаших людей (С. В. Бахрушин. Мангаже и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л., 1935).

⁴ Майнов считает, что к моменту прихода русских «основным населением» являлся Вилюй... следует признать тунгусов. Якуты попадают русским только близ устья Вилюя, а выше всё население сплошь оказывается «тунгусским» (Население Якутии, ст. в сб. «Якутия», Л., 1927, стр. 327; см. также приложенную к этой работе карту, приуроченную к 1676 г.). Это мнение разделяет и Л. С. Берг (ст. «История географического ознакомления с якутским краем», в том же сб., стр. 4). Однако отметим, что карта расселения якутских племён, составленная С. А. Токаревым и приложенная к его названной выше книге, наоборот, указывает для первой половины XVII в. на значительное число якутских племён.

¹ «Относительно местожительства вогулов на европейском северо-востоке, в частности, и на территории нынешнего Коми-Пермяцкого национального округа, нет сомнений. Об этом говорят и исторические данные (Н. И. Шишкин. Коми-Пермяки, Молотов, 1947, стр. 31). Этот автор упоминает и на вогульскую топонимику многих рек Приуралья.

² В. Г. Карцев. Очерк истории народов северо-западной Сибири. М. 1937, стр. 13—15.

³ А. И. Андреев. Заметки по исторической географии Сибири. Изв. ВГО, 1940, № 2, стр. 154.

⁴ Л. С. Берг. О древнем расселении енисейских самоедов или манси. Изв. ВГО, 1945, № 5.

рия являлась тем очагом, в пределах которого завершалось формирование якутов, как особой народности.

За короткий срок якуты далеко распространились за пределы этого коренного очага. В XVIII в. они густо заселяют весь бассейн Вилюя; якутское население у устья Олёкмы и по долине этой реки значительно увеличилось. Якуты проникли и далеко на север и северо-восток, вплоть до Колымы, хотя здесь не образовали сплошного массива, а остались вкрапленными среди тунгусов, ламутов и юкагиров. На востоке якутские поселения, возникшие главным образом в связи с устройством тракта на Охотку, дошли почти до Охотского моря.

Масштабы этой, происходившей с необычайной быстротой раздвижки области обитания, поражали многих исследователей. Серошевский назвал эту раздвижку «поистине чудесным перемещением, в какие-нибудь 50—60 лет, огромного количества людей (разумеется, по тогдашним сибирским масштабам — В. П.) на обширнейшую площадь».² Майнов считает, что территориальная экспансия якутского населения была связана с большим численным ростом его. Тем не менее «чудесное перемещение» казалось столь неправдоподобным, что некоторые даже стали оспаривать, что к моменту прихода русских якуты занимали лишь небольшую часть современной Якутской АССР. На такую позицию стали, например, Ю. Саушкин. Этот автор взял, в частности, под сомнение карту Семёна Ремезова, составленную в 1701 г. и как бы подытоживавшую данные за период русского проникновения в Якутию (карта эта устанавливает небольшой ареал обитания якутов в XVII в.).

Такие сомнения вряд ли правомерны. Мы знаем, с какой тщательностью наши предки—землепроходцы отмечали этническую принадлежность каждой встреченной ими группы «инородцев», знаем и то, как внимательно данные эти собирались в приказных избах, где они служили оперативным основанием для административного управления «инородцами» и «планирования» ясашного обложения их. Исследователь русской географии XVII и XVIII веков Д. М. Лебедев справедливо подчёркивает большую «зоркость и точность наблюдения» русских землепроходцев в этом отношении. Обычными вопросами в инструкциях, которые составлялись для отправляющихся в поход «проведывателей», были: «И

¹ Вопрос о том, обитали ли якуты до прихода русских на Вилюе вызвал особенно много споров среди историков. Некоторые из них, считая, что сам путь предков якутов с юга на среднюю Лену лежал через Нюю—Вилюе, настаивали на положительном ответе. При этом высказывалось предположение, что первые русские отряды могли просто не заметить якутов, кочевнивших со своим скотом в тайге и в стороне от реки или сознательно скрывавшихся от них в тайгу. Если даже согласиться с этими доводами, нельзя забывать об очень частом в якутском эпосе сюжете бегства якутов с Лены на Вилюй. Якутский фольклор убедительно говорит, что хотя, может быть, некоторое число якутов и кочевало в начале XVII в. в районе Вилюя, массовое заселение его было связано с бегством со средней Лены не то от усмирявшейся к моменту прихода русских феодальной власти среднеленских якутских князей—Тыгына и др., не то даже непосредственно от русских.

² В. А. Серошевский. Якуты, СПб, 1896, стр. 223.

ли люди по тем рекам и вершинам живут и чем кормятся, и какие ли люди и пашни у них есть ли, и хлеб родится ли и какой хлеб родится, и зверь у них соболи есть ли».¹ Известный этнограф Н. Н. Степанов называет «рописи» служивых людей одним из важнейших источников по исторической географии и этнографии Сибири XVII в., ценных именно подробностью описания населения, его родовой принадлежности, численности и т. д.² И. С. Вдовин также пишет, что «первые русские казаки-завоеватели довольно хорошо различали племена, с которыми им пришлось сталкиваться», добавляя, что это обуславливалось и теми «сведениями», которые они получали от своих «вождей».³ Казаки и донесения первых проведывателей «новых земель», как правило, настолько точны, что было бы невероятно, если бы не знали их в Якутии допустили (и повторяли) столь значительную небрежность. Правда, следует иметь в виду, что «отдельные родовые и племенные группы (участвовавшие в формировании якутского народа—В. П.)... долго сохраняли сознание своей первоначальной обособленности и независимого происхождения... Процесс ассимиляции якутами северных племён и взаимного слияния их друг с другом на Вилюе, в низовьях Лены и к западу от неё, длившийся долгие и «северных» якутов-оленевонов, не закончился ещё и в XVIII в.»⁴ Поэтому в отдельных случаях составители «рописок» могли, опрашивая туземцев, получать ответы, не позволившие им отнестись опрашиваемых к якутам. Однако мы не думаем, что это могло иметь место во многих случаях⁵ и не считаем, что это создало заметное искажение общей картины первоначального расселения якутов.

Территориальную раздвижку области их обитания за XVII—XVIII века мы считаем историческим фактом и думаем, что эту факту можно дать и вполне правильное объяснение, связывая эту раздвижку с приходом русских.

Мотивы этой территориальной очень значительной экспансии были двойными.

С одной стороны, «якуты двинулись на тунгусские земли как вытесненные русскими завоевателями и собственно пожали плоды их, заняв территории тунгусов после того, как русские «замирлили», а частично рассеяли тунгусские племена».⁶ Якутские тойоны, с которыми русские воеводы старались ладить, выхлопывали себе участки на новые пастбищные и охотничьи угодья. Многие якуты стали «служилыми инородцами». Якутская верхушка суме-

¹ Д. М. Лебедев. География в России XVII в., М. 1949, стр. 80, 81, 82.

² Н. Н. Степанов. Заметки по исторической географии и этнографии Сибири XVII в. Изв. ВГО, 1949, № 3.

³ И. С. Вдовин. Расселение народностей северо-востока Азии во второй половине XVII в., Изв. ВГО, 1944, № 5.

⁴ А. П. Окладников, назв. соч., стр. 371.

⁵ Скорее всего это могло иметь место на Вилюе, что может отчасти объяснить отмеченное выше расхождение между картами расселения якутов XVII в., составленными И. И. Майновым и С. А. Токаревым.

⁶ С. Л. Урсынович, цит. соч., стр. 115.

ла извлечь некоторые выгоды даже из тех повинностей, которую русская власть накладывала на якутский народ в целом, например, из обязанностей возить грузы по Охотскому тракту.¹ Находясь на стадии хозяйственного развития, выделявшей их среди окружающих народов, якуты усвоили себе многие черты русского хозяйства, переняли у русских ряд орудий, развили своё животноводство, начали даже кое-где заниматься земледелием. Сравнение якутов с русскими происходило по многим линиям (зачленение новокрещенов в якутские казаки, смешанные браки, уделение тойоната, возникновение туземного купечества и т. п.), якуты действительно становились «спутниками» русских в их движении на северо-восток.

С другой стороны, якуты стремились уйти от ясачных притеснений, иногда разбегались после неудачных восстаний, продолжавшихся весь XVII век, шли не с русскими, а от них. Именно таким образом попала часть якутов на крайний север — на Оленек, Яну, Индигирку и Колыму — отчасти на Вилюю и даже на Олёкму. «Вторая половина XVII века послужила эпохой разбегания многих якутских родов из мест их прежнего обитания в отдалённые края, где беглецы надеялись спастись». ² О том же пишет и Бахрушин: «Продвижение якутов в северном направлении в Яну... усилилось вследствие притеснений. В конце столетия (XVII—В. П.) к западу от устья Лены якутские поселения захватывали бассейн реки Оленека, но в XVII веке их ещё не было в Туруханском крае, куда они переместились позднее. К востоку от Лены якуты в XVII веке достигли верховьев Яны и на верховьях Индигирки боролись с ламутами. В первой половине XVIII века они, кроме Яны, уже сидели по Индигирке, Алазее и Колыме».

В таблице 5 предположительно рисуется рост численности якутов, являвшийся предпосылкой для расселения якутов вширь.

Расселение якутов вширь, охватившее пространство в тысячи километров, как бы вдвигало их на территории, занятые соседними тунгусскими, ламутскими и юкагирскими племенами и родами, значительно сокращая область обитания и охотничьих угодий аборигенов. «Скотоводческая культура якутов и сравнительно высокая плотность якутского населения оказалась настолько благоприятной для успеха в борьбе племён за обладание территорией, что до прихода русских тунгусы были вынуждены шаг за шагом отступать перед якутами. Установление в крае русской власти

По И. И. Майнову

30-е гг. XVII в.	40 тыс.
1676	60 тыс. (вместе с другими туземцами)
1763	80 тыс. (вместе с другими туземцами; доля якутов не менее 3/4; однако цифру эту автор считает очень неполной).
1816	142,4 тыс. (вместе с другими туземцами).
1851	195,4 тыс. (то же)
1897	221,1 тыс. (только якуты)

По С. В. Бахрушину

70-е гг. XVII века	—
1738	8,5 тыс. ясачных инородцев (всех племён Якутии)
1775	14,2 тыс. " "
1818	30,2 тыс. " "
1897	142,4 тыс. чел. о. п. (всех племён Якутии)
1911	235,6 тыс. " "
	240,6 (одних якутов)

поставило тунгусов в невозможность в дальнейшем оказывать якутам вооружённое сопротивление, и бескровный захват их прежних «ухожий» (так называемых охотничьих пространств) стал совершаться ещё быстрее и в более широком объёме». ¹

Это вызвало исторически установленные отколёвки многих родов различных тунгусских племён. Так «Жиганский» тунгусский род, давший имя русскому Жиганскому зимовью близ пересечения Леной полярного круга, позже дислоцируется много западнее, за Енисеем. ²

В первой половине XVII века долгане жили ещё на Лене. В «описке» мангазейца Мартына Васильева от 1631 г. читаем: «А по Лене-реке на Усть Вилюя живут долганы и якуты, а князь де у них Дыгинча, ³ а людей де у него человек с семьсот же». Позже долган мы уже не встречаем на Лене — они оттеснены значительно западнее.

Сокращалась область обитания тунгусов и к востоку от Лены. Точно также стеснёнными в своём распространении оказались и юкагиры. Л. С. Берг установил на основании ряда исторических свидетельств XVII века, что «юкагиры в то время обитали западнее теперешнего: ныне они живут только в бассейне верхнего течения Колымы... Юкагиры некогда, до прихода русских, распространились на запад до Лены... В низовьях Яны в 1675 г. жили юкагиры». ⁴

Области, занятые тунгусами, ламутами и юкагирами, сокращались ещё и потому, что с востока шло распространение чукчей,

¹ И. И. Майнов, назв. соч., стр. 403—404.

² На это указывает Л. С. Берг. (История географического ознакомления с Якутским краем. Статья в сб. «Якутия», Л., 1927, стр. 3—4).

³ Не есть ли это полулегендарный Тыгын якутов, с потомками которого в качестве якутских «князьцов» мы встречаемся во многих русских грамотах и сказках XVII века?

⁴ Л. С. Берг, назв. соч., стр. 7—8.

¹ «Охотск был первым морским портом России на Тихом океане... Движение через Якутск в Охотск становилось регулярным и с каждым годом возрастало. К середине XVIII в. в Охотск ежегодно отправлялось по 4—5 тыс. лошадей, хлеб и прочим продовольствием, со снаряжением и товарами. С этого времени правительство было вынуждено перейти к оплате перевозок, вынужденных якутами. «С переходом к системе платных перевозок тойоны всё это дело в свои руки. Содержали станки (станции) и поставляли лошадей только родоначальники (князьцы). Они и получали от казны плату... Они становились в самом настоящем смысле подрядчиками» (С. А. Токарев, цит. соч., стр. 126—128).

² И. И. Майнов, цит. соч., стр. 341.

³ Сб. «Якутия», Л., 1927, стр. 286—287.

для которых переход к оленеводству—более высокой стадии хозяйства—явился толчком к дальним кочевьям и способствовал их успехам в борьбе с другими племенами. Довольно сложные взаимоотношения чукчей и их соседей — юкагиров и коряков, на которых мы не имеем возможности подробно останавливаться, были исследованы недавно И. С. Вдовиным, который установил, что, «начиная с конца первой половины XVIII в. идёт усиленное продвижение чукоч на юг от Анадыря, на запад и юго-запад от Чауна». ¹ Названные реки в середине XVII в., видимо, были границами основной области обитания чукчей. Правда, первая встреча русских с чукчами произошла в 1642 г. на р. Ализее, то есть западнее Колымы. Но это были ещё отдельные роды, оказавшиеся в силу каких-то причин спутниками юкагиров в их кочевьях. Встретивший их красноярский казак Иван Ерастов, пользуясь разяжениями своего вожа-юкагира, пишет в своём донесении о встрече с «алазейскими людьми» (вясашные юкагиры): «а с ними были с тундры чюхчи мужики со своими роды с улусными людьми». Позже проникновение чукчей в район Колымы значительно усилилось, и они составляли здесь большую часть населения. Участились и стычки их с русскими, например, в 1652 г. чукчи осаждали Нижнеколымск. ²

Колымские «оленные» чукчи ввели на местах своих новых кочевий ряд улучшений в оленеводческое хозяйство, в частности, приспособили оленей для верховой езды, занимались тунгусские породы оленей, а местами вывели совершенно новую породу. К XIX веку у отдельных богатых чукчей отмечались стада оленей до 5 тыс. голов. ³

Миграции народов Приамурья. Несколько особняком стоит миграция коренного населения Приамурья—дауров и дочерев, частично совпавшие с проникновением сюда русских (40—50 гг. XVII в.). До прихода русских край был густо заселён этими маньчжуро-тунгусскими племенами и имел сравнительно высокую земледельческую культуру (следует иметь в виду, что русские, привыкнув иметь дело с очень малочисленными и стоявшими на

¹ И. С. Вдовин, назв. соч., стр. 250.

² И. С. Вдовин (назв. соч., стр. 254—255) на основании ряда сопоставлений считает, что в район Колымы чукчи попали незадолго до прихода русских, с Медвежьих островов, куда часть их отселлась вследствие внутриплеменной ссоры. Острова, как полагает Вдовин, и позже использовались чукчами для поездок на оленях за моржами. Эта гипотеза очень интересна, так как позволяет констатировать у западных «оленных» чукчей именно место вначале сочетание оленеводческого хозяйства с морскими промыслами.

³ Чтобы больше не возвращаться к этим миграциям чукчей, укажем здесь же, что уже в середине XIX в. (1857 г.) западным чукчам были официально предоставлены территории к западу от Колымы, вплоть до некоторых притоков Индигирки. Приток сюда чукчей с востока в это время ещё продолжался. Позже жестокая эпидемия оспы (80-е гг.), а затем регресс оленеводства, вызванный хищнической торговлей американских пикиеров, привели к резкому сокращению населения стойбищ колымских чукчей. Вследствие этого вся эта миграция постепенно затухла, и в позднейшем распределении народностей северо-востока Сибири западно-колымские чукчи представляли уже незначительную горстку: 1897 г. — 1,6 тыс. чел., 1925 г. — 0,8 тыс. чел. (Сб. «Якутия», Л., 1927, стр. 411—412).

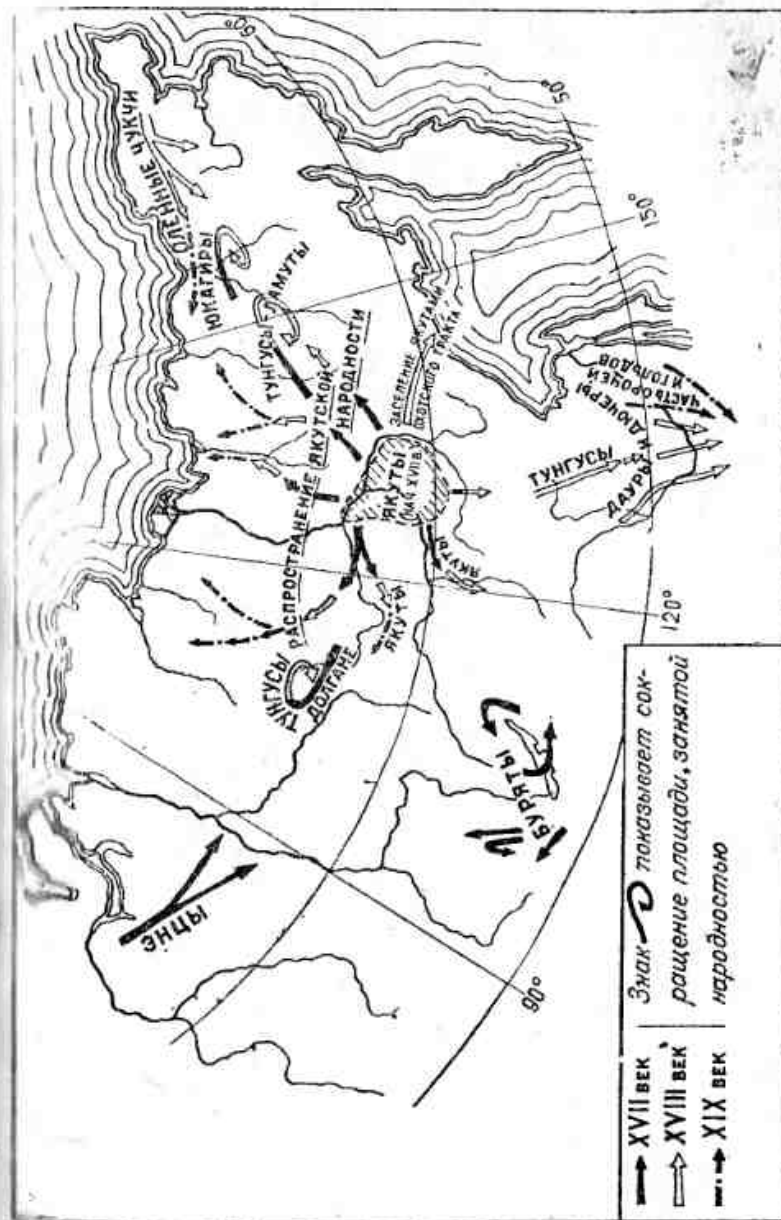

Рис. 5. Важнейшие миграции народов Северной и Восточной Сибири в период прихода русских

низких ступенях развития сибирскими туземцами, повидимому несколько преувеличивали доходившие до них слухи о «Даурии». После Нерчинского договора 1689 г., когда русские ушли из Приамурья, край остался почти вовсе пустынным. Некоторые исследователи были склонны приписывать это опустошение «погромному» учинённому казаками. Так, например, излагает дело В. И. Огородников в специальной работе.¹ Однако вряд ли это верно. Попробуем установить некоторые факты, которые, по нашему мнению, опровергают эту точку зрения.

Хотя приход русских явился для туземцев, оказавшихся в значительной степени двоеданниками, тяжёлым бременем и несомненно отчасти толкал их на уход в глубь Маньчжурии, однако

1) «Прцветание» Даурии в сущности следует отнести не к XVII, а к XVI веку, когда жившие здесь племена были независимы. Завоевание их маньчжурскими князьями, создававшими в начале XVII в. своё «золотое (Цзинь) царство», было связано с жестоким разгромом (1607—1615 гг.), после которого маньчжуры силой увели большую часть уцелевшего населения в Маньчжурию. Доказательством того, что Даурия запустела уже до прихода русских, является обилие заброшенных пашен, о которых в своих сказках согласно доносят русские современники. Множество таких высказываний мы находим у самого Огородникова.

2) В 1653 и 1655 гг. китайское правительство (к этому времени в Китае уже укрепилась «Маньчжурская» династия) стало проводить планомерное насильственное выселение в верховья Сунгари дауров и дочеров, ставших двоеданниками. Многочисленные указания на это находим опять-таки у самого Огородникова.²

3) Русские на протяжении короткого времени своего пребывания на Амуре принимали энергичные меры для заселения края «пашенными людьми» и успели добиться в этом отношении многого, особенно в период так называемого «воровского Албазина».

4) Край оказался действительно пустынным и заброшенным именно после ухода русских.

Таким образом мы можем установить два массовых принудительных переселения коренного населения Даурии, произведённые

¹ «Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII веке» (Труды Дальневосточного университета, сер. III, № 4, Владивосток, 1927). Эта точка зрения проникла и в неспециальную литературу. Например, писатель М. Пришвин, которого географы высоко ценят за тонкость, наблюдательность и мастерство географических описаний, к сожалению, развивал эти же мысли противопоставляя разрушительный разбой казаков мирно-созидательному по-китайски кропотливому труду дауров (см. его очерки «Соболь» и «Гибель Даурии», помещённые в книге «Золотой Рог», Л., 1934).

² Назв. соч., стр. 15—17, 19. (Выдержка из дозорной росписи Милованова об окрестностях Айгуна: «Около города старых пашен гораздо меньше, а ниже города... луговых старых пашен бесчисленно много»). Милованов прямо указывает об этих брошенных пашнях: «А всё пахали даурские люди, сведены они с тех мест» [Богдоханом].

³ Назв. соч., стр. 49—51.

⁴ С. В. Бахрушин. Казаки на Амуре, Л., 1925.

русскими китайско-маньчжурскими властителями: первое в начале XVII в. (до прихода русских), второе в середине его (во время пребывания русских на Амуре). Второе переселение было облегчено для китайских чиновников тем, что казаки и русские наёмники испугали местное население своими поборами, но рабством не эти поборы были причиной переселения.

Обезлюдение Амурского края в свою очередь вызвало новые местные миграции—редкое заселение его тунгусскими племенами с севера и распространение вверх по реке нижнеамурских аборигенов—бурят.

Общая оценка влияния прихода русских на туземные миграции. Мы видели, что на востоке Сибири с проникновением русских и дальнейшей колонизацией совпали довольно значительные миграции коренных народов, центральное место среди которых заняло огромное территориальное распространение якутов. В противоположность этому в других районах Сибири приход русских приостановил и в общем приостановил те миграционные процессы, которые были уже «на ходу». Став «ясашными людьми» туземцы оказались ограниченными в своих возможностях свободного передвижения, как бы закреплялись в особое ясажное тягло в своих «волостях» или «улусах». Ярко наметившиеся к моменту прихода русских крупные миграции, бурят—на запад и западно-сибирских татар—на север, были приостановлены в ходе вооружённой борьбы с русскими. Буряты были остановлены в своём распространении в бассейне Ангары и отброшены от Енисея, а татары, после разгрома Кучумова царства, частью оттеснены к югу, где русские отгородились от них кордоном казачьих укреплений, частью осели в волостях «Тобольского разряда», как ясажные люди. Социально-культурное влияние татар на хантов, манси и венгров, ускорявшее разложение у них родового строя и зарождение феодализма, было оборвано. Здесь начался затянувшийся на три столетия период жестокого кризиса туземной экономики, которая испытывала одновременно тяжёлое бремя возрастающего дача (а позже—эксплуатации местным и русским кулачеством и торговцами путём грабительской торговли и кабального кредита) и последствия значительного сокращения площади охотничьих и рыболовных угодий и истощения их фаунистических богатств.

В противоположность якутам туземцы северо-западной Сибири почти не приобщились к новым, «русским», формам хозяйства. Русское правительство в интересах поддержания ясажного дела и выполнения разных повинностей, — например, очень тяжёлой

¹ С уходом в Маньчжурию даурского населения на Амур стали постепенно спускаться с гор различные тунгусские племена и роды, которые, живя в малолесную равнину, начинали заменять своих оленей лошадьми, как же, по примеру монголов, приспособляться к скотоводству... С другой стороны, на покинутые дочерами места по Амуре и Уссури начали исподволь переходить нижнеамурские гольды, распространяясь своими поселениями вверх по течению обеих рек. Таким образом, среди туземцев Амурского края во второй половине XVII в. произошёл целый ряд переселений» (Огородников, назв. соч., стр. 51).

подводной,—временами препятствовало развитию местного земледелия.¹ Даже в области своей руссификаторской политики оно проявляло много колебаний, например, в вопросе введения христианства, поскольку последнее рассматривалось как основание для льгот по платежу ясака.²

В условиях затяжного кризиса своей экономики при стабильности или даже сокращении населения деградировавшие туземные племена северо-западной и средне-северной Сибири не имели достаточных внутренних сил и стимулов для освоения новых территорий и пассивно подчинялись «на месте» усиливавшемуся экономическому гнѣту.

Кроме того, Западная Сибирь настолько быстро,—по масштабам того времени,—наполнялась русскими переселенцами, что правительство не испытывало тут необходимости использовать туземцев в хозяйстве иначе, как для получения ясака. Этим и должно быть объяснено коренное различие в судьбах туземцев Западной Сибири и Якутии.

Распространение русской власти закрепило в основном дислокацию туземного населения Сибири (кроме её северо-востока). Лишь в небольшой степени приход русских обусловил незначительные и, как правило, временные миграции той части туземцев, которые привлекались в качестве вспомогательных сил, в виде «служилых инородцев», «вожей» и так далее при проводывании новых земель, при покорении и объясачивании коренного населения. Так исторические документы отмечают лишь несколько случаев участия остяков в походах «в тунгусы». К участию в таких походах привлекалась туземная знать со своими дружинами и часть родовых ясашных людей по нарядам. После окончания кампании, продолжавшейся иногда несколько лет, большинство туземных участников обычно отпускалось домой и только в единичных случаях они задерживались в новоустроенных острожках. Одним из немногих примеров поселения на постоянное жительство в новых местах «инородцев», «повѣрстанных в службу», может служить перевод части тунгусов, зачисленных в казаки, в Забайкалье для охраны границ с Китаем. Перевод этот происходил с начала XVIII в. Тунгусы-казаки в большинстве настолько обурятались, что многие позднейшие исследователи смешивали их с бурятами. В XIX в. они были расселены в 12 станицах Акинского округа. Численность их потомства в 1897 г. составляла более 3 тыс. чел.³ Другим примером является уже упоминавшееся поселение якутов вдоль Охотского тракта, но хозяйственное значение этого поселения было уже иным, и поселенных по тракту для ямской

¹ А. А. Храпаль. Сельское хозяйство Азиатского Севера, М.-Л. 1940. Автор этой работы в исторической справке связывает те слабые попытки развития земледелия, которые имели место до Октябрьской революции на Обском и Енисейском Севере, исключительно с пришлым русским населением.

² П. Будицкий. Крещение остяков и вогулов.

³ С. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, т. 1, СПб, 1912, стр. 94.

службы якутов по существу трудно назвать «служилыми инородцами» в собственном смысле.¹

Миграции туземного населения, численно малозначительные, не создавали, как правило, никаких новых культурных ландшафтов. Занимаясь охотой и рыболовством, разводя оленей, сибирский туземец пассивно приспосаблился к природе своей хозяйством, к тому же осуществляемое в скромных, соответствующих малой численности самих туземцев масштабах. Миграции, которые мы вкратце проследили в этой главе, не приводили к сколько-нибудь заметной трансформации ландшафтов—такой, которую можно было бы поставить рядом с распашкой русскими переселенцами земель, с врубанием их в тайгу. Кое-где росла, быть может, площадь гарей, вызванных передвижкой групп полуседлых охотников; истощались ресурсы «ясашных» видов пушных животных. Но, пожалуй, и все последствия этих миграций.

Исключение составляет, возможно, лишь влияние на географическую среду, оказанное расширением ареала обитания якутов, означенном ими значительных новых пастбищно-луговых угодий, частичный переход их к земледелию. Некоторые исследователи указывают, что сама площадь кормовых угодий, составлявших основу якутского скотоводства, создавалась в значительной степени искусственно расселявшимся якутским населением. «При исследовании луговых площадей довольно легко выясняется, что значительная их часть является весьма молодой и возникла на месте прежних сплошных лесов... Главным виновником этой смены ландшафтов являются пожары, пускаемые якутами, вероятно, с определенной целью—вызвать эту смену... Палы пускаются всегда ранней весной, когда с открытых мест снег уже сошел и старая трава обсохла, а леса ещё полны снега и воды. При таких условиях на открытых площадях выгорает старая трава и мелкий кустарник, а лесные насаждения повреждаются только на обсохших опушках, которые, в силу этого, постепенно и отступают, уступая место более жизненным, при подобном вмешательстве человека, луговым ландшафтам».² Автор этой характеристики, советский геоботаник Р. И. Аболин, считает, что начало активной трансформации ландшафтов Лено-Вилуйской равнины путём расширения кормовых угодий идёт со второй половины XVII в., то есть как раз с того времени, когда происходило широкое расселение якутов. «Большая часть луговых площадей

¹ Отметим также прямое влияние проникновения русских на расселение инородцев, которые оказывали русским в их походах значительную помощь, выступали для них оленей, выступали «вожами» и у Стадухины, и у Моторы, и у Атласова. Передвижка юкагиров в низовья Анадыря была связана отчасти с тем, что их собственные промысловые угодья были захвачены русскими, отчасти с тем, что русские занимали угодья чукчей и отдавали их инородцам, оленей которых служили для Анадырска в начале XVIII века основным ресурсом продовольствия (И. С. Вдовин, назв. соч., стр. 258—259).

² Р. И. Аболин. Геоботаническое и почвенное описание Лено-Вилуйской равнины. Труды Комиссии по изуч. Якутской АССР, т. X, вып. 265. Л., 1929.

района никак не может считаться имеющей более значительный возраст, чем каких-нибудь полтора-два столетия».

Ю. Г. Саушкин высказал предположение, что трансформация природной среды Якутии в результате хозяйственной деятельности облегчалась тем, что тенденции к подобной трансформации были в ней налицо и независимо от человека. «Стоило человеку подтолкнуть некоторые естественные процессы на территории Лено-Вилуйской равнины, как они пошли необычайно быстро, создавая необходимые для скотоводов кормовые угодия». ¹ Он указывает, в частности, на быстрое увеличение числа и площади аласов, образуемых в результате оттаивания вечной мерзлоты, составляющих характерную черту современного ландшафта центральной Якутии. «Сильные палы, раскорчёвка лесных вырубок, создание больших, открытых солнечным лучам, пространств сельскохозяйственных угодий вызывали ещё большее развитие процессов «термо-карста» в вечной мерзлоте и образование бесчисленного множества аласов — замкнутых котловин, часто с озерами в центре. ...Обращает на себя внимание обилие озер в среднем и нижнем течении реки Вилюя, т. е. в районе наиболее древнего (? В. П.) якутского заселения». ² Здесь Ю. Г. Саушкин, по нашему мнению, стремясь подчинить анализ природной среды Якутии предвзятой схеме, впадает в значительное преувеличение. Как показывают многие специальные исследования, якутские «аласы... несомненно имеют древнее происхождение и образовались в период потепления после последнего оледенения». ³ Озёрный режим аласов много сложнее, чем думает Ю. Г. Саушкин; анализ обводнённости ряда аласных озёр (например, оз. Мюрю, отдельные наблюдения по которому имеются с конца XVII в.) показывает, что в них происходит периодическая смена усыхания и пополнения водой, которую вряд ли можно рассматривать как результат деятельности человека. Тем не менее образование новых аласов, имеющее место и сейчас, косвенно можно связывать с деятельностью человека (влияние лесных пожаров). Якуты-скотоводы спускали аласные озёра, с целью увеличения площади сенокосных угодий. С начала XIX века мы имеем точные сведения о десятках случаев таких спусков (например, искусственная ликвидация бывшего озера Нюрба на Вилюе), но, несомненно, спуски эти производились и раньше. ⁴ Искусственный спуск аласного озера как бы ускорял цикл естественной жизни аласа.

Вследствие взаимосвязанности всех элементов ландшафта, развитие луговых растительных формаций вызывало также изменение почв. Почвы обогащались гумусом; одновременно, как отмечают многие исследователи, в них развивалась засоленность, особенно в пределах замкнутых аласных понижений.

¹ Ю. Г. Саушкин, назв. соч., стр. 35, 38.

² Там же, стр. 35.

³ А. Д. Егоров. Воды и озёра якутских аласов. Якутск, 1942 стр. 31.

⁴ А. Д. Егоров, назв. соч., стр. 9.

Таким образом и почвы тех районов Якутии, которые были богаты населением, мы вправе рассматривать отчасти как результат трансформации её ландшафтов, связанной с миграционным распространением якутского населения.

Рассмотрев важнейшие из географических сдвигов туземного населения начиная с XVII века, мы должны признать за ними с точки зрения формирования географии края второстепенное значение. Сами эти сдвиги были и численно и по территориальному размаху невелики и могли лишь косвенно влиять на географическую среду. До некоторой степени исключением является лишь расселение якутов. Вместе с тем ряд передвижек определялся проникновением в Сибирь русского населения. Подчинённая роль туземных миграций заставляет рассматривать их, начиная с XVII века, непременно в связи с русской колонизацией, которая приводит к существенному изменению самого социально-хозяйственного строя сибирских народностей.

Изменения эти шли в направлении ускорения разложения в одних случаях патриархально-родового, в других — феодального уклада. Крепостнический характер установления русского господства приводил к превращению всего туземного населения в «ясашное», несшее многообразное тягло государственных повинностей, обычно отяжелённых также незаконными поборами местных воевод, приказных, беззастенчивых казачьих атаманов. «Ясашная участь» всего туземного населения, с одной стороны, нивелировала его различия, с другой, — зачастую усиливала роль туземной феодальной верхушки, заключавшей с царской властью и её местными представителями сделку за счёт простого народа. Развитие в Сибири товарных отношений способствовало тому, что многие тоёны и тайши, особенно среди более развитых в то время народностей, например бурят и якутов, делались богачами и основывали теперь своё влияние на сородичей уже и на непосредственном экономическом превосходстве.

Туземное хозяйство испытывало значительную ломку, которая подчас ощущалась коренным населением как очень болезненный процесс. Русские принесли с собой более совершенные орудия и производственные приёмы, но перестройка туземного хозяйства на основе заимствования у русских этих орудий и приёмов шла в антагонистических формах и не всюду и не сразу дала свои положительные результаты.

Общий размах географических сдвигов в расселении коренных народностей Сибири почти повсюду сократился. Русская власть была, во-первых, заинтересована в закреплении «ясашных людей» на определённых территориях, во-вторых, стремилась замирить часто враждовавшие ранее между собой племена, войны между которыми являлись средством вытеснения одних другими.

С приходом русских у коренных народностей Сибири сохранились по преимуществу внутренние незначительные сезонные миграции в пределах ареалов их обитания. Эти миграции были связаны с особенностями полукочевого охотничьего и скотоводческого хозяйства. Но и их амплитуда постепенно заметно уменьшается.

В этом отношении период проникновения и закрепления в Сибири русских существенно отличен от предыдущего периода, когда происходили весьма обширные миграции. Высшей формой их были межплеменные войны на территории хозяйственных (охотничьих, пастбищных и т. п.) угодий, а внутренние причины зависели главным образом от происходивших довольно медленно, но имевших громадное значение, процессов изменений в самой производственной жизни (переход отдельных народностей от «пешей» к «олениной» культуре).

Глава IV. ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ В XVIII И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Общая обстановка. Миграции, связанные с осуществлением первоначального накопления, обычно, после периода стремительного движения, имеют некоторый спад. Стимулы движения, которые раньше питались открытиями, захватами, стремительным обогащением, как бы угасают. Такой спад можно до известной степени отметить и в Сибири с того момента, когда она была «повернуто» пройдена русскими землепроходцами, когда были сняты первые «сливки».

Для этого были и причины, лежащие «вне» Сибири. Коренные области России, по мере окостенения крепостнического государства в его развитых бюрократических формах, давали меньше «лишних» переселенцев. Сопротивление степняков на юге Европейской России было сломлено, и открывшиеся в XVIII веке для заселения чернозёмные южные земли Новороссии и Приволжья оттянули немногочисленные переселенческие контингенты, которые ещё могли складываться в крепостной России.

Сам способ производства, сложившийся в Сибири к XVIII веку, был основан на использовании лишь малой, наиболее «экономичной» части природных богатств и в сущности ещё не требовал для своего осуществления особо многочисленных «кадров». Важную роль в спаде движения в Сибирь сыграло, разумеется, и то, что в эксплуатации её ресурсов господство захватили торговые монополии, ограничившие предпринимательский интерес в Сибири. «Восемнадцатый век в истории Сибири есть век крупной торговых промышленных компаний», — пишет С. В. Бахрушин. Начиная с 40-х гг. до конца XVIII века он насчитал 40 монопольных компаний.¹ Знаменитые «династии» сибирских купцов и промышленников — Сибиряковых, Трапезниковых, Мыльниковых, наследников компании Шелехова и др. — складываются именно в это время.

Если в конце XVII в. (1699 г.) царский указ отмечает, что сибирским купцам «ни в каких сборах верить некому для того, что они люди скудные»,² то за XVIII век сибирское купечество выдало много богатейших «кумпанств», пользовавшихся моно-

¹ С. В. Бахрушин. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. Очерки по истории колонизации Севера и Сибири, вып. II, П., 1907, стр. 521.

² П. Головачёв. Сибирь в Екатерининской комиссии, М., 1889, стр. 21.

полно многими выгодными торговыми привилегиями. Характерен в частности «купеческий расцвет» Иркутска, ставшего, в силу географических удобств его положения для торговли с Китаем, северо-востоком Сибири и даже Аляской, важнейшей Сибири резиденцией крупного торгового капитала. Историю Иркутска Ф. А. Кудрявцев и Е. П. Силин относят расцвет иркутской торговли к 30—40-м гг. XVIII в.¹ Ряд монопольных компаний образовался специально для «китайского торгу» в Кяхте. Немало богатых купеческих домов организуют с 40-х гг. морские экспедиции к Алеутским островам; иногда в них принимают участие и их возглавляют лично выдающиеся представители сибирского купечества. Известны, например, важные географические открытия иркутского купца, высокообразованного для своего времени человека — «Колумба русского» — Г. И. Шелехова. Для представления о том, какими капиталами вращались купеческие монопольные компании того времени, назовём выходы иркутскими купцами с Камчатки и островов Тихого океана в 1775 г.: морских бобров 54,9 тыс., котиков 29,1 тыс., песцов 31,9 тыс. и много других мехов. Даже по камчатским ценам эта мягкая рухлядь стоила более 3,2 млн. руб. На пути в Кяхту, где была продана 1/7 этой пушнины, цена её увеличилась вдвое. Недаром местный поэт писал в 1801 г.:

Уж грузом полны корабли
Текут ко пристани российской,
Европы торг и торг азиатской
Иркутском, Кяхтою полны.²

Недавно Р. В. Макарова опубликовала составленную ею по архивным материалам сводку морских экспедиций на Алеутские и Курильские острова и северо-западный берег Америки в 1743—1799 гг. Число экспедиций составило 97; общая сумма промыслов всех этих экспедиций достигала почти 8 млн. руб.³

Подобно тому, как на пороге проникновения русских в Сибирь стала громадная монополия Строгановых, движение русских через Сибирь завершилось на другом конце её образованием ряда торгово-промысловых компаний (главным образом иркутских купцов — Голикова, Мыльников, Шелехова, «Северной», «Соединённой Американской»), действовавших уже на Алеутских островах и Аляске. В 1799 г. произошло слияние их в крупнейшую по тем временам монопольную компанию, по своим правам не уступавшую привилегиям Строгановых — Российско-Американскую.⁴

¹ Ф. А. Кудрявцев и Е. П. Силин. Иркутск. Очерки по истории города, Иркутск, 1947, стр. 64.

² Там же, стр. 49—50, 62.

³ Р. В. Макарова. Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII веке. Вопросы географии, сб. 17, М., 1950.

⁴ В. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества. СПб., 1823; С. В. Окуль. Российско-Американская компания, Л., 1939.

Несоответствие показателей роста оборотов торговли и показателей притока населения составляет характерную черту освоения, свойственную именно своеобразной экономике первоначального накопления.

Спад колонизационного движения в XVIII веке виден по цифрам численности населения Сибири. Численность русского населения Сибири определялась официальными источниками в таких величинах:¹

1700 г.	— 229,0 тыс. чел.
1737 г.	— 297,8 „ „
1763 г.	— 420,0 „ „
1796 г.	— 578,0 „ „
1815 г.	— 1101,0 „ „

До самого конца XVIII столетия общий прирост в сущности почти не выходит из норм, обычных для одного лишь естественного. Рост за 1709—1796 гг. (87 лет) составил всего 151%. Только с начала XIX века намечается ощутимый перелом.

При сравнительно небольшом общем росте населения, умеренным был и рост городов. Это понятно: экономическая жизнь их сводилась главным образом к торговле, шедшей к тому же в остальных, монопольных формах. Торговля отвлекала капиталы от промышленного употребления, а сама по себе не могла вызвать значительной концентрации населения. Даже такой крупный торговый город, как Иркутск, несмотря на то, что он играл и роль ведущего административного центра, рос очень медленно. В 1744 году его население составляло около 7 тыс. чел., к концу XVIII века — 10 тыс. чел., в 1823 г. — 15,6 тыс. чел., к 1836 г. оно только подходило к 20 тыс. чел., а ко времени реформы 1861 г. — к 26 тыс. чел.² Следующими за Иркутском по величине и значению городами являлись Тобольск, Томск и Тюмень. В Тобольске в 1825—1856 гг. население даже сократилось с 16,9 до 15,9 тыс., но в Томске и Тюмени не выходило за пределы естественного прироста населения (рост соответственно с 10,2 до 14,1 и с 7,7 до 10,3 тыс. чел.). Сравнительно быстро росли только молодые города, основанные на южных «линиях» или лежавшие в разви-

¹ Эти цифры, основанные на исчислениях Словцова, вошли в официальное издание «Азиатская Россия» (т. 1, стр. 81—86); их приводит и «Сибирская Энциклопедия» (т. III, стр. 686). Мы считаем их несколько заниженными, особенно для более ранних лет (срав., например, цифру для 1709 г. приведёнными на стр. 98 данными ведомости 1710 г. уже «очищенными» от «европейских» уездов Сибирских губ.). По исчислению Б. П. Вейсберга, население Сибирских губерний (включая и ясаших туземцев) составило в 1724 г. около 0,4 млн. чел., в 1780 г. — около 0,85 млн. чел. Сказание, однако, лишь подтверждает наше положение о затухании миграций в Сибирь в XVIII в., если исходная в приведённом ряду цифр численность населения была выше, то темп прироста был в действительности ещё более низким.

² Все цифры, кроме последней, — по Кудрявцеву и Силину (назв. соч., стр. 40, 96, 93); последняя — по Географо-статистическому словарю П. П. Семенова.

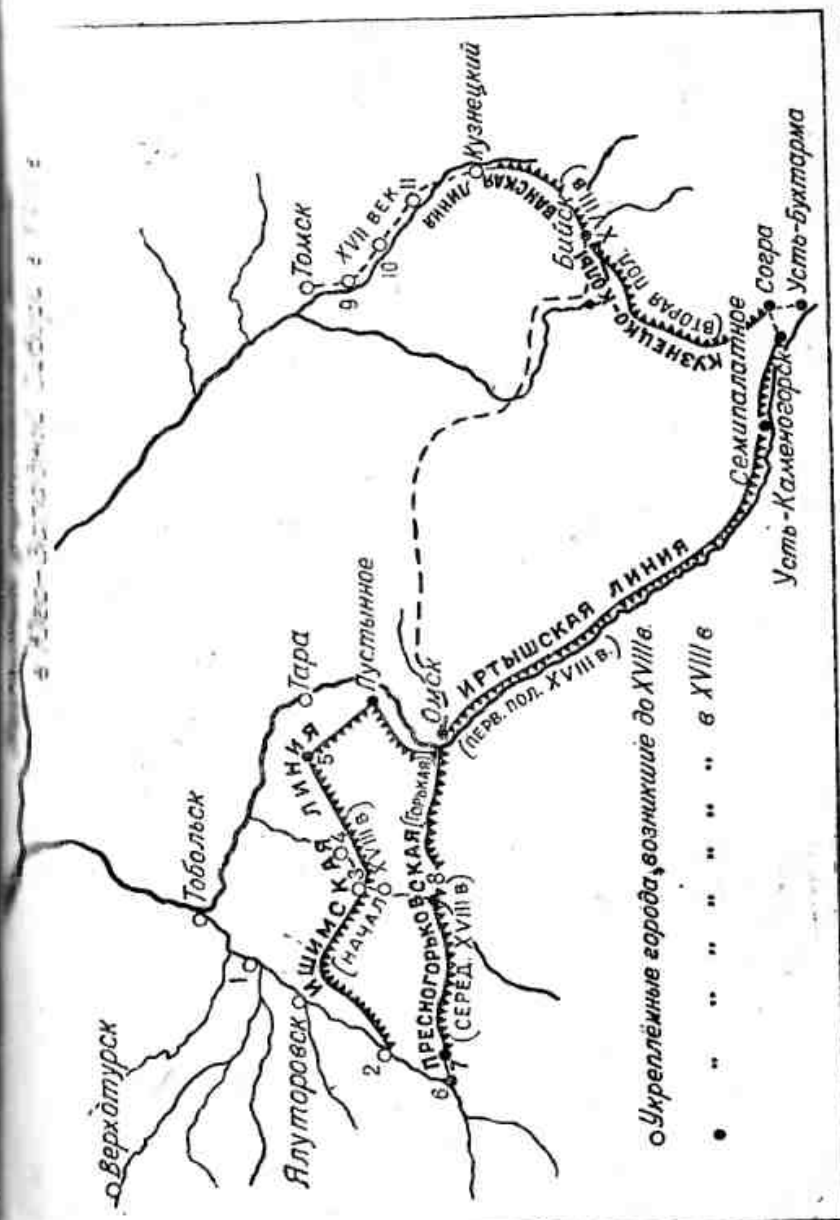
тых сельскохозяйственных районах Западной Сибири (Омск имевший к 1825 г. 9,1, а к 1858 г. 18,4 тыс. жит., Петропавловск, Курган, Барнаул). Замедленный рост городов виден из того, что за 1825—1856 гг. сельское население Томской и Тобольской губерний увеличилось больше (на 71%), чем городское (на 45%).

То обстоятельство, что торговля обуславливала сосредоточение в городах лишь незначительных масс населения (постоянно), отлично видно на примере Кяхты—города, роль которого в торговых оборотах Сибири была очень велика, но который совсем не имел других, кроме торговли, функций. Население Кяхты составляло в 1829 г. всего 326 чел., увеличившись к 1862 г. когда её обороты были уже многомиллионными, только до 594 чел.²

Направление колонизации. Миграции за Урал в XVII веке были связаны отчасти с продолжавшейся территориальной экспансией на юг: с одной стороны,— с присоединением северных казахстанских степей, продвижением по Иртышу и занятием Алтая; с другой стороны,— с продвижением вверх по Енисею и освоением Минусинского края. Основное значение имел первый из двух этих фронтов распространения русского населения и русской государственности. Успехи на нём явились отчасти предпосылкой, отчасти результатом принятия русского подданства северными казахами.

Выше (стр. 49—50) мы уже указывали на продолжение укрепленной линии по Иртышу от Омска до крепости Усть-Каменогорской, на соединение Иртышской линии с Кузнецкой, на дальнейшую передвижку алтайской цепочки укреплений на трассе Усть-Каменогорск—Бийск, на образование Пресногорьковской линии, спрямлявшей границу между Тоболом и Иртышом. К Пресногорьковской линии в XVIII веке с запада примкнула и Оренбургско-Уйская, созданная в порядке чисто военно-казачьей колонизации Оренбургского края. Принятие казахскими родами Северного Казахстана (Младшего, а затем и Среднего Жуана) русского подданства привело к тому, что к началу XIX века в составе Сибири, как её тогда понимали, сформировалась новая крупная административная единица—Степной край, центром которого стал Омск. Административно-военные цели побудили выдвинуть вглубь этого края несколько форпостов (Кокчетав и Каркаралинск—1824; Акмолинск—1830; Атбасар, Иргиз и Тургай—1845—1846 гг.), соединённых слабо укрепленными трактами. Однако сколько-нибудь значительное заселение, опиравшееся на эти пункты, относится уже к пореформенному времени.

Продвижение по Енисею в очень слабо заселённую котловину Минусинскую отмечено основанием в 1707 г. Минусинска,³ Абакана и нескольких других укрепленных поселений. Однако колонизация этой плодородной области двигалась

¹ Р. М. Кабо. Города Западной Сибири, М., 1949, стр. 153—156.

² П. П. Семёнов, назв. соч., т. II, стр. 896.

³ Городом «назначен» только в 1822 г.

Рис. 6. 1. Караульный ар. 2. Царь-город (Курган). 3. Коркинский (Ишик). 4. Абакой. 5. Зудиловский. 6. Звериноголовская. 7. Пресногорьковская. 8. Петропавловская. 9. Сосновский. 10. Верхне-Томский. 11. Мунгатский.

очень медленно¹, сказывалось то, что Минусинская котловина, изолированная с запада Кузнецким Алатау, с востока—северными отрогами Саян, являлась тупиковой по отношению к главным путям движения через Сибирь.

Продвижение русских заселений к югу от ранее освоенных пограничных линий было географически очень незначительным (кроме алтайско-иртышского выступа), но эти выдвинувшиеся заселения—форпосты отодвигали зону возможных столкновений с кочевниками на южную границу лесостепи и делали всю полосу лесостепных земель сравнительно безопасной для крестьянской колонизации. Хотя на протяжении XVIII и даже начала XIX века эта колонизация шла ещё очень слабо, всё же центр тяжести всего миграционного движения в Сибирь (особенно на западном участке, до Красноярска) заметно смещается к югу. Если для XVII века общее направление колонизации можно было бы определить условной «средней» линией Тюмень—Тобольск—Сургут—Нарым—Енисейск—Западное Прибайкалье и далее по двум направлениям: на Якутск и в Забайкалье, то в XVIII и в начале XIX века линию эту надо было бы провести приблизительно через Курган—Омск—Ачинск—Красноярск. Таким образом, всё Васюганье оказалось к северу от этой «средней оси» и возникли предпосылки к заселению Барабинской степи.

Данными таблицы 6, основанными на официальной статистике, можно проиллюстрировать общие сдвиги населения за период с конца XVIII в. по 1851 г.²

Таблица 6

Р а й о н ы	Население в тыс. чел.		То же в %/100	
	конец XVIII в. (без городов)	1851 г.	конец XVIII в.	1851 г.
Северные округа Зап. Сибири . . .	30,8	21,6	5,0	1,0
Западные округа раннего заселения	218,6	291,5	35,8	22,4
Юго-зап. округа позднейшего заселения	214,9	521,2	35,1	40,0
Остальные (вост. и юго-вост.) округа	147,9	469,5	24,1	30,0
Всего . . .	612,2	1303,8	100,0	100,0

Примерно такой же характер имело и перераспределение населения городов. Р. М. Кабо детально проследил изменения

¹ Ещё в середине XIX века в Минусинском округе при площади около 120 тыс. км² жило всего 86,7 тыс. душ, в том числе 26,5 тыс. душ туземцев, в основном сохранивших ещё кочевой быт. Среди русского населения свыше 5 тыс. душ составляли казаки—потомки первоначальных гарнизонов укрепленных поселений.

² Р. М. Кабо. Города Западной Сибири, М., 1949, стр. 111 и 113.

изменения городов Западной Сибири за 1825—1858 гг. в связи с изменением их географической роли и хозяйственного окружения. Пользуясь собранными им сопоставимыми данными, мы составили следующую достаточно выразительную сводку:

Быстро (выросли в 2 раза)	Петропавловск (287%) Курган (258%) Омск (202%)	} «Молодые» города в лесостепи и на южной степной окраине
Были заметно (выросли в 1,0—2,0 раза)	Ишим (190%) Каинск (180%) Тюкалинск (163%)	
Были слабо (до 1,6 раз, в основном почти в пределах естественного прироста)	Берёзов (154%) Ялуторовск (151%) Туринск (148%) Томск (138%) Тюмень (133%) Енисейск (122%)	} Старые города средней и отчасти северной полосы
Почти не росли	Тара (107%) Нарым (102%)	
Потеряли население	Тобольск (94%) Кузнецк (76%)	} Старые города, утратившие свои военно-административные функции и не имеющие сильного с. х. окружения.

Заселение трактов. Характерным географическим последствием сдвига населения к югу явилось падение роли в широтных линиях рек и волоков и упадок многих старых острожков, выросших раньше на этих путях. Значение сухопутных трактов, наоборот, усилилось. Тракты эти складывались теперь в более южной зоне, более удобной и по ландшафтно-географическим условиям для прокладки колёсных дорог, чем таёжно-урманские пространства. По гладкой как стол Ишимской и Барабинской степи можно было легко наезживать тракт, не встречая никаких препятствий, кроме многочисленных озёр-блюдеч; даже крупные реки, требовавшие переправ, были здесь редки. Усиление роли сухопутных трактов, начатое ещё проведением на «въезде» в Сибирь Барабинской дороги взамен более северных волоков, завершилось созданием и заселением сквозного Великого Сибирского тракта.

В XVII веке тракт этот, шедший в направлении: Тюмень—Тобольск—Тара—Каинск—Чаусский острог¹—Томск—Ачинск—Красноярск, на западе дополнился участками Шадринск—Ялуторовск—Ишим—Тюкалинск—Омск и Курган—Петропавловск—

¹ Основан в 1713 г. на Оби, несколько к северу от нынешнего Новосибирска; в 1822 г. переименован в г. Колывань. Тогда же была сделана попытка превратить его даже в губернский город Томской губернии, но в том здании Колывань пробыл лишь год. См. Географическо-статистический словарь, т. II, СПб., 1863, стр. 698.

Омск с выходом далее на главный тракт западнее Каинска. Заселение трактов специальными ямскими поселениями для обеспечения регулярной «гоньбы»¹ целиком относится к XVIII веку: участок Тобольск—Тара был заселён в 1744—1745 гг., отрезок между Тарой и Чаусским острогом в 1762—1780 гг., от последнего до Томска—ещё к 1761 г., между Ишимом и Омском к 1762 г. Заселение продолжения тракта восточнее Томска (до Нерчинска) следует отнести в основном к 1780 г.² Кадры для заселения вербовались как из числа вновь переводимых в Сибирь государственных крестьян и крестьян помещиков, попадавших сюда в порядке зачёта рекрутской повинности (см. ниже), так и из числа населения, ранее осевшего вдоль уже заселённых участков тракта. Правительство по мере надобности переводило ямщиков на новые участки, осуществляя таким образом «полаучную миграцию» вдоль всей многотысячекилометровой ниточки тракта.

История заселения тракта была очень детально исследована А. Д. Григорьевым в связи с изучением сибирских говоров.³ Этот автор привлекает, в частности, путевые записки Гмелина, Палласа, Фалька, Маргоса и других путешественников XVIII и XIX веков, характеризующие степень заселённости тракта и условия гоньбы по тракту в разные моменты. Заселение шло в общем с запада причём сам тракт, как уже сказано, смещался (особенно в его западной половине) к югу. Уже в XVII веке регулярная ямская гоньба была установлена на первом с запада отрезке—от Тюмени до Тобольска. Напомним, что и путь в Тюмень шёл частью по колёсной «Бабиновской» дороге от Соликамска, частью водной, существовавшая с начала XVIII века «запасная» дорога через Кунгур—Екатеринбург выводила также в Тюмень. В начале XVIII века оформился сухопутный тракт Тобольск—Тара, довольно сильно отклонявшийся от Иртыша. Он проходил через с. Голопутовское и «Викулову слободу» на Ишиме. В 1763 г. этот участок сухопутного тракта сместился ещё более на юго-запад от Голопутовского тракт был проведён лесостепью на Абацкую и Тюкалинск, далее пересекал Иртыш у старого села Серебрян-

¹ Если эти участки и имели уже «анородческое» население, правительство обычно стремилось заменить его русским, так как «татарская гоньба» считалась ненадежной.

² Россия, т. XVI; Н. М. Ядринцев. «Сибирь как колония» Р. М. Кабо, назв. соч., стр. 142—145.

³ А. Д. Григорьев. Устройство и заселение Московского тракта в Сибирь с точки зрения изучения русских говоров. Известия Института исследования Сибири, № 6. Труды Историко-этнографического отдела, № 1 (1929). Нам интересно отметить, что этот автор подтверждает наш тезис об «обширных» источниках колонизации Сибири (см. стр. 74), оспаривая и на основании чисто-диалектологического материала положение, будто «русское население Сибири сплошь говорит по-северно-великорусски, то есть окоеет. На самом деле оказалось, что добрая половина населения Сибири происходит из «окающих» губерний Европейской России» (стр. 1). Но вместе с тем диалектологический материал показывает, что в наиболее рано заселившихся местностях всё же преобладают северные «окающие» говоры. Это отражает ведущую роль Севера на первых этапах русских миграций в Сибирь.

и выходил затем прямо на среднее течение Оми (к сёлам Еланскому и Тонтурскому, современному Вознесенскому), оставаясь повсе в стороне Тару.¹ Дальнейшее смещение тракта к юго-западу произошло формально лишь в 1825 г.², когда почтовая гоньба была организована от Тюмени через Ялуторовск, Ишим (то есть в обход Тобольска), Абацкую, Тюкалинск, Омск (ставший к 30-м годам административным центром «Степного края») и далее по Оми на Еланское.³

Наиболее ярким эпизодом заселения Сибирского тракта является устройство отрезка между Иртышом и Обью. Заселение Барабинки, имевшее первоначальной целью именно устройство правильного сообщения, позволило заменить прежние очень трудно проезжие верховые тропы через урманы между Тарой и Томском. Заселение это было произведено за сравнительно короткий срок (пятидесятые—шестидесятые годы XVIII века), причём проводивший его известный сибирский генерал-губернатор Ичеринов «сразу» переселил сюда более 1,5 тыс. ямщиков с утратившей в это время своё значение боковой ветви Сибирского тракта от Тобольска до Самарова. В следующее десятилетие к первоначальным заселениям на Барабинском участке тракта было приселено также много крестьян из России. Тракт прошёл по Оми (через Еланское и Тонтурское) на Каинск и далее на Чаусский острог (г. Колывань), выше которого пересекал Обь, и выходил в долину Томи несколько выше Томска.

Между Томском и Красноярском сухопутная дорога к началу XVIII века была представлена лишь верховой тропой; но в 60-х гг. здесь был устроен правильный тракт (Паллас смог проехать по нему от Красноярска до Томска за 4 суток). Тракт прошёл через село Кийское (ныне г. Марининск) и Ачинск несколько севернее верховой тропы. На большей части его протяжения местность была пригодна только одновременно с его прокладкой.

Для представления о том, когда произошло переключение «веродольных» связей через Западную Сибирь с водных путей на сухопутный тракт, можно отметить, что в 1741 году громоздкие грузы экспедиции Беринга шли ещё «по старинке» водой (по Иртышу, Оби, через Маковский волок и т. д.), в то время как сам Беринг налегке ехал уже много южнее по новому сухопутному тракту.

На отрезке Красноярск—Иркутск тракт сложился также к середине XVIII века. Восточнее Каинска он прошёл значительно южнее, чем старая зимняя дорога, выводившая к Балаганску и достигавшая Иркутска по правому берегу Ангары.

¹ Это сокращало тракт на 150 вёрст и позволяло обойти ряд болотистых мест к северу от Тары (А. Д. Григорьев, назв. соч., стр. 28).

² Впрочем, на отдельных участках почтовая гоньба по этому более удобному направлению существовала ещё раньше (например, между Тоболом и Ишимом); об этом мы узнаём из записей Гмелина от 1741 г.

³ Дальнейшее незначительное передвижение тракта к югу (между Омском и Еланской) в порядке спрямления и обхода урманно-болотистых участков произошло уже в 1840 г.

Схема связи «продольных» транспортных связей Сибири

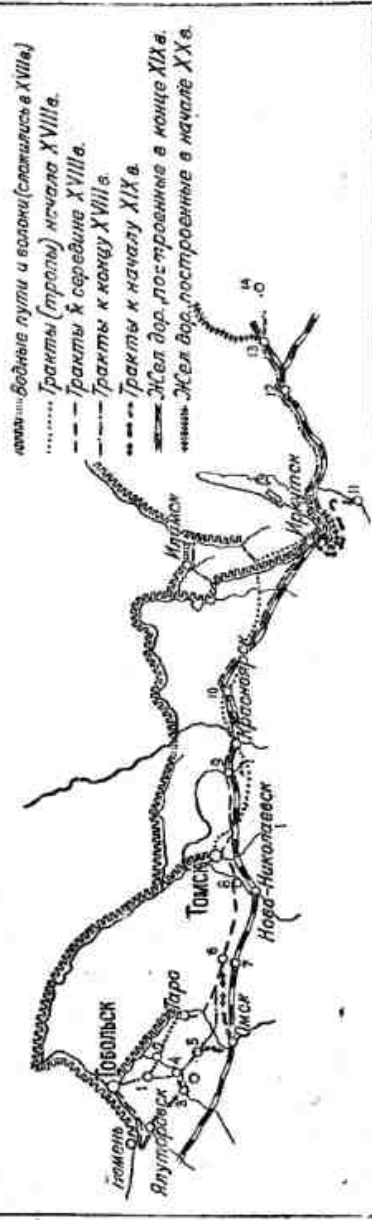

Рис. 7. 1. Гололутовское, 2. Викулова слобода, 3. Ишим, 4. Абакское, 5. Токталыкск, 6. Кайск, 7. Барабинск, 8. Чаусский острог (Колывань), 9. Ачинск, 10. Канск, 11. Кяхта, 12. Чита, 13. Нерчинск, 14. Нерчинский завод

От Иркутска пути разветвлялись: на Лену попадали попережнему полоками (через Илим—Усть-Кут или через верховья Тоны), в Забайкалье через «море» («Кругоморской», то есть Кругобайкальский, тракт стал складываться только к началу XIX века).¹

В Забайкалье создание трактов было ускорено развитием якутской торговли. Сухопутный тракт на Кяхту окончательно сложился в 1797—1803 гг. Почвенные условия Забайкалья были благоприятны для устройства сухопутных дорог (там, где не было крутых сопок); однако слабая заселенность Забайкалья затрудняла «гоньбу» по трактам, заставляла купцов весь XVIII век сбиваться в караваны. Правительство было озабочено неудобством связи с Кяхтой, проистекавшим от слабой заселенности Забайкалья, и пыталось искусственно направить туда дополнительные переселенческие контингенты.

К середине XVIII века следует отнести устройство правильного сообщения и на участке Верхнеудинск—Чита—Нерчинск с оживлением на Аргунские (Нерчинские) заводы.

На северо-востоке Сибири трактов в настоящем смысле слова не было. Летом попережнему роль транспортных путей играли реки, зимой они же служили для ямской гоньбы по льду. Достаточно вспомнить замечательное описание пути от Охотского моря до Иркутска, данное уже в середине XIX века И. А. Гончаровым в заключительных главах «Фрегат Паллада», чтобы представить себе, каким был этот путь за столетие или полвека перед этим. Однако даже примитивные пути сообщения Якутии играли большую роль в определении географического костяка русского заселения. В XVIII веке вдоль Лены до Якутска для обеспечения зимнего движения были поселены крестьяне—«государевы ямщики». (Летом связь по Лене шла на лодках и карбазах.) Цепочка этих заселений явилась вместе с тем как бы осью продвижения в Якутию земледелия. Создание Охотского тракта (а затем и дороги на Аян) вызвало усиленное (по масштабам Якутии) заселение русским и якутским населением участков вдоль этих путей.

Устройство регулярно действующего, хорошо наезженного тракта в Западной и Средней Сибири вызывало значительный приток населения для обслуживания его. Хозяйственный быт тракта держался в большой степени даже не на земледелии, а на почтовой гоньбе, извозе, дворничестве и т. д. Складывались специфические формы трактового быта. Ямщики составляли часто компании «вольных дружков», образовавших знаменитые «вербючки», по которым проезжающий «передавался», минуя

¹ Переправа через Байкал была сопряжена с большими опасностями. До 1766 года на этом озере-море не было вовсе морских судов, и от истоков Ангара в устье Селенги приходилось переправляться на обыкновенных речных лодочниках, иногда подолгу выжидая тихой погоды. Поэтому подчас всё же пользовались вьючной тропой в обход Байкала (на Тунгинский острог и Култукское зимовье). (См. Е. П. Снляин, Кяхта в XVIII в., Иркутск, 1947, стр. 177).

	1808 г.	1817 г.
Половине сёл, стоявших по тракту (крестьяне и ямщики)	35,6%	38,4%
Против группы населения (из них часть мещан и женщин тоже жила на тракте)	64,4%	61,6%
Всего	100,0%	100,0%

Уже к 30-м гг. XVII в., когда тракт только начинал оформляться, в Сибири числилось 6,7 тыс. специально поселённых ямщиков;¹ вероятно, вся численность населения, основные занятия которого были связаны с обслуживанием тракта, составляла в этот момент цифру, близкую к 100 тыс. человек.

Для Восточной Сибири мы уже отмечали заселение зимнего зимового тракта вдоль Лены — от Витима до Якутска (1773—1788 гг.); «тракт» (по существу вьючная тропа) от Якутска до Иркутска был заселён, в значительной части не русскими, а якутами, ещё раньше. Даже пути на Верхоянск и Колыму сыграли некоторую роль в возникновении новых населённых пунктов, хотя и незначительных. Вдоль даже тех троп, которыми пользовались эпизодически, возникали «поварни» — временные приставы; некоторые из них превращались в зимовья.

Рост и изменение характера торговли. Развитие сухопутного транспорта в Сибири (и особенно в её южной части) следует связать с заметным ростом торговли.

Увеличение вывоза товаров из Сибири во второй половине XVIII и первой половине XIX века хорошо видно на примере расцвета Ирбитской ярмарки, заменившей к этому времени Верхотурье, как географический пункт, через который в Европейскую Россию проходили сибирские товары. Скромная слобода на р. Нице, основанная ещё в 1633 г., стала приобретать роль главного пункта обмена товарами между Сибирью и Россией, выдвинувшись среди многих ярмарок и торжков Западной Сибири.² Уже в 70-х гг. XVIII в. в Ирбите числилось 203 лавки. Рост прихода товаров на Ирбитскую ярмарку виден из следующих цифр:

В 1804 г. привезено на 3,6 млн. руб.
„ 1829 г. „ „ 10,9 „ „
„ 1849 г. „ „ 32,6 „ „
„ 1861 г. „ „ 49,3 „ „

¹ С. В. Бахрушин. Очерк заселения Сибири до половины XIX в. Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. II, П., 1922 г.

² К середине XIX в. в Тобольской губернии насчитывалось 165 ярмарок; большинство из них (146), однако, являлось местными, сельскими центрами торговли (Р. М. Кабо, назв. соч., стр. 126).

официальные ямы. Практиковалась и езда «половинками», то есть с остановками в интервалах между ямами, для удешевления ночлегов. Сложными, но отлично разработанными были неписанные законы, регулировавшие отношения между крупными фирмами «доставщиков» товаров, подрядчиками и эксплуатируемыми ими рядовыми извозчиками — «связочниками» и т. д. Своеобразие быта тракта до постройки железной дороги отмечается и во многих монографиях по отдельным районам Сибири, принадлежащих местным авторам, и во всех описаниях путешественников. Вот пейзаж и жанр Барабы в одном из таких описаний: «Длинные обозы с мешками чаю; всегда распущенные, не связанные возы; лошади вразбродку по всем местам, где только можно проехать встречному. Валит в снег ваши сани, вашу тройку, летит ямщик ваш, летите в сугроб вы сами; перебраниваются извозчики с ямщиками, и всё одно и тоже по несколько раз в день. И опять «станок», и опять вы в чистенькой тёплой набойке дружка ямщика вашего». ¹ Г. Н. Потанин писал: «Время, когда «бегут» возки, самое бойкое... Народ топчется на улице; колокольчики то замирают, то снова начинают греметь; одни возки отъезжают, другие приближаются к деревне, третьи стоят на улице подле избы, в которую купцы вошли закусить и выпить чаю. Ночью шум продолжается, как и днём». ² Каинские и тюменские ямщики славились на всю Сибирь. На участке в 900 вёрст только под перевозку кяхтинских товаров в первой половине XIX века обычно было занято до 35 тысяч лошадей. ³ Особое значение «трактовых занятий» в жизни населения отмечал ещё буквально накануне постройки Сибирской ж. д. А. А. Кауфман: «Влияние тракта на склад жизни притрактового населения чрезвычайно сильно. Принадлежит ли селение по своему местоположению к Чулымскому или Томскому району, занимает ли его население земледелием или извлекает доход на своей близости к Томску — раз селение находится на Сибирском тракте, значение этих источников благосостояния во всяком случае меркнет перед значением «большой дороги». «Не пашни нас кормит, а большая дорога, — мы с бичика живём», — говорит трактовый мужик». ⁴

Как важен был тракт для заселения Сибири можно судить по тому, какая часть населения оказалась расселённой вдоль него. Таблица 7 даёт цифры для начала XIX века по Томской губернии в её тогдашних границах (то есть с включением Алтай и части бассейна Енисея). ⁵

Больше трети населения было собрано вдоль узенькой ниточки, проходившей в глубь Сибири.

¹ Н. Костров. Каинская Бараба, 1874, стр. 42—45.

² Живописная Россия, т. IX.

³ Р. М. Кабо. Города Западной Сибири, 1949, стр. 140.

⁴ Алтайский сборник. Изд. Общ. любителей исследования Алтая, Томск, 1894, стр. 10—11.

⁵ В этот подсчёт, сделанный нами на основании абсолютных цифр, приведённых (к сожалению без указания источника) А. Д. Григорьевым (цит. соч., 82), не вошли купцы — в основном жители тракта.

К 60-м годам при постоянном населении в 3—4 тыс. жи во время ярмарки в Ирбит съезжалось до 20 тысяч.¹ «Здесь собирались товары из Восточной Сибири (пушнина, чай), из Западной Сибири (сырые кожи, овчины, сало, рыба, масло), из Европейской России (мануфактура, галантерея, кожевенные, металлические изделия, сахар и др.)».² Бывали здесь и бухарские купцы. Сибирская торговля нередко давала собиравшимся в Ирбите купцам 200—300% прибыли.

Ещё значительно больше давала скупка за гроши, часто старые долги, у туземцев Обского севера пушнины и рыбы. Огромное распространение в сибирской торговле приобрели кредитные операции между самими купцами. «Получая кредит непосредственно от фабрикантов центра или от крупных оптовиков на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, сибирские фирмы завоёвывали себе... монопольное положение на рынках Сибири. Однако выгоды от этого получали только крупные купцы. «Одальность рынков друг от друга и вся система передвижения товаров неимоверно удлиняли время обращения товаров... Большая часть купцов... входила в долги и платила ростовщикам высокие проценты... Ростовщический капитал следовал, как тень за торговым капиталом и был неотделим от него».³ Сроки ярмарки (февраль—март) были рассчитаны так, чтобы успевать подойти по зимнему пути обозы с «дальними» товарами Сибири, которые первый участок пути проходили водой, ещё во время навигации; купленные в Ирбите сибирские товары в большинстве направлялись затем на Нижегородскую ярмарку.

Таким образом, хотя торговля в Сибири должна была «преодолевать двойное препятствие: экономическое со стороны полунатурального хозяйства и транспортное со стороны бездорожного пространства» (Р. М. Кабо), развитие её совершалось очень быстро — правда в специфических, крайних отсталых формах затянувшегося на 2—2½ столетия первоначального накопления.

Особое и чрезвычайно важное место в сибирской торговле занимали меновые сношения с Китаем, сосредоточенные в Кяхте. Товары, вымениваемые в Кяхте, шли через всю Сибирь; по своей ценности они, как и пушнина, были настолько дороги, что устойчиво требовали совершенствования сухопутных путей сообщения, ускорения движения по ним, что в свою очередь стимулировало усиленное заселение всей притрактовой полосы.

Значение кяхтинской торговли заключалось и в том, что здесь китайцам сбывалась значительная часть пушнины, добытой в Восточной Сибири и на берегах Тихого океана (в том числе и тех сортов, которые имели меньший спрос в России). Благодаря этому сложился знаменитый «треугольник»: поток пушнины в Кяхту, поток китайских товаров из Кяхты в Россию и поток «русских товаров» на восток Сибири.

¹ Географо-статистический словарь П. П. Семёнова, т. II, стр. 106.

² Р. М. Кабо, назв. соч., стр. 119.

³ Там же, стр. 122—125.

Три группы товаров поступали в руки сибирских купцов в основном образом в ближайших районах Сибири, шелковые ткани и чай. Последний стал главным предметом кяхтинского торгового оборота в XIX веке, когда ввоз его стал резко возрастать; в конце XVIII века ввоз его составлял лишь 30—70 тыс. пудов. Большие обороты кяхтинской торговли по подсчётам Е. П. Силина составляли в конце XVIII века около 2/3 всего оборота внешней торговли России через азиатские границы и 7—8% всей внешней торговли России.²

Торговля с Китаем через Кяхту имела несколько периодов. Кяхта была основана (1728 г.) согласно Буринскому трактату, предусматривавшему пограничный торг, — как один из пунктов этого торгового оборота. Торговля шла под большой опекой правительства, право участия в ней рассматривалось как особая привилегия сибирских купцов. Но размах её был невелик; несколько раз торговля вследствие пограничных конфликтов прерывалась.

До 1755 г. правительство снаряжало в Китай казённые караваны (часто связанные с посольствами), к которым разрешало присоединяться и отдельным купцам. Прекращение посылки казённых караванов явилось поворотным пунктом в росте кяхтинской торговли. Очень существенно было то, что в 60-х гг. для купцов был открыт свободный промен мехов. Выше (стр. 100) мы уже приводили цифры, иллюстрирующие масштабы сбыта в Кяхте пушнины; соответственно рос и ввоз китайских товаров. В 60-х гг. этих товаров нередко выменивалось на сумму 3,5 млн. руб. в год. С 90-х гг. XVIII в. главную роль в кяхтинской торговле приобретают крупные купеческие фирмы. Правительство для того, чтобы между фирмами не возникала конкуренция, стремилось искусственно объединять их в компании, но, повидимому, меры эти оставались мертворождёнными (к такому выводу пришёл Е. П. Силин, основательно исследовавший историю кяхтинского торгового оборота).

Хотя кяхтинская торговля сделала во второй половине XVIII в. большие успехи, развитие её сильно тормозилось неоднократными перерывами из-за дипломатических придирок китайских чиновников. На протяжении второй половины века перерывов этих было 8 и они в общей сложности составили 15 лет и 7 месяцев.³

Следующий (уже «чайный») этап кяхтинской торговли был открыт тарифом 1800 г., значительно облегчившим условия обмена. Обороты чайной торговли с этого времени беспрерывно

¹ «Шелковые материи уже кончились, китайка тоже почти кончается, остаётся чай, чай и чай», — писал о кяхтинской торговле Сперанский в 1820 г. в период, когда он с ней близко сталкивался (цит. по книге Е. П. Силина «Кяхта в XVIII в.», Иркутск, 1947). В начале XIX в. обороты кяхтинского чайного торгового оборота составляли по Клапроту 6—8 млн. франков, а в 40—50-е гг. достигли уже 12—13 млн. руб. (Дополнения П. П. Семёнова к «Историческому Азину» Риттера, СПб, 1879, стр. 245).

² Е. П. Силин, назв. соч., стр. 187—188.

³ Е. П. Силин, назв. соч., стр. 70.

растут, достигнув к 60-м гг. ввоза 400 тыс. пудов чая ежегодно. Только с 70-х гг. ввоз чая морским путём через Одессу приводит к тому, что обороты Кяхты начинают падать.

В XIX в. пушнина перестаёт быть главным товаром, которым оплачивался китайский чай. Отпуск белки в Кяхту упал в 1815 — 1839 гг. с 8,6 до 2,9 млн. шт.¹ Зато сильно возрос привоз в Кяхту «русских» товаров.

Особенностью кяхтинского торгового дела на протяжении целого столетия было то, что оно было безденежным — меновым. На эту черту его, отражавшую экономическую отсталость тогдашней России, указывал ещё Маркс: «Так серебро служит мерою цен в товарном обмене между Сибирью и Китаем, хотя эта торговля на деле является простой меновой торговлей».² Отсталые торговые формы торговли, при которой оборот капитала осуществлялся на протяжении 2, а то и 3 лет, приводили лишь к очень медленному и одностороннему экономическому развитию Сибири.

Роль горной промышленности в процессах заселения. В XIX в. товары, следовавшие в Россию по новым трактам в XVIII в. и заметную экономическую роль начинают играть грузы горной промышленности, главным образом, драгоценные металлы.

Мы касаемся здесь той новой нотки, которая с этого времени уже с большей силой звучит в экономике Сибири и обуславливает и значительные новые стимулы для передвижки в Сибирь населения.

Хотя о горных богатствах Сибири задумывались уже первые землепроходцы, возникновение здесь горных заводов относится только к XVIII в. Если отбросить некоторые местные предприятия, часто очень недолго существовавшие,³ то к половине XVIII в. в Сибири наметилось два крупных по масштабам тогдашнему времени горнозаводских центра: Алтайский и Нерчинский. Огромное значение приобрёл первый из них; задачи обеспечения его безопасности отчасти обусловили даже создание Бийско-Усть-Каменогорской линии укреплений и последующее военное закрепление в долине Бухтармы.

Алтайские заводы, первоначально принадлежавшие Демидовым, были основаны в 20-х гг. XVIII века. Кольванский⁴ (с 1722 г.), Змеиногорский (с 1742 г.), Шульбинский, Барнаульский и другие заводы (число их дошло к концу века до десятка) выплавляли главным образом серебро, отчасти медь и свинец; кроме того, в Кольвани существовала «шлифовальная мельница», выпускавшая

¹ М. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. Зап. Русск. Географ. Общ., 1863, 1, стр. 144.

² К. Маркс. К критике политической экономии, Партиздат, 1906, стр. 81.

³ Вроде железоплавильного завода, выстроенного в 1732 г. около Якутска специально для снабжения железом экспедиции Беринга. Завод закрыт в 1743 г. (С. А. Текарев, Очерки истории якутского народа, М., 1946, стр. 125—126). Другим примером недолго работавшего заводчика является завод, который построил Ирибинский (в Минусинской котловине), вознивший в половине XVIII в. и прекративший работу к концу его.

⁴ Кольванский завод не следует смешивать с г. Кольванью (б. Чаусским острогом) на Оби.

художественные изделия из яшмы, мрамора и других месторождений минералов.¹ Большинство этих заводов располагалось в западной части горного Алтая, в долинах рек бассейна Иртыша. На восточном склоне Салаирского кряжа, в Кузбассе, следует отметить лишь Гурьевский серебросвинцовый завод. Впрочем, рудники, дававшие ему сырьё, снабжали своей рудой и далёкий Барнаульский завод.² Рудники эти были основаны в верховьях реки Бачат в 1780 г.

С 1747 г. алтайские заводы были «взяты в Кабинет» и вместе с принадлежавшими к ним огромными землями, частью служившими лесными дачами, частью отводившимися в надел приписанным крестьянам, образовали Алтайский округ «Кабинета величества».

С этого времени приписка к заводам крестьян, в том числе и продолжавших оседать на благодатных землях Алтая беглых, непрерывно увеличивает крепостное население, в той или иной мере связанное с горнозаводским делом. В 50-х гг. XIX в. за заводами значилось более 1200 селений. В 1851 г. одним «мужских душ», живших в них, было закреплено за заводами 117 тыс.³

Алтайские заводы по своему мануфактурно-крепостному устройству, по положению приписанных к ним крестьян, назначавшихся по мере надобности на те или иные горные или заводские работы, во многом напоминали уральские.

Центром Алтайских заводов являлся Барнаул, где с переводом завода в казну было сосредоточено и управление всем горным округом. Облик Барнаула был в это время очень типичен. Рядом с казармами, в которых жили «нижние и рабочие чины», с беспорядочно настроенными избами, в которых ютились назначаемые на работу крестьяне из приписанных к Барнаульским заводам деревень, выросли богато обставленные дома горных чиновников, старавшихся, по выражению Г. Н. Потанина, сделать для себя из Барнаула «уголок Петербурга». Территориальным ядром Барнаула был Сереброплавильный завод. Павлас в описании своего путешествия отмечает далеко разнородный едкий дым его. У заводского пруда стояли приземистые кирпичные здания, пыльная мельница, пробирный дом, различные амбары и кладовые. Выше по р. Барнаулке располагалась стеклянная фабрика, памятная тем, что здесь в 1765 г. талантливый крепостной мастер Ползунов соорудил «огнедействующую машину». Обилие солдат (Барнаул, как и все алтайские заводы первоначально был крепостью) завершал казённый облик этого «города крепостного труда», как называет Барнаул XVIII в. современный советский исследователь городов Сибири Р. М. Кабо.

¹ Кольванская шлифовальная фабрика возникла в 1786 г., построена в 1802 г. Таким образом, она была почти современницей знаменитой Екатеринбургской гранитной фабрики (осн. в 1774 г.). См. А. Е. Ферсман, Из истории культуры камня в России, М.-Л., 1946, стр. 35, 70.

² К. И. Спидченко. Города Кузбасса, М., 1947, стр. 28.

³ Р. М. Кабо, назв. соч., стр. 136.

Алтайские заводы за 1745—1860 гг. доставили России 116 тыс. пудов серебра, став к концу этого периода почти монополистами по его выплавке (96% всей выплавки серебра в России), а также по выплавке свинца (80%).¹

Нерчинский горнопромышленный район, где добыча серебра, свинца и других металлов началась с 1804 г., играл в общем значительно меньшую роль.² Слабая заселённость Забайкалья и менее благоприятные условия его для сельского хозяйства препятствовали развитию здесь горной промышленности на благо труда крепостных крестьян, то есть в «уральско-алтайских» формах. Горнопромышленное производство Нерчинского района опиралось главным образом на применение принудительного труда каторжан.

Обычно пионером золотодобычи в России считают Урал и начало её относят к 1745 г. (Берёзовский рудник близ Екатеринбурга); развитие золотопромышленности в Сибири датируют уже XIX веком (1813 г. — на Алтае, 30-е — на Енисее, 40-е — на Лене).³ Однако есть свидетельства о значительно более ранней добыче золота в Сибири. Так ещё в XVIII в. золото выделялось при обработке алтайских серебряных руд. В опубликованной недавно рукописи В. И. Татищева 1745 г. «Описание всей Сибири» сообщается, что «золото в Даурах купно серебром добывается, которого в фунте серебра от 2 до 3 золотников бывает». Таким образом золото в Забайкалье добывалось по меньшей мере с начала 40-х гг. XVIII в.⁴

К концу XVIII в. в различных местностях Сибири возникает и расплывлённая мелкая, старательского типа, добыча золота. Закон 1838 г. о разрешении частным лицам, кроме крестьян и мещан, производить разведку и добычу золота на казённых землях Сибири послужил большим толчком для того, чтобы в тайгу хлынули целые массы «проспекторов». Для приисков были нужны рабочие руки, и спрос на рабочие руки лихорадочно рос. В 1836—1838 гг. началась разработка золота по Бирюсе и Актюлину (Енисейский округ). В 1843 г. зарегистрировано месторождение в Верхнеудинском округе и на верхней Олёкме, в 1846 г. — в Ленско-Витимской тайге, где на р. Бодайбо постепенно стал складываться важный центр золотодобычи. Интересно, что землю под первые здешние прииски «проспекторы» купили у тулгусов за 25 рублей.⁵

¹ Р. М. Кабо, назв. соч., стр. 137.

² Однако в отдельные годы Нерчинск давал значительные количества серебра. Так в 1776 г. здесь было выплавлено 629 пудов. До развития производства свинца на Алтае (Алейский завод, 1783 г.) Нерчинск снабжал Алтай свинцом, нужным для выделения золота из выплаваемого серебра. См. М. Фальк. Записки путешествия 1768—1774 гг., СПб, 1824, стр. 508.

³ Эти даты называет БСЭ (т. 27). Отметим, что в литературе по этому вопросу царит большая разноречивость. И. П. Шарапов, например, в книге «Очерки по истории Ленских золотых приисков» (Иркутск, 1949) даёт другие даты: Алтай (Змеиногорский рудник)—1735, Нерчинск—1746, Берёзовский рудник—1814 (стр. 10).

⁴ В. И. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1960.

⁵ И. П. Шарапов, назв. соч., стр. 12.

Однако надо иметь в виду, что золотопромышленность на протяжении рассматриваемого периода приводила главным образом к перераспределению (да и то незначительному) сибирского населения; Сибирь в то время была ещё «слишком далека», чтобы вызвать конъюнктурное движение из России, где к тому же массы крестьянства «крепко» сидели на помещичьей или казённой земле. В 1859 г. на всех приисках Восточной Сибири числилось 31,2 тыс. рабочих, из них 26,1 тыс. было сибиряков.¹

В XVIII в. роль эксплуатации недровых богатств была в экономике Сибири относительно высока. Если сопоставить растущее значение горнопромышленных стимулов колонизации с тем, что нушные промыслы падали, а земледельческая колонизация ещё не приобрела своего позднейшего грандиозного размаха, можно согласиться с С. В. Бахрушиным, что «начиная с Петра, приископное дело в Сибири является главным стимулом правительственной деятельности». По оценке Гагемейстера в середине XIX века «одна седьмая часть населения в Сибири участвует в добыче минералов, кроющихся в её недрах».²

Источники и характер колонизации. Кадры для горных заводов получались отчасти путём приписки к ним осевших случайно поблизости беглых крестьян (так было, например, на Алтае), отчасти за счёт перевода из других уездов Сибири ранее поселившихся государственных пахотных крестьян, отчасти за счёт ссылки или переселения из России различных категорий опальных крестьян. Например, в 1760 г. таким образом на алтайских приисках были поселены раскольники, бежавшие раньше за польский рубеж, на р. Ветку, и из Вятской губернии.³ Правительство, видимо, отчасти под влиянием расчётов на дальнейшее развитие горных промыслов, проявляет явную озабоченность в подыскании кадров для роста заселения Сибири. Пётр I направлял в Сибирь пленных шведов;⁴ Екатерина II включила в реестр свободных и удобных для заселения земель, приложенный к манифесту 1763 г., приглашавшему в Россию иностранных колонистов, земли «в Барабинской степи и близ Усть-Каменогорской крепости, а также по притокам Иртыша: Убе, Ульбе, Берёзовке, Глубокой» (из этого приглашения, впрочем, ничего не получилось). На Алтай переводились пленные поляки. В поисках колонизационных контингентов правительство всё шире прибегает к ссылке.

Но основным источником заселения Сибири в XVII веке — правда источником уже достаточно истощённым — продолжают всё же оставаться государ-

¹ Ф. А. Кудрявцев и Е. П. Силин. Иркутск, Очерки по истории города, Иркутск, 1947, стр. 112.

² С. В. Бахрушин, назв. соч., стр. 47.

³ Цитируем по Бахрушину, назв. соч., стр. 66.

⁴ Азиатская Россия, т. I, стр. 408.

⁵ А. Крауссе („Russia in Asia“, London, 1900) указывает (без ссылки на источники), что в 1709 г. в Сибирь было отправлено 14 тысяч (!) шведов. Цифры эта, по видимому, сильно преувеличена.

ственные крестьяне. В частности, за счёт государственных крестьян заселялись ямские «станки» на трактах. Из числа государственных же крестьян вербовались (частью на добровольных началах) переселенцы для Забайкалья, куда по указу 1799 г. было решено переселить 10 тыс. душ. Решение это было продиктовано желанием усилить русские элементы в крае и облегчить торговые сношения с Китаем. Его удалось выполнить лишь с большим опозданием: к 1802 г. было переведено только 2,2 тыс. душ (для размещения их в долине р. Ингоды отсюда были согнаны в горы коренные жители — буряты), в следующем году — 3,5 тыс. душ, а всего к 1805 г. — 11,7 тыс. душ¹; но из них ещё через 5 лет, к 1810 г., было устроено, несмотря на отпущенные средства, только 6,8 тыс. чел.²

Среди «государственных крестьян», поселённых в Забайкалье, выделялись раскольники — «поляки»³. Вместе с ними в Забайкальскую ссылку попали и некоторые раскольники из внутренних губерний России. Возникшие в конце XVIII в. раскольничьи поселения в Забайкалье, главным образом по правым притокам Селенги, имели большой хозяйственный успех, определявшийся главным образом тем, что начальство, выселив сюда крестьян-раскольников, оставило их в покое. Благодаря своему трудолюбию и сплочённости, «семейские», как стали называть этих поселенцев, попадавших в Забайкалье большими семьями, получили возможность широко развивать земледелие. Декабристы, близко столкнувшись в ссылке с этими вольными общинами, к тому времени уже достигшими высокого материального уровня, разнесли славу о них среди передовых кругов тогдашнего русского общества. О забайкальских раскольниках, освободившихся от крепостного права, стали писать Некрасов (в «Дедушке») дал восторженное описание Тарбагатая — одного из крупных раскольничьих сёл в правобережье Селенги,⁴ куда

«проточку русских сослали в страшную глушь за раскол». В этом описании, в сущности, апологетизирующем «крепкое» хозяйство единоличника, особенно подчёркивается, что начальство не вмешивалось во внутреннюю жизнь поселённых раскольников, предоставив им свободу в освоении земель.

Домо да землю им дали:
 Она незаметно прошёл —
 Едут туда комиссары,
 Видно — уж деревня стоит.
 Рига, саран, амбары!
 В кузнице молот стучит,
 Молванцу выстроит скоро.
 Уж завались мужики
 Верем из тёмного бора,
 Рыбой из вольной реки...
 Жители хлеб собирали
 Прежде бесплодной земли...
 Так постепенно в полвека
 Вырос огромный посад —
 И вот и труд человека
 Фанные дивы творят!
 И впринялось, раздробило!
 Перед селеншем бело
 На полверсты от гусей;
 Как там возделаны нивы,

Как там обильны стада!
 Высокороsla, красивые
 Жители, бодры всегда,
 Видно — ведётся копейка!
 Бабу там холит мужик:
 В праздник на ней душгрейка —
 Из соболей воротник!
 ... Конь — хоть сейчас на завод,
 В кованой прочной телеге
 Сотню пудов увезёт...
 Сыты там кони-то, сыты,
 Каждый там сыто живёт.
 Тёсом там избы-то крыты,
 Ну, уж зато и народ!
 Взросшие в краях суровых,
 Самы творят они суд,
 Рекрутов ставят здоровых,
 Трезво и честно живут,
 Подати платят до срока,
 Только ты им не мешай!...

Для характеристики случайности подбора переселенческих контингентов, направляемых в дореформенную Сибирь, интересен эпизод насильственного переселения сюда евреев. Правительство строило в этом отношении довольно широкие планы (30-е гг. XIX в.), но осуществлены они были лишь в малой мере. Переселяемые евреи зачислялись в государственные крестьяне и получали земельные участки.¹ Многие из переселённых евреев «прижились», совершенно утратили «западно-местечковые» бытовые черты и создали устойчивые земледельческие хозяйства. Колоритные образы потомков этих переселенцев — сибирских еврей-крестьян и ямщиков дал в своих очерках («Поездки к переселенцам», 1888 г.) Глеб Успенский.

Начиная с XVIII в. среди идущего в Сибирь людского потока всё чаще и чаще встречаются ссыльные. Поэтому необходимо остановиться особо на колонизационной роли ссылки.²

¹ Так в 1835 г. в Тобольской и Омской губерниях 1317 евреям было выделено 15,5 тыс. дес. (И. Оршанский, Евреи в России, СПб, 1877, стр. 112).

² Для дальнейшего использования, помимо общей литературы о заселении Сибири, специальные работы: Е. Н. Анучин. Исследования о проценте переселённых в Сибирь в период 1827—1846 г. Зап. Русск. Геогр. Общ. по Общ. стат., III, СПб, 1873; Н. М. Ядринцев. Статистические материалы по истории ссылки в Сибирь. Там же, т. VI, 1889; его же. Исторические очерки русской ссылки. Дело, 1870, № 10; его же. Колонизационное значение русской ссылки. Там же, № 12. Для более цельного освещения вопроса здесь же выделены и ссылки пореформенного времени, когда роль её относительно уже сильно упала.

¹ Официальная история переселения царского времени очень хвалила этот эпизод заселения Забайкалья. «Этот акт тем главным образом важен, что он ясно показывает, как настойчиво желало... правительство восполнить обнаружившийся пропуск (?) в вольной колонизации; даже избы переселенцам в Забайкалье должны были строиться изливением казны, не говоря уже о других всевозможных льготах», — с увлечением рассказывает в официальном сборнике «Азиатская Россия» (т. I, стр. 447). В действительности, переселенцы по указу 1799 г. ни о какой планомерной проводимой политике не говорят, а сами результаты их (11—12 тыс. душ за 6 лет) вовсе не выделяют начало XIX столетия среди соседних периодов. Добавим к этому ещё, что переселенцы в подавляющей массе были подневольными.

² С. В. Бахрушин, назв. соч., стр. 60. А. А. Исаяев в своей работе «Переселения в русском народном хозяйстве» (СПБ, 1891) указывает, что за первые 5 лет было водворено только 610 душ.

³ Так в Сибири прозвали раскольников, вернувшихся из-за рубежа, в том числе и из Польши, после того как по манифесту 1764 года они были «прощены» Екатериной II.

⁴ Материалом для «Дедушки» Некрасову послужили, как известно, записки декабриста А. Розена, вышедшие в Россию в 1870 г. В них описаны быта свободных от крепостной зависимости поселенцев относится именно к Тарбагатаю, который упоминается и во многих специальных работах по переселению Забайкалья.

Роль ссылки. Представление о Сибири, как стране, заселившейся чуть ли не главным образом за счёт ссылки, было распространено не только в обывательских кругах, но встречалось иногда и в специальной литературе.¹ Представление это, разумеется, ошибочно. Посмотрим, что говорят нам факты.

На протяжении XVII в. ссылка в Сибирь практиковалась сравнительно редко, хотя о ней, как об уголовной санкции, говорит уже Уложение 1649 г. П. Буцинский сделал выборку из всех сохранившихся архивных дел о ссылке за 1593—1645 гг. и насчитал всего 1,5 тыс. сосланных. Примерно половину из них составили пленные поляки, шведы, литовцы. Для 1614—1624 гг. он установил ещё более точную цифру сосланных: 560 человек. Таким образом, в год ссылалось в среднем всего 30—50 чел. Буцинский подчёркивает, что правительство было озабочено главным водворением ссылаемых: речь обычно идёт о ссылке «на вечное житьё с жёнами», об устройстве ссылаемых «на пашню». В последнее время выводы П. Буцинского подверг сомнению В. И. Шунков. Он утверждает, что «значительная часть ссыланных на пашне не удержалась», а либо вовсе бежала, либо версталась в служилые люди; часть сосланных пленных была официально затребована обратно в 1616 г. для размена с поляками.³

Ссылка количественно растёт с XVIII в. В 1729 г. был издан закон о ссылке в Сибирь бродяг и беглых, в 1754 г. — закон о замене смертной казни ссылкой навечно; в 1760 г. — указ о праве помещиков ссылать крепостных крестьян за «предерзостные поступки», причём сосланные мужчины, если они здоровы и моложе 45 лет, засчитывались помещику за рекрутов. Так как по пер-

¹ Особенно не скупилась при этом на краски зарубежные авторы. Например, известный географ Элизе Реклю, в общем сочувственно относившийся к России, писал: «Каждый успех, каждый шаг вперёд русского господства в Азии был отмечен линией (!) торем, ...партии ссылных, медленно тнувшиеся через степи и леса, шли свидетельствовать в отдалённых окраинах о могуществе России... От одной оконечности Сибири до другой все (!) бродяги покрыли (!) страну приметам, таинственными и даже невидимым для других, но совершенно ясными для них... Есть множество деревень, где бродяги могут жить без опаски... кое-где они даже построили целые деревни». Но при этом «поля и огороды имеют вид запустения. Практикуемая ныне система земледелия есть не что иное, как хищничество» (Всеобщая география, т. VI, рус. пер., СПб, 1883, стр. 680—681, 684). Другой француз прямо утверждал: «В течение долгого времени сибирская колонизация осуществлялась лишь преступниками и каторжанами... вплоть до 1889 г. (?) свободная эмиграция составляла всего лишь по несколько тысяч ежегодно» (Revue Gonolige, L'emigration europeenne aux XIX siècle, Paris, 1906, p. 270). К. Оландер, совершивший сам довольно продолжительное путешествие по Сибири и более, чем другие иностранцы, внимательно изучивший её, открыто и не без стыда сознаётся в своей вышедшей в Париже книге: «Сибирь и её экономическая будущность», что «было время, когда слово «Сибирь» вызывало у нас представление об обширной, покрытой вечными снегами и малодоступной стране с редким населением, состоящим из преступников и каторжников» (Рус. пер., СПб, 1903, стр. 3).

² П. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых её насельников. Харьков, 1889.

³ Очерки по истории колонизации Сибири, М., 1927, стр. 15—21.

вичному закону жена должна была следовать за мужем, помещик терял и женские «души», но правительство приобретало колонизационные контингенты. Правительство побуждало отлучиться со ссылаемым и его детей, для чего установило для помещиков особое вознаграждение.¹

Однако ссылаемые в XVIII веке сравнительно редко попадали в Сибирь (в этом случае — почти исключительно на Алтайские и «Даурские серебряные заводы», то есть в Нерчинск); чаще их использовали для постройки крепостей или портов в европейской части империи (например, до 1767 г. — в Рогервикском внешнем Палдиски), или даже зачисляли в рекруты. Только с начала XIX в. число ссылных быстро растёт. За 1807—1812 гг. в среднем в год было сослано в Сибирь по 2035 чел., в 1823 г. — 6667 чел. За 1827—1846 гг. было сослано всего 100,5 тыс. чел., то есть около 8 тыс. чел. в год. Для последующего периода ссылка составляла (включая добровольно следующих на ссылаемыми, доля которых в общей массе ссылаемых с начала века до 80-х гг. выросла с 4 до 36%):

За пятилетие 1847—1851	—26,6 тыс. чел.
„ „ 1852—1856	—32,7 „ „
„ „ 1857—1861	—36,8 „ „
„ „ 1862—1866	—51,4 „ „

В 70-х гг. рост продолжался (1872—1876 гг. — 87,1; 1877—1881 гг. — 86,3 тыс. чел.).

Всего за один XIX век число уголовно-сосланных составило, видимо, значительно более полумиллиона человек.

Приведённые цифры могут показаться очень крупными,² особенно в сопоставлении с ещё сравнительно скромными «вольными» переселениями предреформенного периода; но при оценке их следует принять в соображение ряд очень существенных обстоятельств:

1. Колонизационные «качества» уголовного ссылного были невысоки — юридическая дееспособность его была ограничена и инициативная активность обычно снижалась тем, что это был человек «сломанный» тюрьмой, судом и каторгой. Клеймо преступника затрудняло для получившего «вечное поселение» приобретение в обществе определённого места.³

¹ Характерна мотивировка указа 1760 г.: «Этого и государственные требования интереса, понеже в Сибири состоят к поселению и хлебопашеству свободные места».

² Данные о распределении ссылаемых по губерниям высылки показывают, что в той мере, в какой ссылка вообще давала Сибири колонизационные контингенты, они собирались со всех концов России. Таким образом, и здесь мы вправе говорить об общерусских источниках заселения Сибири.

³ «В результате ссылки получается, что ссылные в Сибири бедствуют, в Сибири, вместо полезных работников, наводятся массой бездомного и нищадного населения» (Переселения и поселения в связи с постройкой Сибирской железной дороги, СПб, 1891, стр. 22). Анонимный автор этой записки считал, что из 260 тыс. ссылных, находившихся в то время в Сибири, только 10 тыс. обзавелось собственными домами (стр. 23).

2. Ссылаемые в Сибирь выходили на поселение, как правило, в таком возрасте, что им уже трудно было обзавестись семьей.

3. Соотношение полов ссылаемых было крайне неблагоприятным, особенно учитывая общий дефицит женщин в населении Сибири. Так в числе сосланных за 1823—1879 гг. на 100 мужчин приходилось 13 женщин.¹

4. Среди ссылаемых (и во время пребывания их на каторге и после выхода на поселение) господствовала резко повышенная смертность.

5. Известная часть ссыльных — легально или нелегально — покидала Сибирь. Довольно высок процент приговорённых к ссылке вторично, за побег. Таким образом уже в самих статистических итогах содержится «двойной счёт».

Всё это заставляет признать, что колонизационное значение уголовной ссылки было сравнительно невелико, и во всяком случае не оправдывало значительных издержек правительства. Мысль о малом колонизационном значении уголовной ссылки (главным образом в силу того, что ссылались почти исключительно мужчины) высказывал ещё П. П. Семёнов-Тяншанский. Статистические данные переписи 1897 г. подтверждают, что ссыльные ввиду высокой смертности, неблагоприятного соотношения полов и неполноправия в очень слабой степени принимали участие в росте населения Сибири. К этому году ссыльных с детьми в Сибири было всего 300 тыс. чел. (включая и находящихся в тюрьмах) — едва 1/20 часть всего пришлого населения. Сопоставляя эту величину с масштабом ссылки за XIX век, приходится прийти к выводу о вымирании ссыльных.

Особое место занимает политическая ссылка. Численно колонизационное значение её было, если взять весь рассматриваемый период, ещё меньшим, чем уголовной;² однако она имела очень большое общественное и культурное влияние, роль кото-

¹ Хотя среди добровольно следовавших за ссыльными преобладали женщины, не следует переоценивать и этого обстоятельства. Выше указывалось, что только к концу века доля добровольно следующих превысила 1/2 общей массы репрессированных; но следует учесть, что среди добровольно следующих было много детей, в том числе и мальчиков. Цифры, приводимые Ядринцевым для 70-х гг., позволяют считать, что отношение числа добровольно следующих женщин, мальчиков и девочек выражалось как 1:1:1. Сопоставив наши подсчёты, показывающие, что даже с учётом добровольно следующих доля женщин в общей массе не могла на много превысить 25%.

² Н. М. Ядринцев определял для конца XIX века издержки на водворение одного ссыльно-поселенца в 800 руб., а стоимость водворения семьи поселенца-крестьянина в средних сибирских условиях — в 500 руб.

³ П. П. Семёнов. Значение России в колонизационном движении европейских народов. Изв. Русск. Геог. Общ., т. XXVII, 1892, вып. 4.

⁴ Значительная часть политических ссыльных так или иначе покидала Сибирь и следовательно составляла лишь её «временное население». Что касается до численных масштабов политической ссылки, то вполне понятно, что в официальной царской статистике мы не найдём сколько-нибудь надёжных данных. Некоторые цифры называют иностранные авторы, имевшие, видимо, в своём распоряжении неофициальные материалы и не находившиеся в зависимости от царской цензуры. Так, Прайс в своей выпущенной в Лондоне книге о Сибири указывает, что только за 1906 г. в западную и центральную Сибирь

было сослано 45 тыс. политических, в большинстве на поселение (as colonists). И, тем не менее, число выслаемых из старой России колеблется от 8 до 15 тыс. в год. В 1909 г. в Енисейской губернии было несколько более 50 тыс. политических ссыльных» (M. Price Siberia. London, 1912, p. 193). Можно думать, что до начала массового революционно-рабочего движения число выслаемых за «политику» было невелико; оно, видимо, резко возросло в 1905 и в последующих годах.

Для Сибири невозможно переоценить. Ещё в XVIII—XIX вв. сибирская интеллигенция складывалась в большой степени под культурно-политическим влиянием ссыльных. Политическая ссылка на протяжении почти двух столетий приводила в Сибирь множество передовых русских людей — Радищева, декабристов, Чернышевцев, Чернышевского, многих неугодных царскому правительству писателей. С конца XIX века царское правительство высылает в Сибирь представителей рабочего революционно-марксистского движения, включая и величайших гениев человечества, руководителей большевистской партии и советского государства — В. И. Ленина и И. В. Сталина. В сибирской ссылке побывали известные большевики, впоследствии выдающиеся деятели нашего государства — товарищи Молотов, Куйбышев, Фрунзе, Орджоникидзе и многие другие. Ссыльные революционеры-большевики проводили в Сибири огромную политико-воспитательную работу среди местного населения. Политическая ссылка способствовала созданию в Сибири местных революционных организаций, способствовала тому, что по всей Сибири разгоралась борьба против царизма.

Если упустить влияние политических ссыльных в XVIII и XIX вв., трудно понять, как Сибирь, не имевшая тогда, например, ни одного высшего учебного заведения, сумела вырастить значительные собственные культурные силы, трудно понять «привнесённость» сибирского купечества, успехи Восточно-Сибирского отдела Географического Общества и многие другие явления в истории культурной жизни Сибири.

Если упустить влияние ссылки революционеров-марксистов в начале XX столетия на общественную жизнь Сибири, на подъём сознательности сибирских пролетариев, сибирской крестьянской бедноты, на пробуждение многих малых народов Сибири, — нам будет непонятно, как Сибирь, являвшаяся до Октябрьской революции отсталой окраиной царской России, вырастила собственные кадры пламенных борцов против царского режима и капитализма, нам будет непонятна политическая зрелость Сибири, ярко проявившаяся в период гражданской войны и борьбы за победу и укрепление советского строя.

Следует обратить внимание на то, что, имея, как мы видели, очень небольшое колонизационное значение, уголовная ссылка впрочем весьма отрицательно влияла на условия «вольного» заселения Сибири, создавая ей репутацию «каторжной страны». Наличие среди обычного гражданского населения заметной группы лиц, переведённых на поселение, скопление неустроенных,

часто больных людей, которым было нелегко «прижиться», гибли коренное население.

Для 70-х гг. XIX в. Ядринцев, исходя из общей численности наличных ссыльных (около 200 тыс. чел.), полагал их распределёнными по отдельным губерниям и областям Сибири так (в тыс. чел.):

Тобольская — 60,0	Иркутская — 40,0
Томская — 28,8	Забайкальская — 21,3
Енисейская — 50,0	Якутская — 3,0

До 1859 г. ссыльные селились в Западной Сибири, позже в Восточной. При этом законодательная норма, согласно которой на одного ссыльно-поселенца должно приходиться не менее 5 коренных «обывателей», часто не соблюдалась. Ядринцев приводит примеры отдельных волостей и населённых пунктов, в которых эта пропорция опускалась до 1:3,5 и даже 1:1,75. «В некоторых городах, — писал он, — ссыльные составляют уже 38%». ¹

Царское правительство достигло ссылкой в Сибирь незначительных колонизационных результатов, но одновременно «испортило» ею Сибирь, отпугнуло от неё многих жизнеспособных переселенцев. Пытаясь превратить Сибирь в «каторжную страну», царская бюрократия проглядела её богатейшие возможности. Даже такой крупный государственный деятель, как Сперанский, имевший к тому же возможность лично близко узнать Сибирь, немало сделавший для неё, писал, что это «прекрасное место для ссыльных, выгодное для некоторых частей торговли и богато для минералогии, но не место для жизни и высшего гражданского образования». ²

Герцен, умевший смотреть далеко вперёд и не побоявшийся в середине XIX в. говорить о Тихом океане, как о «будущем Средиземном море», с горечью писал, что на Сибирь «смотришь только как на подвал, в котором много золота, много меху и другого добра, но который холоден, занесён снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не заселён. Это неверно. Разумеется, Сибирь должна спуститься к китайской границе. Но в самом же деле мёрзнуть и дрожать в Берёзове и Якутске, когда есть Красноярск, Минусинск и пр». ³

¹ «Статистические материалы» и т. д., стр. 333.

² Цит. по С. В. Бахрушину, назв. соч., стр. 48.

³ А. И. Герцен. Былое и думы, Собр. соч., т. XV, 1919, стр. 279.

Глава V. ОБЩИЕ УСЛОВИЯ МАССОВЫХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В СИБИРЬ В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА

Период развития капитализма в России был ознаменован массовым усилением миграций населения, значительными процессами его географического перераспределения, вовлечением в хозяйственный оборот ранее слабозаселённых территорий, что и привело к формированию такой новой системы экономических отношений, которая была основана на общественно-географическом разделении труда, во многом отличном от дореформенного.

Процессы переселений периода капиталистического развития России как в зеркале отражали перестройку экономической географии России; новые общественные противоречия получили своё выражение в антагонистических взаимоотношениях между отдельными районами страны.

Капиталистическая Россия оставалась по преимуществу аграрной страной, и переселения земледельческого населения продолжали играть в миграционных процессах во всей стране важную роль, особенно если рассматривать эти процессы с их общественной стороны. Впрочем, и миграции, связанные с формированием промышленных районов, совершались в значительной части в виде выталкивания в города и промышленные посёлки населения деревни. Таким образом, для понимания природы движущих сил миграций первостепенное значение имел характер противоречивых социально-производственных отношений, складывавшихся в земледелии. Отсюда ставшая знаменитой формула Ленина: «Колонизационный вопрос в России есть подчинённый вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны». ¹

После реформы 1861 года расстановка социальных сил в Европейской России складывалась применительно к миграциям следующим образом.

Крестьянство получило личную свободу, хотя и не полную (она была ограничена системой сельской администрации, другой порукой по государственным платежам, в том числе и выкупным), но одновременно лишилось значительной части зем-

¹ В. И. Ленин. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Соч., т. III, стр. 225.

ли за счёт так называемых «отрезков». ¹ Крестьянство было поставлено в решительную экономическую зависимость от помещиков, «отрезавших» лучшие или особенно необходимые крестьянские земли и тем самым вынуждавших крестьян к аренде земель по быстро растущим ценам и к продаже своей рабочей силы помещичьи имения. Вместе с тем «обременение крестьян выкупными платежами и повышенными налогами и в то же время уменьшение и ухудшение данной им в надел земли,—это был первый путь к тому, чтобы отдать крестьян в руки ростовщиков, большей частью разбогатевших членов крестьянской общины».

После короткого периода надежд, порождённых реформами 60-х гг., крестьянство, экономическое положение которого стало резко ухудшаться, всячески стремится к использованию полученной личной свободы для переселений. Масштаб переселений неуклонно возрастает. Созданная при реформах система административной опеки и прикрепленность крестьянства вместо помещика к «миру» с наложенными на него в порядке круговой поруки повинностями и платежами, являлась серьёзным препятствием этой переселенческой волне, или, как говорил Ленин «русскую колонизацию тормозят остатки крепостничества в центре России». Очень существенным было то, что крестьянин не имел права продать свой надел. Благодаря этому усиливалась его искусственная связь с общиной, и крестьянин не имел фактической возможности реализовать необходимые для переселения и обзаведения на новом месте средства. ² Положение это формально изменилось только после «стольпинской реформы» 1906 г., но к этому времени внутри самого крестьянства в основном совершился процесс дифференциации, и буржуазно-кулацкая верхушка деревни могла уже целиком использовать эту реформу в собственных лишь выгодах. Стольпинский закон оказал «обезземеливающим бедных и обогащающим богатых» в деревне.

Даже те буржуазные авторы, которые выступали апологетами стольпинской реформы, рисуя радужными красками «тесную связь между переселением и укреплением земли в собственности», ³ были принуждены сознаться, что «укрепление в собственности... порождает сплошь и рядом полное обезземеливание малоземельных». ⁴ Обнищавшие слои крестьянства не могли до-

¹ В. И. Ленин определял долю отрезанной земли от 6,5% (группа нечернозёмных губерний) до 28,30% (группа степных губерний). В первом процент крестьян на барщине перед 1861 г. составлял в среднем 43,00%, во вторых—95,30% (см. Ответ на критику нашего проекта программы, Соч., т. 3-е, т. V, стр. 328).

² Энгельс. Послесловие к статье «Социальные отношения в России» Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 395.

³ Сравнительно облегчен был выход крестьян лишь в некоторых «малороссийских» губерниях, где после 1861 г. было распространено подворное крестьянское землевладение. На этом мы останавливаемся ниже.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. II, стр. 197.

⁵ Н. Огановский. Первые итоги великой реформы. Русское богатство, 1911, № 10—11.

⁶ Н. Огановский. Закономерность аграрной эволюции, т. III, 1914, стр. 83.

неспособных переселенческих контингентов, и рост переселенческого движения после стольпинской реформы, как увидим, соощождался угрожающим усилением и обратного движения.

Следует упомянуть также многочисленные чисто административные рогаки, которые воздвигались перед крестьянством на пути его стремления к переселениям. Таким образом, грандиозные масштабы крестьянских переселений создавались фактически вопреки очень многим препятствиям, преодоление которых потребовало огромную массу народных сил и делало эффективность переселений несравненно меньшей, чем это могло бы быть.

В начале пореформенного периода расслоение крестьянства было ещё незначительным. В переселениях были заинтересованы крестьяне всех социальных слоёв. Хотя «главной побудительной причиной переселенческого движения является нужда во всех её видах», ¹ представление о том, что на «выход» шла главным образом беднота, было бы вряд ли верным. Огромная «переселенческая литература того времени рисует нам довольно пеструю и, на первый взгляд, противоречивую картину. Многие отмечают, как общую черту в подборе переселенцев, ссылаясь при этом и на их собственную оценку, что «богатым незачем идти, а бедным не на что». ² «Переселение идёт не отсюда, где нужды велика, а где от неё могут бежать, продав свою землю, что возможно лишь при размерах 3—9 десятин на двор», — пишут земские исследователи переселений из Полтавской губернии. ³ В этой губернии значительная часть крестьянства получила землю в подворное владение, что давало возможность продать её. В таблице 8 показано распределение в процентах переселенцев Харьковской губернии по способу ликвидации ими своих наделов. ⁴

Таблица 8

Год	Передано в общину	Продано	Оставлено родным, сдано в аренду и т. д.
1904	71,8	3,9	24,3
1905	62,8	3,5	33,7
1906	63,4	3,9	32,7
1907	26,5	22,9	50,6
1908	8,0	41,7	50,3
1909	4,8	68,9	26,3
1910	1,3	83,1	15,6

¹ В. Н. Григорьев. Переселение крестьян Рязанской губернии, М., 1904, стр. 54. Это исследование — одна из наиболее ранних земских монографий на переселенческую тему — принадлежит хорошо осведомлённому и наблюдательному автору.

² Россия, т. XVI, стр. 187.

³ Переселение из Полтавской губернии с 1861 по 1900 г., вып. I, 1900, стр. 106.

⁴ Н. Огановский, цит. соч., стр. 103.

Эти цифры очень наглядно показывают рост продаж наделенных земель переселенцами после столыпинской реформы.

Внимательный исследователь сибирских переселений в сравнительно ранний период И. А. Гурвич (его работу «Переселение крестьян в Сибирь» высоко оценил Ленин) также подмечает, что «преобладающим элементом в современном переселенческом движении следует считать крестьян среднего достатка; беднейшие крестьяне составляют среди переселенцев меньшинство; ещё слабее участие богатых крестьян, что объясняется, с одной стороны, их малочисленностью в деревне, с другой, — более благоприятными для них условиями быта на родине».¹

В том же духе высказывался в 80-х гг. В. Н. Григорьев: «Если нужда является таким сильным стимулом к переселению, то она же нередко и задерживает движение... «И рады бы Томскую губернию, да не с чем взяться»; «средств нехватает»; «если всё продадим, то не уплатить долгов с податями!»²

Центральной фигурой в переселенческом движении в это время является средняк, которому угрожает переход в разряд бедноты. Но это справедливо только «в среднем». Переселенческая масса была всё же достаточно однородной. Исследования указывают обычно на наличие чуть ли не в каждой партии численно небольшой, но очень важной по своей роли, прослойки из довольно зажиточных крестьян, обычно уже в пути вступавших со своими попутчиками в кабальные отношения. Это — представители уродливо преломившегося в предреволюционной российской обстановке «американского» пути развития капитализма в сельском хозяйстве, идущие на переселение, чтобы ускорить своё выдвигание на позиции сельской буржуазии.

Состав переселенцев в значительной степени различался и в зависимости от особенностей районов выхода. В зауральских условиях наличие у крестьянина лишь пары лошадей и нескольких голов рогатого скота делало его бедняком, которому приходилось думать о переселении; но по масштабам Европейской России он был зажиточным хозяином. Смешиваясь в общем переселенческом потоке, зауральские (часто «вторичные») переселенцы и выходцы из центральных районов «оскудения» создавали видимость большой пестроты, хотя и тех и других одинаково двигала с места горькая нужда. И. А. Гурвич в 80-х гг. писал: «Прочная, крытая просмоленным холстом или железом кибитка тобольского и пермского крестьянина сразу выделяется в массе худых тележонок большинства переселенцев из Европейской России. Вы никогда не встретите среди зауральских переселенцев

¹ Переселение крестьян в Сибирь, М., 1888, стр. 76. Ср. также: «Переселение из Европейской России доступно только крестьянам, у которых не только дома (которые переселенцы продавали, выручая в среднем 60—150 руб. — В. П.), но и прочие статьи хозяйственного инвентаря имеют более или менее значимую ценность» (стр. 71—72). «Только тот крестьянин может сбить средства на путешествие, у которого водится кое-какая скотина» (стр. 71).

² В. Н. Григорьев, назв. соч., стр. 55.

них, которые побирались бы христовым именем».¹ Позже, когда в переселенческий поток стали обильно вливаться выходцы из западных губерний, в которых преобладало подворное землепользование, позволявшее переселенцам реализовать свой капитал на родине, эти выходцы заметно выделялись тем, что они были наличные деньги, хотя бы и в небольших суммах.

На протяжении пореформенного периода развитие капитализма в России постепенно изменяло социальный состав переселенцев. По мере углубления аграрного кризиса в центральных районах России, по мере обнищания крестьянства происходило «оскудение» состава переселенческой массы, «измельчание» переселенцев. Через 30—40 лет после реформы в среде переселенцев уже явно преобладали либо вовсе разорённые крестьяне, либо те, которым на родине угрожала нищета. Само облегчение переселений (например, введение удешевлённого тарифа, получение, хотя и мизерных, путевых и «домообзаводственных» ссуд) шло именно за счёт этих слоёв круг крестьян, тяготевших к переселению.² С большой чёткостью определялось и совпадение основных очагов выхода с районами, где обнищание крестьянства стало массовым явлением. Ленин писал: «... от $\frac{3}{4}$ до $\frac{4}{5}$ всего переселенцев шли из малороссийских и среднечернозёмных губерний. Это — тот центр России, где всего сильнее остатки крепостничества, где всего ниже заработная плата, где крестьянским массам живётся особенно тяжело. Разорённые, обнищавшие, голодные массы этого центра — «сердца» России, метнувшись на переселение (1907—1909 гг.)».³ Рост пауперизированной группы среди крестьян-переселенцев мы подробнее покажем в следующей главе, где проанализируем и обратную сторону роста этой группы — огромное увеличение обратного движения, говорившее о невозможности для разорённого крестьянина устроиться на новых местах.

Дворянско-помещичьи круги на всём протяжении периода капиталистического развития России относились к переселенческому движению в общем враждебно. Относительное перенаселение в коренных областях страны, являвшихся вместе с тем цитаделью дворянского землевладения, было выгодно помещикам, так как обеспечивало им получение по дешёвке рабочей силы и сдачу в аренду (или частичную продажу) по высокой цене их земель. Опасение дворян-помещиков потерять «своё», экономически зависимого крестьянина проходит красной нитью через переселенческую политику царского правительства, отражавшую классовые интересы помещиков. При этом не существовало сколько-нибудь острых противоречий между поме-

¹ И. А. Гурвич, назв. соч., стр. 53.

² «Малоземельные крестьяне, — признаёт Огановский, — представляют себе запасные кадры переселенческой армии, готовые ринуться с места на каждом более или менее подходящем поводе. Такими поводами явились улучшение средств передвижения, разные льготы, ссуды, вообще облегчение условий передвижения» (цит. соч., стр. 85).

³ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 387. (Статья в «Правде» от 10 мая 1913 г.)

щиками центральных, коренных губерний, и губерний окраин. На окраинах помещичье землевладение было развито главным образом в Новороссии. Здесь это землевладение ещё до реформы 1861 г. сложилось как чисто капиталистические латифундии с весьма широким применением машин и небольшим количеством постоянных рабочих, не имевших собственной земли. Сезон же потребность в рабочих руках помещичьи экономии вполне удовлетворяли за счёт временного отхода из густо заселённых губерний севера Украины и чернозёмного центра. Отход поддерживался обострившимся здесь относительным аграрным перенаселением, почему и помещики Новороссии фактически были заинтересованы в сохранении этого перенаселения.

Буржуазия, значение которой на протяжении пореформенного времени усиливалось, занимала по отношению к своим переселениям достаточно неопределённую позицию. По многим признакам промышленная буржуазия России была связана с помещиками и с выражавшим их интересы государством.¹ Сама география российской промышленности была такова, что буржуазия была наружу наличие очагов разоряющегося крестьянства в раз в непосредственном соседстве с Промышленным центром Донбассом; это являлось источником непрерывного пополнения резервной промышленной армии. Однако единодушия в этом вопросе, в общем мало волновавшем буржуазию, не было. Более прогрессивные буржуазные промышленные и торгово-финансовые круги подходили шире к перспективам хозяйственного развития России, поднимали, в частности, отдельные вопросы освоения хозяйственных ресурсов окраин. Например, они были заинтересованы в развитии посевов хлопка в Средней Азии для снабжения русской текстильной промышленности, в разработке ископаемых богатств Севера, Алтая, Сибири и т. д., развитии маслоделия в Сибири. Поэтому они склонялись к упразднению крепостнических рогаток и к обеспечению большей свободы переселений. Кипаризм, как система, в общем, безусловно, был заинтересован в свободе рабочего рынка, в максимальной подвижности населения. Ленин писал по этому поводу: «...крупная машинная индустрия необходимо создаёт подвижность населения... железные дороги облегчают передвижение. Спрос на рабочих возрастает в общем и целом, то поднимаясь в эпохи горячки, то падая в эпохи кризисов, так что переход рабочих с одного заведения на другое, из одного конца страны в другой становится необходимым ходимостью» (подчёркнуто нами—В. П.).² Однако российская буржуазия в защите обеспечения подвижности населения была

¹ «Русская буржуазия образовалась из откупщиков водочных заводов, военных подрядчиков-казнокрадов. Всем своим существованием она обязана государству: покровительственные пошлины, субсидии, казнокрадство, подающая эксплуатация рабочих с разрешения и под защитой государства» (Энгельс, Письмо к Бебелю, 29 сентября 1891 г., Соч. Маркса и Энгельса, т. XXVIII, стр. 344).

² В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 429.

достаточно последовательна и склонна идти на уступки крепостникам.¹

Буржуазная интеллигенция, например, часть профессуры, была связана с земским движением и в общем стояла за дальнейшее «расторжение» переселенческого дела.

Царское правительство в своём отношении к переселениям в общем довольно исправно стояло на страже дворянских помещичьих интересов. Правда, оно было принуждено смотреть на дело несколько шире, учитывая, например, с точки зрения возможностей налогового обложения, хозяйственное значение заселения пустыющих земель в Сибири. В ряде случаев сказывалась и политическая заинтересованность царского правительства и усиление очагов русского заселения на окраинах, особенно там, где русское население было в меньшинстве (Средняя Азия, некоторые районы Кавказа, Дальний Восток). Наконец, правительство было встревожено нараставшей волной аграрных «бесприцельков», ухудшением экономики разорявшейся деревни, платёжи которой продолжали являться основой государственного бюджета (не даром оно создало особую комиссию по «оскудению центра» и созывало бесчисленные совещания «о нуждах деревни»). Правительству приходилось прислушиваться и к голосам прогрессивной интеллигенции, широко использовавшей, например, земские организации для настойчивых требований пойти навстречу переселенческим нуждам. Делая в переселенческом вопросе одну уступку за другой (впрочем очень непоследовательно), правительство особенно заметно изменило свой курс после 1905 г. в последовавших аграрных волнениях; оно было вынуждено «немножечко «приоткрыть» клапан и, вместо прежних помех переселениям, постараться «разрядить» атмосферу в России, постараться сбывать побольше беспокойных крестьян в Сибирь».²

Царское правительство было принуждено создать особое ведомство—Переселенческое Управление. В аппарат этого переселенческого ведомства пошло работать много представителей прогрессивно-буржуазных и интеллигентских кругов—из среды земства, профессуры и т. д.; это естественно толкало его «влево», в сторону облегчения переселений.³ Помимо этого сама «ведомственная логика» заставляла переселенческие органы по своему долгу бороться за развитие переселенческого «дела», толкало их в оп-

¹ «И никому из этих прекрасодушных господ не приходит в голову, раньше чем толковать о «разрешении серьёзных проблем» (речь шла об исходных промыслах—В. П.), необходимо позаботиться о полной свободе передвижения для крестьян, свободе отказа от земли и выхода из общины, свободе поселения (без «откупных» денег) в какой угодно, городской или сельской, общине государства!»—восклицает Ленин (Соч., т. II, стр. 452).

² В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 451.

³ Отчасти благодаря усилиям земства и передовой интеллигенции было достигнуто и улучшение санитарных условий осуществления переселений. В первый период массовых переселений в Сибирь смертность была потрясающе высокой: А. А. Кауфман на основании своих выборочных обследований (1880—1894 гг. определил её в 3,60/о; к 1896 г. по официальной статистике смертность упала до 0,40/о; к 1899 г.—до 0,170/о (см. А. А. Кауфман. Сибирское переселение на исходе XIX в., СПб, 1901).

позицию к наиболее реакционным в переселенческом поприще правительственным «сферам». Переселенческие органы получали ассигнования на землеустроительные, землеотводные, меллоративные работы, организовывали почвенные и геоботанические исследования, комацдировали на места специалистов—статистиков, натуралистов, экономистов, обрастали продовольственными магазинами, складами сельскохозяйственных орудий, регистрационными бюро, выпускали обширную литературу—разумеется, сочувственного переселениям направления, обычно приукрашивавшую положение дел.¹ В ходе этой работы Переселенческому Управлению подчас удавалось подняться над узко-классовой точкой зрения дворянско-помещичьих кругов, и оно совершило в общенациональную и объективно полезную, с точки зрения интересов русского народа и развития производительных сил страны, работу.

Каким же было и как изменялось пореформенное законодательство о переселениях, выражавшее правительственную точку зрения и определявшее реальную обстановку для их осуществления?

Первые десятилетия после реформы законодательство, исходя из опасений, что «разовьётся вредная подвижность и бродяжничество в населении»², а в действительности—полностью отражая помещичью точку зрения, вообще проходит мимо переселений.

¹ Из кругов переселенческих органов в 90-х и 900-х гг. вышла обширная литература, начиная с венчавшей эту литературу парадной «Азиатской России», капитальных, сохранившихся до сих пор ценных исследований Щербины, Кауфмана, Коржинского и других учёных, и кончая бесчисленными местными изданиями результатов статистико-экономических обследований водворённых переселенческих хозяйств, с одной стороны, крестьянской экономики в местах выхода—с другой. К этой литературе в части общей оценки переселений следует подходить очень критически, чтобы не получить неверного впечатления о благополучном положении переселенцев, о заботе правительства и т. п. Отдельные оппозиционные нотки в этой официальной и официозной переселенческой литературе недостаточны, чтобы раскритиковать действительное неприглядное положение вещей. Поэтому при всей ценности фактического материала, содержащегося в официальных ведомственных изданиях, для критического восприятия его необходимо использовать неофициальные работы, выходившие из более левых кругов; в частности этому работами широко пользовался и В. И. Ленин. Развёрнутую же революционно-марксистскую оценку всей постановки переселенческого дела в царской России, вскрывающую и его социально-классовую подоплёку, мы находим в ряде ленинских исследований и статей, специально посвящённых переселениям или касающихся их в связи с аграрным вопросом и обоснованием революционной аграрной программы и с ещё более общими вопросами развития капитализма в России. Важнейшими из этих ленинских статей (кроме общих работ: «Развитие капитализма в России», «К характеристике экономического романтизма», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве», «Капитализм и земледелие в США») являются: «К постановке за работой», «Аграрная программа социал-демократии», «Ответ на критику нашего проекта программы», «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», «Переселенческий вопрос», «Значение переселенческого дела», «Ещё о переселенческом деле», «К вопросу об аграрной политике (общий современный правительственный)».

² В таких мотивах отрицательного отношения к переселениям в течение этого периода расписалось позже само правительство в своём официальном издании (Канцелярии Комитета Министров) «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом», СПб, 1900, стр. 100.

форме оказываются, поскольку крестьяне прикреплены,—уже не помещику, а к «обществу»,—молчаливо запрещёнными.¹ Все экономически происходившие в это время переселения являются с точки зрения закона «самовольными». Правда, сила вещей заставляла правительство в ряде случаев узаконять «самовольные» переселения переселенцев. Так, например, в 1869 г. было узаконено значительное число водворений в Томской и Тобольской губерниях. Но каждый переселенец долгое время находился под угрозой насильственного возвращения. С 1866 г. были прекращены также те, весьма скромные, кредиты на помощь переселенцам, которые выдавались иногда до реформы. Этим был сделан шаг назад. Только для отдельных районов, заселение которых диктовалось прямыми интересами государства (Приамурье и Приморье, объекты горнорудный Алтай), делались исключения.

В 1881 г. были составлены, но не опубликованы, а, наоборот, держались в секрете, «Временные правила», разрешавшие переселения—каждый раз по согласованию между министерствами Внутренних Дел и Земледелия (Государственных имуществ). Ходатайствовавшие о переселении крестьяне должны были доказать, что экономическое положение их к тому вынуждает. Одновременно с установлением очень сложной процедуры разрешения переселений была начата разработка переселенческого закона, причём придавалось особое значение «приданию упомянутому закону такой формы, при которой он не мог бы служить поводом к преувеличенным надеждам, так и неосновательным ожиданиям дополнительных наделов». Это указание очень значительно: правительство понимало, что крестьянство связывает свои стремления к переселению с пресловутыми отрезками. Закон разрабатывался целых 9 лет. В итоге «гора родила мышь»: разрешив переселения в принципе (по притом лишь «в местности, выбираемые правительством»), закон 13 июля 1889 г. попрежнему требовал в каждом отдельном случае совместного разрешения Министерства Внутренних Дел и Земледелия. Сдвиг произошёл только в отношении усиления землеотводных работ и установления некоторых льгот по налогам и повинностям. Перелом в отношении правительства к переселениям впервые был создан строительством Сибирской железной дороги. Заселение местности вдоль дороги диктовалось уже стремлением сделать в перспективе это крупнейшее казённое строительство доходным, обеспечить его достаточным притоком грузов. В 1893 г. был образован Комитет Сибирской железной дороги, осуществивший ряд важных мероприятий, немало облегчавших переселения и особенно устройство переселенцев на месте.²

¹ Косвенно эта запрещённость переселений выражена даже в Уложении о наказаниях, ст. 948 которого гласит: «Те, которые вследствие приготовления или по собственному побуждению будут, не имея на то права и особого разрешения, делать приготовления к переселению на другие места, подвергаются за сие: аресту на время от 2 недель до 3 месяцев».

² Фактически он взял в свои руки отвод переселенцам земель, выпадавших в очень недостаточных размерах—путевых и «домообзавод-

Однако положительное отношение к переселениям, набравшись в районах водворения переселенцев, попрежнему доносились отрицательным в местах выхода. Тут царила система запрета «циркуляров», своеобразно «дополненных» общегосударственное законодательство.¹ В те годы, когда наплыв переселенцев казался правительству особенно угрожающим (например, в 1892, 1897 гг.), выдача «проходных свидетельств» резко ограничивалась или даже запрещалась.

В сущности, именно стремлением уменьшить поток переселенцев, охладить «неосновательные ожидания» был продиктован и закон от 7 декабря 1896 г. Он предоставлял семьям и группам крестьян право посылать (на льготных в смысле тарифа и путевой помощи условиях) ходоков для ознакомления с местными обстановкой и закрепления участков. Этот закон расценивался как средство вызвать более «трезвое» отношение крестьян к предстоящим на новом месте трудностям.² Положение «самовольцев» по закону 1896 г. было значительно ухудшено.

В 1896 г. образовано Переселенческое Управление, начавшее проводить работы по заготовке участков в местах водворения, что позволило передать выдачу разрешений на переселение одному лишь Министерству Внутренних дел. Под давлением требований жизни, а частично, считаясь и с общественным мнением, были приняты некоторые меры для облегчения участи переселенцев в пути.

В 1901 г. правительство издаёт крайне характерный закон от 8 июля (на практике, правда, почти не применённый) об отводе дворянам казённых земель в Сибири.³ Вскрывая крепостнический смысл этого закона, Ленин писал: «Какую пользу извлекут из кусочков земли хотя бы и по три тысячи десятин все их владельцы-генералы, если не найдётся «мужика», вынужденного на этих генералов работать?.. Когда крестьяне, несмотря на все затруднения, волокиту и даже прямые запрещения, стали продолжать сотнями тысяч выселяться в Сибирь, — тогда царские

«свидетельств» ссуд и т. д. Для переселенцев были установлены примерно втрое удешевлённые тарифы (0,3 коп. за версту). Были созданы переселенческие пункты в важнейших перевалочных и проходных центрах — Тюмени, Омске, Челябинске; статистико-регистрационная работа, проводившаяся с 1888 г., была значительно улучшена.

¹ Только за 1890—1898 гг. по Харьковской губернии, например, было издано 125 циркуляров и распоряжений запретительного характера.

² Эту точку зрения разделяли многие современники. Так А. А. Кауфман даже скитанье ходоков, многие из которых возвращались, не считаясь для своих хозяйств участки и разносили по губерниям массового выхода оптимистические оценки сибирских возможностей, расценивал как «предупредительное бедствие» (А. А. Кауфман. «Сибирское переселение на первом XIX века», стр. 100).

³ Закон этот квалифицировал дворян, как тех, кто «по хозяйственной благонадёжности своей являются желательными, в правительственных и землевладельцами в Сибири». Классовый смысл закона заключался в том, что «предназначаемые для частновладельческих хозяйств земли нарезаются в возможности вперемежку с площадями, наделёнными крестьянам».

«свидетельство, точно бурмистр старого барина, побежало за ними погонку, чтобы донять их и на новом месте».¹

6 июля 1904 г. перед лицом нарастающего крестьянского движения правительство издаёт «Правила», которые официальная пресса рекламировала как дарование «свободы переселений». По этим правилам зачисление за ходоками участков является основным правилом автоматической выдачи проходных свидетельств наименее обеспеченным их семьям, а сама посылка ходоков делается обязательной. Однако правительственная помощь переселенцам осуществлялась по этим «Правилам» только в случае направления в места, где заселение соответствует «видам правительства» и при выходе их из явно неблагоприятных в хозяйственном отношении районов. Правительство было принуждено, чтобы хотя бы до некоторой степени сохранить управление растущим переселенческим движением, значительно расширить объём производимых для устройства переселенцев работ, увеличить кредиты на ссуды, развернуть аппарат переселенческого ведомства. Переход после 1904 г. по внешнему объёму правительственных затрат представляет собой картину «расцвета» переселенческого дела.²

В дальнейшем правительство дважды берёт обратно сделанные законодательные уступки: в 1908 г. губернаторам в местах выхода переселенцев предоставлено право приостанавливать выдачу ходоческих свидетельств; в 1911 г. ходачество снова было сделано свободным и опять приостановлено в 1914 г.

Начиная с 90-х гг., правительство издаёт ряд законодательных актов по изъятию для колонизационных надобностей степных земель, формально принадлежавших кочевникам. В практике переселенческой политики на окраинах с нерусским населением начинают всё явственнее звучать шовинистические руссификаторские нотки. В Голодной степи, в Мугани, в Закаспии, на Черноморском побережье участки предоставляются только переселенцам христианам. С этой политикой перекликается и законодательство, направленное к ограничению «жёлтой» иммиграции на Дальний Восток.

Такова была линия правительственного отношения к переселениям в пореформенный период. При всех колебаниях, которые обуславливались напором «снизу» и, по временам, осознаваемым государственным интересом заселения новых земель — правительство оставалось выразителем дворянско-крепостнической точки зрения.

¹ В. И. Ленин. Крепостники за работой, 1901, Соч., т. IV, стр. 170—171.

² По подсчётам А. Петрова из 550 млн. руб., затраченных царским правительством за XIX и XX вв. на переселение, 500 млн. руб. падает на 1900—1917 гг. (Труды гос. научн. исслед. института Землеустройства и переселения, т. XI, стр. 61). Не следует думать, однако, что это обозначает значительное увеличение средств, затрачиваемых на «среднего переселенца». Дело заключается в росте числа самих переселенцев. По оценке Переселенческого Управления за 25 лет (1860—1885 гг.) в Сибирь прошло 300 тыс. переселенцев, а за один 1908 г. по официальной статистике — 650 тыс. переселенцев.

Русский революционный пролетариат решительно выступал против крепостнической политики царского правительства в переселенческом вопросе. Его позиция с полнотой была выражена в ленинской аграрной программе, которую защищала партия пролетариата — партия большевиков. Мы уже приводили ряд высказываний Ленина, свидетельствующих об этой позиции. Партия большевиков последовательно боролась за ломку крепостнических рогаток, оставшихся от дореформенного строя; разоблачала то гигантское ограбление крестьянских земель в виде «отрезков», которое было проведено под видом реформы; требовала возвращения крестьянству этих земель обратно без выкупа, конфискации помещичьих земель. Одновременно с этим оказывалась поддержка стремлениям крестьян к свободе передвижения. Позиции в крестьянском вопросе, которые защищал Ленин, защищала партия, вытекающие не только из общей марксистской оценки законов развития общества, но и из конкретной исторической обстановки России того времени. Пролетариат был теснейшим образом связан с крестьянством. Он пополнялся главным образом выходцами из деревни, в крестьянстве пролетариат видел своего союзника в борьбе и против царизма, и против капитализма, потому что «...только вполне победившая революция сможет дать крестьянству всё в области земельных реформ, всё то, чего крестьянство хочет, о чём оно мечтает, что действительно необходимо ему». ¹ И в числе этих «действительно необходимых» крестьянству вещей пролетариат видел и свободу переселений.

Миграции населения в период развития капитализма выражались в России в виде: 1) Переселения крестьян, именно они и обусловили наиболее значительные межрайонные сдвиги в распределении населения и, в частности, играли важнейшую роль в притоке населения в Сибирь; 2) Сезонными перемещениями в поисках работы; в этих перемещениях главную роль играли те же крестьяне («земледельческий» отход на сельскохозяйственные работы и «неземледельческий» отход на промышленность, на лесные, строительные и т. п. работы). Ввиду огромных расстояний, отделявших Сибирь от основных очагов крестьянского выхода, сезонный отход в Сибирь практически не имел места. Поэтому в дальнейшем мы можем его не касаться. Сезонные потоки шли главным образом из центральных в южные районы Европейской России; 3) Миграций сельского населения в города, связанных с образованием рынка рабочей силы в связи с развитием промышленности. Эти миграции носили главным образом внутрирайонный характер. Например, шли в Москву из деревень окружающих губерний, а Донбасс из прилегающих степных местностей Новороссии и т. п. Сибирь оставалась в пореформенное время окраиной царской

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 94.

России со сравнительно слабым развитием городов и промышленности, и приток населения в города Сибири имел второстепенный характер по сравнению с крестьянскими переселениями. Приток и пополнение городского населения было и здесь в основном внутрирайонным процессом. В таблице 9 даётся подсчёт, сделанный нами по материалам переписи 1897 г., относится он к городам Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской области и Омскому, Петропавловскому, Кокчетавскому, Кустанайскому, Актюбинскому, Семипалатинскому, Павлодарскому и Усть-Каменогорскому уездам тех губерний, которые входили в Степной край.

Таблица 9

	Тысячи чел.	Тоже в %
Общее население	6213,9	—
Из том числе городское	505,7	100,0
Процент городского	8,5	—
Среди населения городов:		
Местные уроженцы ¹	233,3	46,1
Неместные	а) уроженцы других уездов „своей“ губернии . . . . . б) уроженцы других губерний Сибири . . . . . в) внесибирские уроженцы . . .	72,3
		45,4
		154,7
Уроженцы		14,8
		9,0
		30,6

Меньше трети населения городов Сибири являлось несибирскими уроженцами, около четверти составляли «неместные», но сибирские уроженцы, главным образом из «своей» же губернии, и почти половина являлась местными уроженцами. При этом следует иметь в виду, что значительная часть горожан, показанных как несибирские уроженцы, попала в города Сибири также из сибирской деревни. Это — крестьяне-переселенцы «первого поколения», почему-либо перебравшиеся из деревни в город или временно находившиеся в городе. Таким образом действительное участие сибирской деревни в формировании населения сибирских городов было ещё выше, чем это отражает перепись.

Население, пополнявшее сибирские города непосредственно из Европейской России, состояло из купцов, чиновников и т. п. Заметной была категория военных. Из 33 тыс. военных, зарегистрированных в Сибири переписью, более 2/3 было сосредоточено в городах. Приток рабочих был очень невелик, что отражало слабое развитие промышленности и её низкий уровень. Малокачественную рабочую силу могла поставлять и местная деревня. Только после постройки Сибирской ж. д. в Сибири начинается заметный рост рабочих кадров; в городах и станционных

¹ Под «местными уроженцами» перепись понимала уроженцев того уезда, в котором их застала перепись.

посёлках возникает значительная по сибирским масштабам категория железнодорожного населения.¹

Особое место в притоке в Сибирь населения, не связанного с крестьянскими переселениями, занимают кадры (иногда временные), привлечённые в отдельные горно-промышленные центры, в частности центры золотопромышленности (Бодайбо и др.). Однако эти миграции численно терялись в крестьянских переселениях и не были непосредственно связаны с ними. Ограничиваясь лишь немногими местностями, этот поток горнопромышленных рабочих имел большое значение как для экономического развития Сибири, так и для роста политического сознания её населения (Ленские события 1912 г.).

Ссылка в Сибирь, которую, как источник пополнения населения Сибири, мы уже осветили, продолжала играть заметную роль в формировании сибирского населения. Однако, как уже было показано, роль эта была не столько количественной, сколько качественной. Ссылка (мы имеем здесь в виду политическую ссылку) значительно повышала культурный уровень и сибирского города и сибирской деревни. Она была тем в сущности единственным фактором, в силу которого пореформенная Сибирь, эта глухая окраина царской России, во многих отношениях могла спорить по своему интеллектуальному уровню с любой «провинцией» в Европейской части страны.²

¹ К моменту переписи 1897 г. — к этому времени дореволюционная сеть железных дорог Сибири только начинала складываться, — железнодорожное население составляло 19,3 тыс. чел. (сумма по губерниям, охваченным таблицей 9).

² Богатый материал, показывающий культурную жизнь Сибири, собран М. Азадовским в книге «Очерки литературы и культуры Сибири», Иркутск, 1947.

Глава VI. ПОРЕФОРМЕННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ

В пореформенное время переселения в Сибирь принимают такие размеры, что для этого периода мы смело можем считать Сибирь главным, основным, миграционным театром России. Приток в Сибирь за полстолетие нескольких миллионов переселенцев был крупнейшим фактом в перераспределении населения России в период развития и господства капиталистических отношений. Русское народное сознание конца XIX и начала XX века воспринимает переселенческий вопрос как вопрос переселений именно в Сибирь.

Для иллюстрации возрастающей роли Сибири в поглощении переселенцев в таблице 10 приведена картина распределения по районам крестьян, выселявшихся из Полтавской губернии, землёю которой выполнило ряд подробных и тщательных статистических исследований.¹

Таблица 10

На 100 выходцев направлялось	1861— —1876 гг.	1877— —1881 гг.	1882— —1886 гг.	1887— —1891 гг.	1892— —1893 гг.
В Новороссию	37	18	22	26	3
В Предкавказье	53	78	66	28	17
В Закавказье	2	1	6	20	2
В Сибирь	8	3	6	26	78

Движение в Сибирь приобретает отчётливо-выраженный характер массовых аграрных переселений. Крестьянская земледельческая колонизация получает особенный размах после постройки Сибирской ж. д. В ней теряется численно сравнительно скромный поток населения, вызываемый иными мотивами и обстоятельствами, например, приток населения в города, в возникающие новые горнопромышленные посёлки, на железные дороги и т. п.

Область заселения и её порайонные особенности. Территория, на которой во второй половине XIX века интенсивно происходило оседание переселенцев, представляла собой в сущности очень

¹ Таблица составлена нами на основе земских данных, приведённых в работе И. Л. Ямзина «Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян», Киев, 1912.

малую часть всей Сибири. Мы можем оконтурить её в виде клинообразной полосы, которая тянется в широтном направлении непрерывно от Урала до Байкала, продолжаясь в Забайкалье уже в виде отдельных пятен. Ширина этой полосы в общем уменьшается с запада на восток, но при этом как бы пульсирует, имея значительные «утолщения», главным образом, за счёт своей южной границы: первое между Иртышом и Обью (Алтай), второе — в верхнем течении Енисея (Минусинский район). Вдоль северной границы этой полосы можно также заметить «выступы», но более скромные (в районе впадения Тобола в Иртыш, по Оби до устья Чулыма, по Енисею). На западном отрезке этой активно заселявшейся полосы (до Оби) ширина её колеблется от 350 до 750 км, между Обью и Енисеем сужается до 200—250 км, к востоку от Енисея составляет около 200 км. Общая площадь этого обширного, вытянутого с запада на восток «колонизационного бассейна» — около 1,2 млн. кв. км. Географическая «ось» его совпадает с направлением Сибирской железной дороги и является несколько смещённой к югу по сравнению с направлением (впрочем, довольно извилистым) Сибирского тракта в том виде, как он сложился к началу XIX века («сползание» колонизации к югу мы отмечали ещё с XVIII века). В силу этой смещённости по отношению к более раннему направлению колонизации, здесь, особенно в западной части, игравшей, как увидим в дальнейшем, наиболее важную роль в приёме переселенцев, было ещё сравнительно мало русских заселений (кроме казачьих и крестьянских заселений по Иртышу и на Алтае). Этот край, служивший ещё в XVIII веке ареной пограничной «малой войны» с кочевниками, южными соседями русских поселенцев, практически был в большей своей части свободен от оседлого и вообще прочного заселения, в том числе и туземного.

При оценке условий заселения отдельных участков этой полосы весьма существенными являются расстояния их от «коренной» России. Этот фактор, игравший большую роль на протяжении всей колонизации Сибири, стал особенно важным в период капиталистического заселения при господстве товарных форм хозяйства. Условия транспортных связей с российскими рынками или экспортными портами приобрели в это время огромное значение.

Учитывая расстояние «до России», а также речную сеть и рельеф, определявшие во многом конфигурацию транспортных связей, можно разбить весь очерченный «бассейн» как бы на 4 меридиональных пояса: I. Западный, Урало-Иртышский; II. Центральный, Обско-Алтайский; III. Восточный, Енисейско-Предбайкальский; IV. Забайкальский. При установлении границ этих поясов (рис. 9 на стр. 143) удобным оказалось приурочить их к административно-губернским делениям, так как целый ряд отчётно-статистических данных относится к губерnskим единицам, а также к контурам «кабинетских земель» Алтая и Забайкалья, где правовые условия водворения переселенцев имели некоторые особенности.

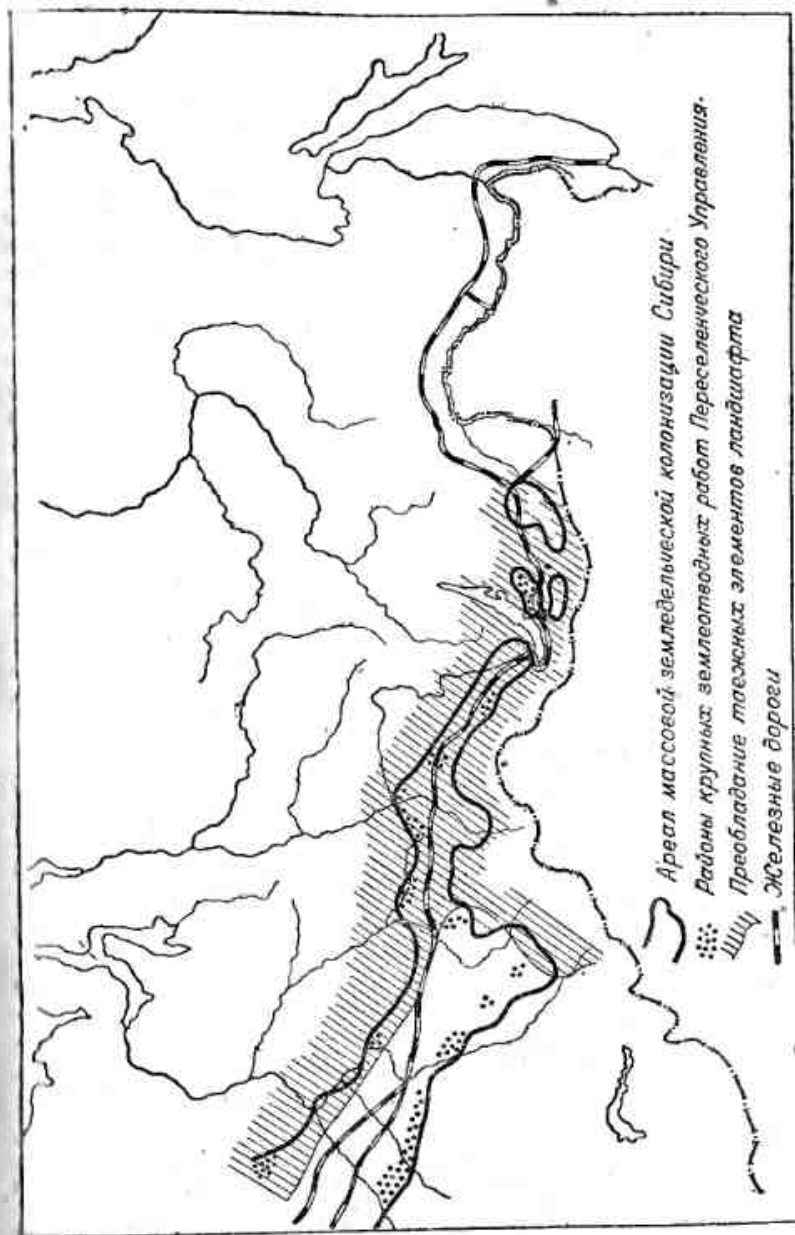

Рис. 6. Основной ареал массовой сельскохозяйственной колонизации Сибири в пореформенное время

В ландшафтном отношении¹ этот колонизационный бассейн характеризуется наличием в западной части таёжной кромки, проходящей по его северной окраине, и степной полосы — по южной. Среднюю, наиболее широкую полосу, занимает лесостепь. Восточнее тайга постепенно смещается к югу и заполняет уже весь колонизационный бассейн. Картина эта нарушается на Алтае, где, с одной стороны, степные и лесостепные ландшафты выражены значительно шире, а с другой, — в колонизационный бассейн вторгаются (при этом не с севера, а с юга) лесные элементы (горная тайга). В Забайкалье колонизируемые островки лесостепей (и отчасти степи) окружены горно-таёжными ландшафтами (рис. 9). Эти ландшафтные характеристики представляют для нас интерес, разумеется, не сами по себе, а в свете особенностей хозяйственного освоения. При этом нам необходимо не терять исторической точки зрения и сами условия освоения рассматривать в связи с тем способом производства, с теми социальными отношениями, которые складывались на осваиваемых землях.

Наложим названные выше «пояса» на ландшафтные зоны. Внешние контуры районированной полосы несколько раздвинем по сравнению с контуром определённого нами выше «колонизационного бассейна» до величины площади около 1,7 млн. км², чтобы захватить и прилегающие территории, где колонизация также шла, хотя и менее интенсивно. Получаем следующую схему районирования² (рис. 9 и табл. 11)

Охарактеризуем в кратких чертах миграционный театр с точки зрения условий для оседания переселенцев, указывая в скобках те районы, в которых выражены отдельные особенности. Рельеф западной половины всей полосы, кроме, разумеется, Алтая, в общем весьма плоский (районы Тобольский, Западный лесостепной, Акмолинский, Томский и Новосибирский. По нашей карте №№ 1, 2, 3, 4, 5). Восточная половина (районы — Енисейский и Чунский, по карте №№ 8, 9; отчасти также Минусинский и Забайкальский, по карте №№ 10 и 11) характеризуется «сопочным» рельефом.³ Крайний запад орошается главным образом реками, текущими с восточных склонов Урала. Реки эти (Тур, Тавада, Ница, Пышма и др., а также Тобол) служили некогда путями проникновения сюда первых переселенцев. С северо-востока Тобольский район (по карте № 1) переходит в Восточно-сибирские болота и более мелкие заболоченные пространства.

¹ Для дальнейшего используем: Естественно-историческое районирование СССР. СОПС АН СССР, М., 1947; С. П. Суслон. Физическая география СССР (Азиатская часть), Л.-М., 1947; Л. С. Берг. Географические зоны Советского Союза, М., 1947.

² Она приурочена специально к задачам анализа процессов переселения в пореформенный период и отнюдь не претендует на «общее» экономико-географическое значение.

³ «Енисей составляет резкую границу, разделяющую как бы два мира. Начиная с правобережья Енисея, и рельеф и органический мир заметно изменяются: правый берег Енисея обрывистый, и противоположение с низменным левым чрезвычайно резкое» (Л. С. Берг. Географические зоны Советского Союза, ч. 1, М., 1947, стр. 112).

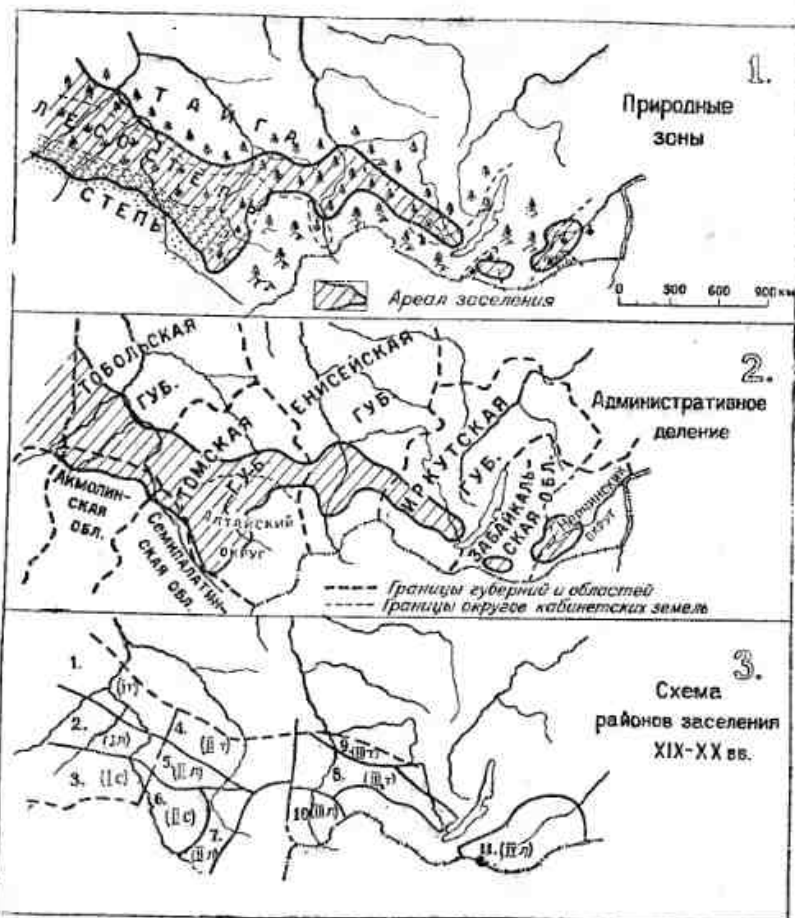

Рис. 9. Районирование территорий Сибири, активно заселявшихся в пореформенное время.

Римские цифры обозначают «ярусы», считая от Урала; буквы т. л. с. — соответственно преобладание в ландшафте тайги, лесостепи, степи.

1. Тобольский. 2. Западный лесостепной. 3. Акмолинский. 4. Томский. 5. Новосибирский. 6. Алтайский степной. 7. Алтайский горный и лесостепной. 8. Енисейский. 9. Чунский. 10. Минусинский. 11. Забайкальский

Тайга в западной части (районы Тобольский и Западный лесостепной, по карте №№ 1, 4) — урманно-болотного типа, пихто-кедрово-еловая «чернь»; однако она во многих местах уже подверглась «осветлению» вследствие длительного обитания здесь человека.¹ Палами объясняют наличие в западно-сибирской тай-

¹ Вот как характеризовал эти процессы для Тарского уезда незадолго до Октябрьской революции один из исследователей: «Несколько десятков лет тому назад эта территория представляла собой вековой и непроходимый урман с преобладанием хвойных пород. Человек появлялся здесь лишь с ружьём в руках, пробираясь по звериной тропе, да за сбором кедровых орехов и ягод. Но с той поры в характере местности произошли значительные

ге больших массивов осинников, большинства так называемых «еланей» («луговых» полян с листовидным редколесьем). Вызывалась даже мысль, что вторичное происхождение, связанное с палами, имеют многие боры, образовавшиеся на песчаных ме-

Таблица 11

Районы колонизации Сибири во 2-й половине XIX и начале XX вв.

Ландшафтные зоны	Пояса			
	I. Западный	II. Централь-ный	III. Восточ-ный	IV. Забай-кальский
Тайга с вариантами	1. Тобольский (сев. уезды Тобольской губернии)	4. Томский (сев. уезды Томской губернии)	8. Енисейский (сев.-зап. уезды Енисейской и западные Иркутской губернии) 9. Чунский (сев. уезды Енисейской и сев.-западные Иркутской губернии)	
Лесостепь и ландшафты предгорий	2. Западный лесостепной (южн. уезды Тобольской губернии)	5. Новосибирский (средн. уезды Томской губернии) 7. Алтайский горно-лесостепной	10. Минусинский (южн. уезды Енисейской губернии)	11. Забайкальский
Степь	3. Акмолинский	6. Алтайский степной		

изменения, и в настоящее время непроходимый ранее дикий урман обратился в местность, вполне пригодную для заселения и с. х. культуры... Громкие лесные пожары, особенно сильные в 40-х, 60-х и 90-х гг. прошлого столетия... совершенно изменили характер травяной и древесной растительности. На смену насаждениям с преобладанием хвойных пород появились громадные площади гарей, поросших затем берёзой и осинкой, местами с примесью сосны, кедра, ели, пихты и лиственницы... Средний возраст насаждений колеблется от 15 до 50 лет. Подлесок составляют: липа, черёмуха, рябина и ягодные кустарники» (Л. Трипольский. Опыты обращения лесных пространств в Сибирь в с. х. уголья и необходимость правительственной помощи переселенцам в деле раскорчёвки леса. Вопросы колонизации, № 15 (1914), стр. 144—145).

Однако гари оказывались благоприятными для с. х. культуры только тогда, когда они не подвергались быстрому заболачиванию, что часто случалось в связи с прекращением дренажного действия леса.² Сибирская урманная тайга после гари, если человек не окультурит гарь, имеет тенденцию восстановиться, особенно, если грунтовые воды стоят высоко.³ Таким образом, пал часто приводил только к «порче» тайги, к превращению её в заболоченный осинник, в котором постепенно снова устанавливалось господство хвойных пород, однако, уже с пониженным бонитетом и возрастным составом.⁴

В восточной половине рассматриваемой полосы (главным образом районы Енисейский и Чунский, по карте №№ 8, 9) переменно рельеф исключал развитие на больших площадях сплошной урманной; но «сопочный» рельеф и пади делали тайгу ещё более проходимой, чем на западе. Отдельные заболоченные территории и здесь сильно обесценивали колонизационный фонд, особенно когда они затрудняли связь с лежащими в глубине от магистральных путей участками, удобными для заселения. Устройство трассы оканавленных дорог, улучшающих естественный сток, являлось технически вполне возможным способом мелиорации таких участков,⁵ но применение его упиралось уже в социальные условия — требовался плановый подход к освоению сразу значительных площадей.

Таёжные промыслы в Енисейском и Чунском районах (по нашей карте №№ 8, 9) играли едва ли не большую роль, чем земледелие в жизни переселенцев и даже старожилов, имевших достаточно времени для окультуривания еланей и возможность упрочить расселение именно к ним. По оценке одного из наблюдательных исследователей в верховьях Кети (то есть в районе Енисейска, на нашей карте район № 8) «средняя крестьянская

¹ На это указывал, например, Городков. Пал, по его мнению, препятствовал специфически урманным хвойным породам (которые он уничтожает) размножиться сосну (которая пал выдерживает). См. Л. С. Берг. Географический атлас Советского Союза, ч. I, М., 1947, стр. 153.

² «Нередко заболачивание местности начинается после лесных пожаров и вырубок, раньше бывших сухими. Причина та, что лес, испаряя громадное количество влаги, на равнинах понижает уровень грунтовых вод и дренажирует местность; с исчезновением леса грунтовые воды выступают на поверхность» (Л. С. Берг. Природа СССР, М., 1938, стр. 42).

³ О. В. Маркграф. Великая Сибирская низменность, её географические особенности и её значение для хозяйства и заселения страны. Землеведение, 1894, т. II—III.

⁴ Весьма обыкновенны были также случаи, когда в результате палов происходили в движение пески (например, прирусловых валов) и портили со временем уже окультуренные земли.

⁵ В соседнем Забайкалье (на нашей карте район № 11) в отдельных местах подобные работы проводились. «Благодаря проведению канав, заболоченные места, прилегающие к строящейся дороге, превратились в почти совершенно сухие площади. До проведения же канав, при отсутствии естественных уклонов на поверхности земли с водонепроницаемой глинистой подпочвой, вся выпадающая вода задерживалась, благодаря густой растительности в верхнем ярусе почвы, обращая сырые места в непроходимые болота» (Г. Ф. Чиркин. Землеустройство и землеустройство в Забайкалье, стр. 73—74).

семья из пяти душ» за год заготавливала до 500 белок (по 50 штук), до 100 пуд. кедровых орехов (по 2 руб. пуд), до 100 пуд брусники (по 3 руб. пуд) — всего рублей на 750. В Чунском районе (район № 9) «главное средство к существованию — звероловство и рыбная ловля, а отнюдь не сельское хозяйство... (Несмотря на то, что) ни одного дома, где бы не было нескольких мелкокалиберных и крупнокалиберных винтовок, промысловые собаки ценятся чуточку, но не в сотни рублей». ¹ Этот район (№ 9) характеризуется наиболее суровыми климатическими условиями, чему способствует и его приподнятость по сравнению с таёжными районами запада; на водоразделах высоты часто превышают 400 — 500 м. Поэтому посевы здесь часто вымерзали. Поскольку сама техника земледелия к пореформенному времени мало изменилась по сравнению с той, какую мы видели здесь в XVII—XVIII вв., наиболее удобными для освоения оставались земли «в полупустыне» — на террасах крупных рек, особенно при южной их экспозиции.

Подготовка таёжных ландшафтов под сельскохозяйственную культуру представляла собой достаточно тяжёлую операцию, поэтому переселенцы по возможности и стремились распланировать свои первые пашни на елях, на клочках луговых ландшафтов попадавших в тайгу (в Енисейском и Чунском районах их звали «подтаёжными местами»). В Сибири практиковалось несколько способов подготовки тайги под пашню, имевших свои сильные и слабые стороны. 1. «Классическим» оставался и в пореформенное время ручной способ: корчёвка пней от вырубленного леса исключительно при помощи мускульной силы. Способ этот был очень трудным, ² но зато весьма простым, давал сразу участки для пашни, на которых почва была минимально деформирована. 2. Выжигание, иногда применявшееся там, где древостой состоял только из хвой. Деревья валились и по ним давали несколько палов, выжигавших и верхние части корневых систем. Первые урожаи после этого были обычно очень хороши, но затем сказывалось то, что палы уничтожали органические вещества дернины: почва оказывалась сильно испорченной. 3. Подсочка для лиственных пород; ствол подрубался «кляцком» таким образом, что пересекались те каналы, по которым в ствол идёт питание; в результате деревья сохнут, причём стволы валят и их корни. Неудобство этого способа заключается в медленности (до 10 лет). 4. Наконец, упомянем о методах машинной корчёвки, которую в нескольких случаях пытались

¹ А. И. Комаров. Правда о переселенческом деле. СПб, 1914, стр. 68—69 и 26.

² «Нечеловеческие усилия нужны крестьянской семье, чтобы добыть себе десятину пашни. Чтобы выкорчевать эти огромные пни, крестьяне употребляют здесь особый рычаг (так называемый лесной чёрт)... Пни должны простоять лет 20 на корню и тогда только легко их выкорчевать без особых рычагов, прямо мотыгой, и вытаскиваются они уже легко. Но ждать 20 лет крестьянская семья не может» (И. Левитов. Ближайшие задачи русской промышленности на крайнем востоке, СПб, 1899, стр. 8).

применять Переселенческое Управление при заготовке участков в таёжной полосе. ¹

Степь. Освоение таёжных земель было связано со многими трудностями; но и в степи, оказавшейся в пореформенный период важнейшим районом оседания сибирских переселенцев, они сталкивались с рядом неблагоприятных обстоятельств. В первую очередь тут надо назвать: 1) общую дефицитность влаги (неустойчивость урожаев, частые засухи, трудность обеспечить водопоем скот, приискать место для самого поселения у надёжного источника проточной воды и т. д.) ²; 2) Отсутствие строительного леса. Оно остро ощущалось в момент первоначального водворения, особенно переселенцами из тех районов, где обычными были рубленые постройки; 3) Отсутствие леса для бытового топливоснабжения; ³ 4) Трудность обеспечить хозяйство сенокосами, запасами кормов для зимовки скота, которые были необходимы для сохранения привычных выходцу из центральной России форм животноводства; 5) Ухудшение почвы по мере движения в глубь степи (смена чернозёма и тёмнокаштановых почв светлокаштановыми, появление всё чаще встречающихся солонцов или каменисто-гравелистых участков. В отдельных местах, например, в Прииртышье — заметное распространение песков).

Всё это создавало для переселенцев-единоличников, не имевших возможности в тогдашних социальных условиях проводить планомерно-организованное освоение степи, немало технических трудностей, хотя само по себе освоение здешних земель всё же было значительно легче, чем «врубание» в тайгу.

Сильно осложняло дело и то, что степные земли во второй половине XIX в. в значительной части и фактически и формально принадлежали кочевникам — казахам. Мы не можем касаться здесь в подробностях истории поземельно-административного устройства кочевавших в Степном крае казахов, которых в то время официально звали «сибирскими киргизами». Основные вехи её: «Устав о «сибирских киргизах» 1822 г., разработанный Сперанским, в основном упразднил ханскую власть в Среднем и Младшем жузах Казахстана. В 1831 г. в Младшем жузе была осуществлена «дистаночная» система управ-

¹ Способ этот оказался, при техническом несовершенстве корчевальных машин того времени и дешевизне труда, экономически мало рентабельным; он оправдывал себя только для наиболее крупных и «тяжёлых» деревьев, почему и считалось, что его целесообразно комбинировать с ручным способом. Большим недостатком машинной корчёвки являлась значительная деформация почвы.

² Статистики Переселенческого Управления стремились учесть причины неудачи переселения, для чего специально опрашивали двигавшихся на запад «обратных» переселенцев. Среди этих причин отсутствие или недостаток воды назвали 33% опрошенных переселенцев, возвращавшихся из Акмолинской обл., 30% из Тобольской губ. и 27% из южных районов Томской губ. (данные за 1885—1896 гг.).

³ Сравнивая степи Сибири и степи Новороссии или Бессарабии, заселявшиеся одновременно, легко убедиться в том, что в более суровой Сибири такая обеспеченность топливом была несравненно тяжелее.

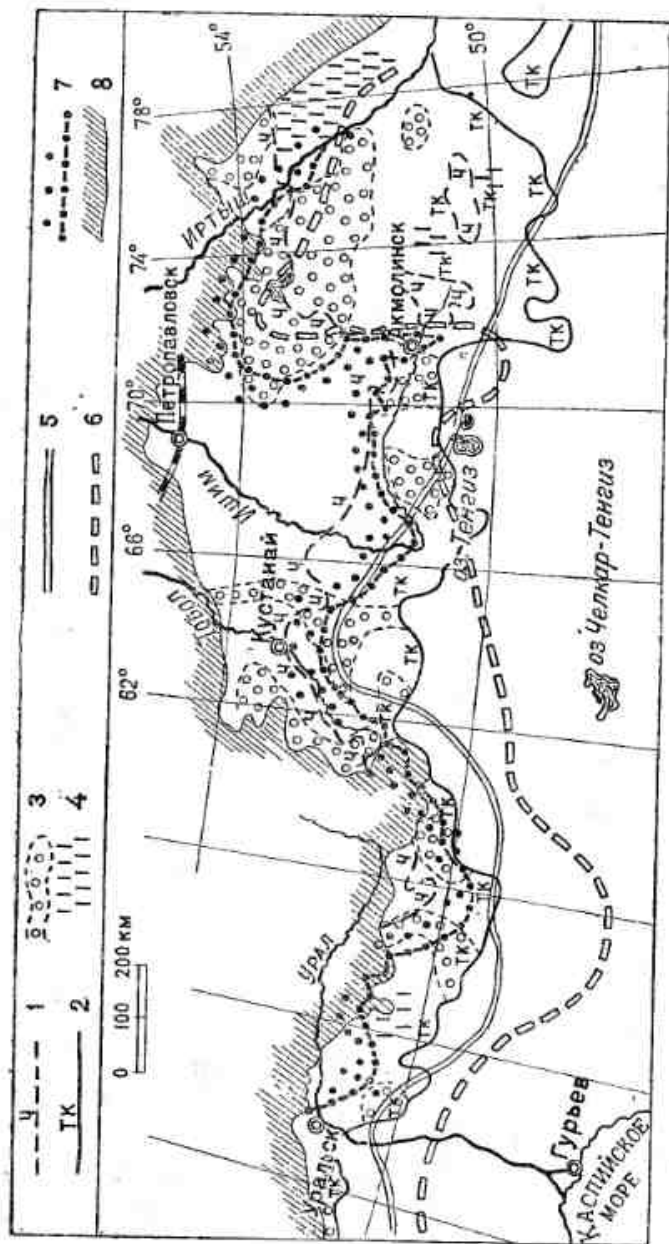

Рис. 10. Природные условия земледельческого освоения южных районов Западной Сибири (Северного Казахстана).

Условные знаки: 1. Границы чернозёма. 2. Границы тёмнокаштановых почв. 3. Комплексы солончаков и солонцов на чернозёмах и тёмнокаштановых почвах. 4. Местности, где почвы по механическому составу мало благоприятны для земледелия (граница и характеристика почв по Е. В. Лобовой). 5. Теоретическая граница зоны «нормальной земельной системы земледелия» (по П. И. Колосову). 6. Фактическая граница земледелия, достигнутая в Октябрьской революции (по М. Ф. Макарову). 7. Переселенческий район. 8. Граница работ Переселенческого Управления в 1914 г. 9. Северная граница Казахстана. 10. Граница степи.

ления — кочевья были разбиты на дистанции, управляемые назначенными правительством султанами. Когда подданство казахов России было закреплено и отдельные вспышки антирусского движения, спровоцированные кочевой знатью (например, восстание Кенысары Касымова 1836—1847 гг.) подавлены, царское правительство издало «Временное положение об управлении в степных областях» (1868 г.), установившее, что все занятые «киргизами» земли являются собственностью государства, но находятся в бессрочном пользовании кочевников на основе фактического владения.

Для нашей темы здесь существенно то, что правительство, с одной стороны, в принципе установило своё право распоряжаться всеми степными землями, с другой, — связало себя признанием фактического землепользования кочевников.

Следует иметь в виду, что правительство было очень непоследовательно в самом применении «Степного положения». Так в 1881 г. были изданы «Временные правила по переселению в киргизские степи сельских обывателей», в 1883 г. переселение в степь было формально приостановлено, в 1889 г. — опять допущено; а в 1891 г. правительство снова связало себя превращением «Временного положения» 1868 г. в «постоянное».

Признание фактического землепользования кочевников оказалось очень важным для хода русской колонизации степей на юге Западной Сибири. Правда, царская администрация на местах фактически в очень широких масштабах производила изъятие земель для раздачи их переселенцам, вызывая этим подчас жестокую нужду у обезземеливаемых кочевников. При этом она покровительствовала захвату лучших земель кулаками-колонистами. Однако административно-поземельное устройство, установленное «Степным положением», формально очень осложняло передачу земель переселенцам: обрекало большинство из них на долгое неопределённое положение «самовольцев», толкало их на аренду земель у туземной знати, которая пыталась извлечь из приговоров аульных обществ о допущении переселенцев выгоды лично для себя.¹

Северный Казахстан, Прииртышье и Алтайский район характеризовались в 70-х, 80-х и 90-х гг. весьма запутанными земельными отношениями. С одной стороны, быстро шло разложение старых форм коллективного использования пастбищ кочевниками-казахами и алтайцами. Сперва зимние «кстау», затем и «джайлау» и «кузау» (летовки и весенне-осенние пастбища), если не юридически, то фактически, становились частной собственностью кочевых богатеев. Коренное население степи проходило процесс очень быстрой социально-классовой дифференциации. Оседание бедноты («джатаков») немалую роль играла их не-

¹ «Степное положение» тормозило и переход наиболее бедной части кочевников к оседлости и земледелию. Стремясь сохранить своё формальное право владения на все обширные земли кочевий отдельных «родов», главари этих родов искусственно сохраняли кочевые формы хозяйства и там, где фактически экономика уже довольно далеко отошла от этих форм.

обеспеченность скотом.¹ С другой стороны, русские переселенцы, в основном кулаки, стремились захватить именно те земли, которые уже были частично окультурены туземцами. И в «просторном», редко населённом крае возникали многочисленные земельные споры, произвольно разрешаемые чиновниками, обычно не в пользу туземцев. Неожиданно распространёнными оказывались отношения аренды, в которой переселенцы-«самовольцы» часто искали временного выхода из своего неопределённого положения. Чиновники путались в немерянной земле; в местных канцеляриях царили самые широкие злоупотребления. «Шаткость оснований, на коих покоится деятельность Акмолинской партии (землеустроительной — В. П.), вполне сознаётся самими этими чинами», — писал в 1896 г. в своём отчёте председатель Комиссии для изучения работ по образованию переселенческих участков И. Тихеев. Неопределённость земельных отношений разоряла одновременно и туземцев и переселенцев.

К середине 90-х гг. проведение Сибирской железной дороги сделало Степной край особенно привлекательным для переселений. В связи с этим в 1895 г. начаты были работы особой статистико-экономической экспедиции Ф. А. Щербини, организованной Министерством Земледелия и Комитетом Сибирской железной дороги. Целью её было установление норм земельных наделов, фактически необходимых для туземного хозяйства в различных районах Степного края в «худшем» случае, то есть при сохранении чисто кочевого хозяйства. Для кибитки с 24 головами крупного рогатого скота (принятой в качестве расчётной единицы) необходимая земельная норма была определена с порайонными колебаниями от 150 до 550 десятин.

Эти исследования должны были служить как бы «экономическим обоснованием», чтобы государство могло осуществить свои принципиальные права на земли кочевников. Земли, оказавшиеся «излишними», стали рассматриваться как колонизационный фонд; обращение которого для нужд переселения могло производиться в обычном порядке органами Переселенческого управления.² Этим степь была открыта для переселений «на общих основаниях».

Дальнейший ход заселения степи был связан с проведением повторных обследований, предпринятых после 1905 г. под давлением «колонизаторских» кругов с целью пересмотреть «нормы Щербини» в связи с якобы происшедшим сдвигом туземного хозяйства в направлении оседания. Они установили значительно более низкие нормы площадей, необходимых кочевникам (от 50 до 350 дес. на хозяйство) и значительно расширили «колонизационный фонд», хотя и прежний фонд далеко не был заселён.

¹ Эти социальные отношения в среде самих кочевников хорошо описаны в вышедшей недавно книге П. В. Погорельского «Оседание кочевников и развитие животноводства» (Академия наук Казахской ССР, Алма-Ата, 1949).

² Соотношение земель, признанных необходимыми для туземцев-кочевников и «излишними», дало на обследованной площади пропорцию 17:10 млн. дес.

одновременно усиленным темпом проводились работы по отводу (на обычных основаниях) наделов казахам, переходившим к оседлости. В этом переходе видели важный источник увеличения площади земель для колонизации. За 1905—1915 гг. в Сев. Казахстане было закреплено за казахами-земледельцами (из которых многие на самом деле имели лишь наработки земледелия) свыше 3 млн. десятин.

Лесостепь. Наиболее благоприятным участком миграционно-театра оставалась средняя, лесостепная, зона. На западе лесостепь широко раскинулась в Алтайских предгорьях (по нашей карте районы №№ 6 и 7); восточнее она занимала большую часть Барабинской идеально гладкой равнины (район № 5) с местными, местами слабо солончаковыми и осолоделыми почвами, широчем, достаточно ещё плодородными. Леса были представлены здесь главным образом берёзовыми и осиновыми колками. На стыке урманов и лесостепи в Барабе уровень грунтовых вод был высок, травостой на открытых местах — богатый. Среди краев большое место занимали злаковые. «Подурманная» Бараба имела как раз те сенокосные угодья, которых не доставало в «чистой» степи, и это делало Барабинский район особо благоприятным для развития скотоводства — не кочевого, как у казахов, а обычного «русского» типа. Некоторым препятствием для широкого земледельческого использования Барабинской лесостепи являлся избыток влаги в почве, связанный с крайней затруднительностью стока. Поэтому здесь — в сущности совсем рядом с сухой степью, где земледельцы подчас испытывали потребность в искусственном орошении, — с конца XIX в. Переселенческое Управление пыталось проводить осушительные работы, заключавшиеся главным образом в искусственном улучшении стока. Однако достигнуты были лишь довольно скромные результаты, так как задача планомерного освоения территории была чужда всей экономической системе царизма. К 1913 г. из общей площади Барабинской степи около 4,5 млн. дес. мелноративной сетью Переселенческого Управления было охвачено до 1,5 млн. дес., но непосредственно подготовлено для сельскохозяйственного использования и включено в переселенческие участки лишь 0,25 млн. дес. В сущности те мелноративные работы, которые были в широком масштабе проведены в Барабинском районе в советское время, пришлось начинать почти сначала.

Деятельность человека привела к значительному окультуриванию ландшафта лесостепи. Там, где прошли линии казачьих поселений и шло заселение Московского тракта, доля распаханых земель была относительно высока, населённые пункты чаще и многолюднее. Порубки прилегающих участков тайги, палы, пастьба скота помогали светолюбивым формам растительности в их борьбе с урманной тайгой и расширяли полосу «берёзовой лесостепи».

Восточнее Барабы, в Енисейском районе (по нашей карте № 8), сплошной зоны лесостепи уже нет, но окультуренные «подтаёжные» места вдоль Сибирского тракта связывали в одну

полосу отдельные елани и изолированные «островки» лесостепного ландшафта у Ачинска, Красноярска, Канска и между Иркутском и Балаганском, где мы вправе говорить даже о своеобразной степной формации.

Особняком стояла Минусинская котловина (по нашей карте район № 10), где довольно значительные «настоящие» степные площади были окружены вплотную (почти без переходных ландшафтов) подступающими к ним горными лесами. Крижки разделяют всю котловину на ряд отдельных «стеней» (Абаканская, Сагайская, Качинская и др.). Чернозёмы и каштановые почвы, несмотря на наличие участков со значительным развитием процессов засоления, отличаются тут высоким плодородием. Правда, засухи и связанные с ними пыльные бури, усилившиеся в результате распашек, приводили к быстрой «порче» почв; в ряде мест уничтожалась вечная мерзлота, обеспечивавшая раньше известный минимум влаги в почве, что придавало степям «луговой характер». Тем не менее в целом природные условия значительных участков Минусинской котловины были сами по себе для переселенцев очень заманчивыми. Богатые горные пастбища тут близки от удобных для распашки мест. В. И. Ленин хорошо знавший Минусинский уезд, неслучайно называл его «сибирской Италией».¹ Обстоятельством, несколько осложнявшим развитие земледелия, была высота 400 и более метров над уровнем моря. При сильных холодах зимой, и часто недостаточном снежном покрове, культура озимых не всегда удавалась. Почти все переселенцы, достаточно обеспеченные землёй, долгое время сеяли почти исключительно яровые. Здесь рано стали известны минеральные богатства — железо, медь, полиметаллы, самосадочная соль, каменный уголь и, хотя и не очень богатые, но легко реализуемые даже при самых кустарных способах разработки, золотые россыпи.² Уже в 1856—1860 гг. в Минусинско-Ачинском районе на золотых приисках было занято 3,8 тыс. рабочих.³

Минусинская котловина в противоположность южно-сибирским степям почти не имела туземного населения. Здесь, на древнем пути частых вторжений монгольских кочевников из районов истоков Енисея, удержались лишь немногочисленные кочевья «минусинских татар», юфаларов и сойотов в горах.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 375.

² Золотые россыпи были открыты здесь в 1835 г., а в 60-х гг. здесь было более полусотни приисков. К концу столетия признаки золота были встречены в настолько большом числе мест, что значительная часть населения «занималась золотничеством», как подсобным промыслом, промывая его шнеками даже на своих огородах. Медные, серебро-свинцовые и железные рудники существовали ещё в XVIII в., но постепенно забрасывались (Ирбитский железоплавильный, Лугазский полиметаллический заводы и много мелких старых предприятий). Добыча самосадочной соли велась до 40-х гг. (Минусинское оз.), после чего оказалось выгоднее соль привозить (см. «Географический словарь» П. П. Семёнова, т. III, СПб, 1867, стр. 250—251).

³ В. Ю. Григорьев. Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири. Записки Красноярского подотдела Вост.-Сиб. отдела Русского Географического Общества по отд. статистики, т. I, вып. I, Красноярск, 1904, стр. 25.

И тем не менее — таково значение географического положения! — Минусинская котловина, лежавшая уже в третьем от Урала «поясе» и при этом в стороне от магистральных путей через Сибирь, заселялась позже и менее интенсивно, чем даже менее привлекательные в природном отношении, но лежавшие западнее (или более «магистрально») пространства.

Забайкалье. Хотя в Забайкалье и были значительные лесостепные, а частично даже степные участки с плодородными серыми оподзоленными почвами, выщелоченными чернозёмами или каштановыми суглинками, значительным препятствием для развития земледелия была приподнятость местности (в долинах — на 500—1000 м над уровнем моря), делающая климат (и без того резко континентальный) довольно суровым; притом зимы здесь часто почти бесснежны.¹ Гористый характер Забайкалья приводил к затруднённости сношений, и освоение приурочивалось по необходимости лишь к небольшим разобщённым участкам по долинам. «Преобладающий долинный характер замыкал и обособливал отдельные группы населения друг от друга. С ростом населения лишь небольшая часть обособленных групп двигалась вверх по долинам, образуя новые выселки; большинство же оставалось на месте.² Забайкалец, родившийся в горах, почти не уходит далеко со своим хозяйством от сёл и деревень. Тот тип пионера тайги — займочника, какой знает Сибирь, в Забайкалье встречается редко. Местные займки — в большинстве «временки» (для косыбы сена и пастьбы скота)».³

Заселение Забайкалья тормозилось и наличием здесь значительного бурятского населения.

Помимо земель, занятых самим бурятским населением, по положению 1853 г. о ламаистском духовенстве, дацаны (буддийские монастыри) и ламы закрепили за собой десятки тысяч десятин лучших земель. По «штату» им полагалось 21,3 тыс. дес., но есть основания думать, что фактическое землепользование их

¹ С. П. Суслов пишет, что в Забайкалье «отсутствие постоянного и достаточно мощного снежного покрова делает невозможной культуру озимых хлебов и многолетних трав, например бобовых, так как их корневая система вымерзает в первую же зиму... Осенняя пахота нецелесообразна, так как при бесснежной зиме и значительной сухости воздуха вспаханное под зябь поле может лишиться последней своей влаги» («Физическая география СССР», М.-Л., 1947, стр. 288). Г. Д. Рихтер, характеризуя Забайкалье в целом, как район «малоснежный», указывает, что на юге Забайкалья снег «образует настолько маломощный покров, что значительная часть площади лишена снега». («Снежный покров, его формирование и свойства», М.-Л., 1945, стр. 100—101).

² Надо отчасти связать это и со староверческим характером многих старых забайкальских «семейских» сёл. Обстановка замкнутых богатых раскольниковых общин не поощряла к пионерству и подвижности. Декабрист М. А. Бестужев в своих воспоминаниях о ссылке в Селенгинском остроге приводит колоритные подробности о хозяйственном укладе раскольниковых поселений в забайкальской «житнице» по р. Чикою, откуда сплавлялись плоты с хлебом и дровами для нужд забайкальских городков-острогов («Воспоминания братьев Бестужевых», под ред. П. Е. Щеголева, т. II, 1917, стр. 234).

³ Г. Ф. Чиркин. Переселение и землеустройство в Забайкалье. Отчёт по служебной поездке летом 1909 г.

было выше, а «земли дацанов и лам... считались частновладельческими и в земельные наделы не включались».¹

Примерно $\frac{2}{5}$ земель так называемого Нерчинского округа «кабинета его величества» (занимавшего почти всю восточную часть Забайкалья) было зарезервировано за кабинетом и не входило в колонизационный оборот вплоть до 1908 г., когда этот округ был формально открыт для заселения «на общих основаниях»; но и тогда отвод переселенческих участков производился с учётом «интересов кабинета». Это делало всё восточное Забайкалье в течение долгого времени как бы заповедником, где в скудных дозах размещались преступники, куда искусственно привлекались вольнонаёмные рабочие на горные разработки, но где почти не росло крестьянское население обычного для Сибири типа — своеобразной смеси старожилов-заемщиков и новых переселенцев.

Переселение в восточное Забайкалье тормозило и обращение в 1851 г. почти всего осевшего здесь ранее крестьянского населения и даже наиболее обрусевшей части бурят в казаки. Земельные претензии Забайкальского Казачьего войска, земли которого были отмежёваны лишь к 1902 г., выключали из колонизационного фонда значительную, и притом лучшую, долю земель, особенно вдоль Аргуни.

Географическое положение Забайкалья влияло на темпы его заселения двояким образом. С одной стороны, Забайкалье лежало в IV, наиболее дальнем от Урала «поясе», при этом в «поясе», плохо связанном с первыми тремя (Кругобайкальская железная дорога была построена только к 1905 г., на 10 лет позже основной части сибирской магистрали). С другой стороны, оно явилось воротами Дальнего Востока, и политическое и хозяйственное закрепление России на Амуре в XIX в. шло, опираясь именно на забайкальский плацдарм. Отсюда в 50—60-х гг. проводились знаменитые «сплавы» войсковых и казачьих частей и крестьян-переселенцев. В ходе заселения Приамурья Забайкалье систематически отдавало колонизационные контингенты Дальнему Востоку из числа своего коренного населения. В частности, на Дальний Восток было переселено несколько тысяч забайкальских казаков. Временами, например при постройке Амурской и Восточно-Китайской железной дороги, правительство скапливало в Забайкалье крупные военные, рабочие и переселенческие контингенты и из западных районов страны для передвижения их в бассейн Амура и Усури. Часть их при этом оседала или надолго задерживалась в Забайкалье. Без учёта этих обстоятельств трудно понять как невысокий темп увеличения населения Забайкалья, так и большую его текучесть.

¹ П. Т. Хаптаев. Бурят-Монголия в период Октябрьской социалистической революции. Иркутск, 1947, стр. 9. Этот автор указывает, что число лам к 1917 г. достигало 15 тысяч. Между тем «штатные» размеры земельных участков, отводившихся ламистскому духовенству, составляли, в зависимости от «духовного чина», от 15 до 500 десятин на каждого.

Общая экономическая обстановка земледельческого населения. Заселение Сибири в пореформенный период совпадало с быстрым развитием в России капиталистических отношений. Экономика Сибири ещё задолго до реформы 1861 г. характеризовалась наличием в ряде случаев высокой товарности. Денежное обращение служило людям, значительные обороты с «валютной» пушниной, развитие транзитной торговли — вот отдельные черты, которые придавали экономике Сибири специфический характер ещё в XVII и XVIII веках. Но несмотря на эти отрицательные черты хозяйство Сибири в целом было крайне отсталым. В отсталых формах развивалась и сама торговля (варварски-рабильские «расторжки» с туземцами, меновой характер якутского торгова, периодически-ярмарочные торговые сношения между купцами Сибири и России и т. п.). Хлебная торговля, хотя и обеспечивала перераспределение хлеба между районами Сибири, захватывала лишь небольшие хлебные избытки и не создавала единого хлебного рынка.

Только в условиях общего развития капитализма во всей стране рыночные отношения приобретают нераздельное господство в экономике Сибири. С этого момента само хозяйственное существование переселенца зависит от рыночных условий, и вся проблема переселения становится в большой степени проблемой включения сибирского хозяйства в общероссийскую капиталистическую экономику.

В пореформенное время массовые миграции населения в Сибирь в основном сводятся к крестьянским переселениям. Поэтому решающими для этих миграций становятся условия развития в Сибири сельского хозяйства. Возможность для сибирского сельского хозяйства занять должное место на общероссийском рынке — прежде всего по хлебу, а затем и по некоторым другим важнейшим видам его продукции определяет собой и силу стимулов к переселениям в Сибирь.

Мы знаем, что возделываемая сельскохозяйственная площадь в Сибири в годы усиления переселенческого движения быстро растёт. Рост посевных площадей дал при сравнении периодов 1901—1905 и 1911—1913 гг. увеличение по Западной Сибири на 100%, по Степному краю — на 138% (при росте по губерниям Европейской России всего на 5%).¹ Росла и хлебная производительность. В пятилетие, следовавшее за первой русской революцией 1905 г., средний годовой сбор всех хлебов Азиатской России (значную долю его давала Сибирь) почти достиг полумиллиарда пудов. Это определяло возможность поступления на внешний (по отношению к Сибири) рынок 60—80 млн. пуд. ежегодно.² Фактическое поступление хлеба на сибирские ж. д. станции участка Челябинск—Ачинск для вывоза на запад составляло в 1901 г. 80 тыс. тонн, за пятилетие 1906—1911 гг. в среднем по 558 тыс. т.,

¹ В. Э. Ден. Курс экономической географии, М.-Л., 1926, стр. 165.

² Азиатская Россия, т. II, стр. 259.

в 1913 г. — 740 тыс. т.¹ В действительности же через товарные каналы проходило несравненно больше хлеба — ведь надо учесть внутрисибирский хлебный рынок вплоть до товарных отношений в самой сибирской деревне.

Экономический эффект сельскохозяйственного производства для переселенцев определялся не столько объёмом полученной ими продукции в натуральном выражении, сколько выручкой от её продажи. Сибирские цены на хлеб — вот что приобретало важнейшее значение для процесса дальнейшего сельскохозяйственного освоения земельных просторов Сибири, а следовательно и для хода дальнейшего заселения её. Сибирскими же хлебными ценами управляли, с одной стороны, цены русского рынка (связанные с мировыми ценами), с другой, — стоимость провоза хлеба в Россию и в западные хлебозэкспортные порты.

Расстояние, отделявшее сибирского производителя хлеба от русских потребительских рынков или хлебозэкспортных портов, получало своё экономическое отражение в виде издержек по транспортировке сибирских продуктов. От того, как велики были эти издержки, зависела сама выгодность ведения хозяйства в Сибири, а значит и размах крестьянских переселений в Сибирь.

Неудивительно, что постройка Сибирской железной дороги явилась важнейшей вехой развития сибирских переселений, притом не столько потому, что наличие дороги облегчало сами переселения, сколько в силу того, что она создавала более благоприятную экономическую обстановку сбыта хлеба, производимого в переселенческих хозяйствах. Последнее обстоятельство следует поставить на первое место, отнеся на второе — общее оживление экономики Сибири, достигнутое в результате постройки железной дороги, и лишь на третье — само облегчение переселений, хотя применительно к нашей теме существенно интересен и этот момент, на котором мы и остановимся дальше.

«Проблема преодоления пространства», острая для экономического развития Сибири с тех пор, как она вошла в состав Русского государства, особенно обострилась в период развития капитализма, включившего в круг сибирского товарооборота раньше слабо участвовавшие в нём громоздкие массовые продукты. Но социальный строй царской России был способен обеспечить, притом со значительным запозданием, лишь крайне недостаточное и одностороннее разрешение этой проблемы, к тому же извращавшееся классовыми противоречиями.

Постройка Сибирской дороги, о необходимости которой твёрдо утверждали многие передовые люди того времени, явилась не результатом правильно понятой потребности развития самой Сибири, а одним из средств осуществления затеянных царским правительством империалистических авантур на Дальнем Востоке. Трасса дороги проводилась без должного учёта интересов заселения и сельскохозяйственного освоения Сибири. На значи-

¹ «Проблема сибирской сверхмагистрали». Сб. под ред. Г. М. Крижановского. Плановое хозяйство, М., 1928, стр. 2—3.

тельных участках она прошла севернее, чем следовало по соображениям развития Сибири. Когда дорога только вступала в строй, разгорелась жестокая борьба вокруг хлебных тарифов.

Рис. 11

тельные тарифы на русских железных дорогах были дифференцированы по расстояниям: при провозе на далёкое расстояние ставка с каждого километра уменьшалась. Помещики-землевладельцы Европейской России стремились удержать внутренние и экспортные цены на хлеб на высоком уровне, поэтому они были заинтересованы в том, чтобы сибирские хлеботорговцы не могли «бить» эти цены, используя относительную дешевизну «далёкого» тарифа. По их настоянию в 1897 г. в тарифную систему на перевозки хлеба было введено искусственное дополнение: установлен так называемый «челябинский перелом» тарифа, по которому для хлеба, шедшего из Сибири, тариф исчислялся до Челябинска и после него раздельно. От Челябинска расстояния начинали отсчитываться заново, совершенно таким образом как будто довезённый до Челябинска груз был здесь выгружен, сдан на весовую и затем снова отправлен на запад. Благодаря этому перевозки хлеба на расстояния свыше 2134 км были лишены преимуществ более дешёвого тарифа за дальность провоза. Это был ярким удар по сибирскому крестьянину-хлебопроизводителю,

так как сибирский хлеботорговец перекладывал удорожание перевозки на плечи крестьянина, которому он мог диктовать цену. Конкретно переплата за «перелом» тарифа составила для сибирского хлеба от 4 руб. 88 коп. до 6 руб. 10 коп. с тонны. В 1901 была введена новая тарифная схема, ещё несколько увеличившая транспортные издержки при провозе хлеба в Европейскую Россию из районов, лежавших к востоку от Новосибирска.

Насколько «угроза» снижения хлебных цен вследствие поступления хлеба из Сибири была для российских аграриев реальной, видно из того, что, даже несмотря на эти рогатки, в отдельные годы хлеб, прибывавший в Москву с расстояния свыше 2134 км (то есть из Зауралья), составлял по данным транспортной статистики до 15—17% от общего подвоза (для Петербурга до 12%).¹

Только с 1910 г. сопротивление аграриев было сломлено. Царское правительство, заинтересованное в усилении хлебэкспорта, решило отменить челябинский тарифный перелом; но характерно, что отмена его затянулась на 3 года, удешевление провоза выдилось постепенно. В 1911 г. переплаты были уменьшены на 40%, в 1912 г. — на 70% и лишь в 1913 г. перелом был вообще упразднён.

Характерна также робкая попытка обеспечить экспорт сибирского хлеба, как бы в обход внутреннего рынка, путём постройки ж. д. линии Пермь — Вятка — Котлас, рассчитанной на то, чтобы направить хлебный поток через Северную Двину и Архангельский порт непосредственно на экспорт. Попытка эта не дала почти никаких результатов. Путь на Архангельск, хотя на нём и применялся челябинский перелом, оказался нерентабельным из-за многих перегрузок,² из-за дорогих фрахтов на Архангельск и короткой навигации по Белому морю. Перед первой империалистической войной хлеб составлял всего лишь около 4% экспорта Архангельского порта.³

Не раз ставился также вопрос о вывозе хлеба из Сибири через устья сибирских рек, но, как известно, царское правительство было неспособно серьёзно обеспечить плавание Северным морским путём.

Таким образом антагонистически-классовые социальные отношения в царской России периода развития капитализма создавали серьёзные препятствия для экономического развития Сибири даже в качестве аграрной окраины.

Большой интерес представляет тот частичный выход, который крестьянство заселяемых районов Сибири ответило на неспособность царского правительства разрешить для Сибири проблему

¹ Историю борьбы вокруг «челябинского перелома», очень ярко отражавшего классовую политику царского правительства, подробно изложил А. Ф. Зайцев (Очерки по истории ж. д. тарифов в СССР, т. I, Хлебные тарифы, М., 1925).

² Участок ж. д. Тюмень—Омск до 1913 г. ещё не существовал, и для Тюмени надо было тянуть также водой.

³ В. В. Покшишевский. Архангельск. Экономико-географический очерк. Изв. Вессоюзн. Географ. Общ., 1941, № 1.

пространства. Мы имеем в виду развитие сибирского маслоделия. Скапливая зерно скоту, можно было «превратить» хлеб в молоко, а молоку придать транспортабельную форму масла. Вывоз масла из Сибири, — особенно из тех её районов, прилегающих к Барабе, которые, как мы видели, располагали и значительными естественными кормовыми ресурсами для животноводства, — игравший и до постройки Сибирской ж. д. известную роль, стал быстро расти. За 1901—1910 гг. он увеличился почти вдвое, достигнув 4,3 млн. пуд.; в 1912 г. одного экспортного масла из Тобольской и Томской губерний было вывезено почти 4,5 млн. пуд. — на 68 млн. руб.¹ Львиную долю выгод от развития маслоделия получали скупщики и крупные кулацкие хозяйства, но всё же оно являлось во многих районах Сибири значительной поддержкой и для хозяйства рядовых переселенцев.²

Приток неземледельческого населения. Выше мы подходили к общим экономическим условиям заселения Сибири с точки зрения земледельческой колонизации, имея в виду господство в пореформенное время именно крестьянских переселений. В 1911 г. в Сибири (без Дальнего Востока, но со Степным краем) жило 8,6 млн. русских и украинцев, в том числе в городах всего 0,95 млн. жит. Неземледельческая колонизация имела гораздо более скромное значение, чем земледельческая. Развитие большинства сибирских городов лишь отражало рост земледельческого населения соответствующих местностей, для которых они сделались экономическими центрами. Некоторые города представляли собой уже давно сложившиеся торговые и административные центры, увеличивающееся значение которых было опять-таки косвенно связано с общим земледельческим подъёмом Сибири. Хорошим примером города, в котором были совмещены черты и того и другого, может служить Новосибирск. Только в 1894 г. здесь возник в связи со строительством железной дороги посёлок Гусевка; к 1897 г. в нём было 7,8 тыс. жит., а через 20 лет в выросшем из него городе уже стало 70 тыс. жит. Городом Новосибирск (тогдашний Ново-Николаевск) объявлен уже с 1903 г. Стремительный рост его опирался на приток населения из окружающей густозаселённой округи, на развитие торговли и отчасти промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья, на транспортные функции (перевалка грузов с Оби на железную до-

¹ Азиатская Россия, т. II, стр. 332.

² Маслоделие объединило десятки тысяч сибирских крестьянских хозяйств в артели. В условиях дореволюционной России создание многих сотен крестьянских кооперативов, которые пытались вести борьбу с оптовиками — скупщиками масла, было выдающимся фактом. К 1911 г. в Тобольской и Томской губерниях было 1319 кооперативных маслодельных заводов — лишь немногим меньше, чем частных (1784). Некоторые из них перерабатывали по 100—180 тыс. пуд. молока в год (Азиатская Россия, т. II, стр. 336 — 337, 333). Разумеется, социальная природа этой кооперации оставалась в то время капиталистической, тем более, что кооперативами управляло в большинстве кулачество. Тем не менее развитие сибирских маслодельных артелей очень характерно, как попытка более зажиточной части сибирского крестьянства выйти на «американский» путь развития капитализма, в то время как царское правительство толкало страну на «пруссский» путь.

рогу). Однако по темпам своего роста Новосибирск был для пореформенной Сибири исключительным и поэтому нехарактерным случаем. В подавляющем большинстве города Сибири, даже достаточно крупные, росли медленно. Показательно, например, что население даже наиболее важного экономического и культурного центра Сибири — Иркутска, который в 1897 г. имел 51,5 тыс. жителей, в 1912 г. не достигло ещё 100 тыс. жителей (98,8 тыс. чел.). В 90-х гг. XIX века число рабочих Иркутска определялось примерно в 4 сотни — почти в 10 раз меньше, чем ремесленников.¹

Незначительная роль городов в поглощении мигрировавшего в Сибирь населения связана с общеизвестной промышленной неразвитостью Сибири. В 1908 г., по данным фабрично-заводской статистики, губернии Тобольская, Томская, Енисейская, Акимовская, Семипалатинская и Иркутская и Забайкальская область сосредоточивали всего лишь:²

	Число	В ‰ от соотв. показателей по всей империи
Число предприятий	500	2,5
„ рабочих в них (в тыс.)	20,8	1,0
Сумма производства в млн. руб.	60,3	1,3

Эти цифры показывают не только то, что промышленность Сибири была вообще слабо развита, но и то, что в этой промышленности преобладали мелкие предприятия. Доля Сибири по стоимости производства была выше, чем по числу рабочих; но это объяснялось не более высокой производительностью труда (которая была, наоборот, очень низка, так как сибирская промышленность являлась технически крайне отсталой), а отраслевым составом её: преобладанием переработки с. х. сырья (винокурение, мукомолье, маслоделие и проч.) и значительным удельным весом добычи золота.

Для развивавшейся капиталистической промышленности России Сибирь являлась аграрной колонией, и она не была заинтересована в развитии сибирской промышленности. К Сибири этого пери-

¹ Ф. А. Кудрявцев и Е. П. Силин. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1947, стр. 146. Для характеристики экономической неравномерности Иркутска мы сгруппировали некоторые категории самодельного населения, зарегистрированные переписью 1897 г. (всего это население насчитывало 28,3 тыс. чел.). Вот какие группы (по источнику существования) являются типичными: чиновники (администрация, полиция, почта и пр.) — 1,24 тыс. чел., пенсионеры и рантье — 3,78 тыс., торговля (кроме питейной) и кредит — 1,79 тыс., железнодорожный и водный транспорт занимали всего 0,22 тыс., зато павоз — 0,87 тыс. «Лишённых свободы и отбывающих наказание» насчитывалось 408 чел., трактирщиков, персонала гостиниц, лиц, занятых в «питейной торговле» и проституток значилось 477; попов и монахов было 302, военных — 2,81 тыс. Сравнительно много народа имело средством существования земледелие — 1,06 тыс. чел. Из общего населения города в 51,5 тыс. чел. уроженцами Иркутской губернии являлось 33,7 тыс. чел. (Перепись 1897 г., т. LXXV, 1904, табл. VI, XXI).

² Динамика российской и советской промышленности за 1887—1926 гг., т. I, ч. II, М., 1929.

да можно смело отнести следующую оценку В. И. Ленина, объясняющую, почему на аграрных окраинах крайне замедленно шло развитие промышленности: «степные окраины были в пореформенную эпоху колонией центральной, давно заселённой Евр. России. Обилие свободных земель привлекало сюда громадный приток переселенцев, которые быстро расширяли посевы. Широкое развитие торговых посевов было возможно только благодаря тесной экономической связи этих колоний, с одной стороны, с центральной Россией, с другой стороны — с европейскими странами, ввозящими зерно. Развитие промышленности в центральной России и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого... Только благодаря этому общественному разделению труда поселения в степных местностях могли заниматься исключительно земледелием».¹

Горные разработки создали в Сибири лишь единичные и сравнительно немногочисленные очаги притяжения населения, к тому же лежавшие в большей части за пределами рассматриваемого нами «основного» миграционного театра (Ленские золотые прииски, прииски по среднему течению Енисея, прииски бассейна Амура).

Что касается Алтайского горнопромышленного района, то он, после отмены крепостного права, дававшего раньше казённым заводам даровой принудительный труд крестьян, быстро пришёл в упадок. Большинство заводов стало свёртывать своё производство, а затем было закрыто²; население их разошлось. Так в Салаире было в 1858 г. 3,4 тыс. жит., а в 1888 г. — только 0,8 тыс.³ Перед самой Октябрьской революцией на Алтае усилилась деятельность концессионеров, но они не смогли поднять горное производство. Возрождение Алтая, как сокровищницы недровых богатств, целиком относится уже к советскому времени. Небольшие работы, проводившиеся концессионерами, главным образом по добыче россыпного золота, не привлекали пришлое население, так как в густозаселённом к этому времени Алтае концессионеры легко находили местные рабочие руки.

Добыча углей началась в Кузбассе (Анжеро-Судженск с 1897 г., Кольчугино лишь перед самым началом первой мировой войны) и в Черемхово (с конца 90-х гг.). Уголь шёл почти исключительно для нужд Сибирской ж. д. и добыча его была невелика; к 1913 г. она достигла в Кузбассе 0,8 млн. т., в Черемхово 0,5 млн. т.⁴ Такой незначительный объём угледобычи позволял обходиться на мелких полукустарных шахтах местной рабочей силой и не вызывал сколько-нибудь значительного стягивания населения в центры угледобычи, а тем более — притока рабочего

¹ В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 194.

² Томский завод в 1864 г., Гавриловский и Салаирские рудники в 1847 г., Гурьевский — в 1908 г.

³ К. И. Спидченко. Города Кузбасса, М., 1947.

⁴ А. Е. Пробст. Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР, М., 1939, стр. 32—33.

населения из Европейской России. Население Анжерки и Сунженки—двух посёлков, в которых добывался почти весь кузнецкий уголь, составляло всего около десятка тысяч человек, причём в большинстве это были жители соседних или оказавшихся на территории посёлка деревень.

Но в сущности и те очаги горной промышленности, которые возникали в совсем почти незаселённых местах, также приводили лишь к временному притоку, главным образом, местного, сибирского же населения, лишь в слабой степени вызывая движение из Европейской России. Даже создавший подобие «золотой лихорадки» Бодайбинский район опирался в основном на сибирские кадры. Число рабочих золотой промышленности на Лене достигало в отдельные моменты довольно внушительных цифр. Так в 1912 г. здесь было более 13 тыс. рабочих.¹ Однако преобладали среди них сибиряки, да к тому же работа на приисках не создавала прочной оседлости. И. П. Шарапов на основании архивных документов устанавливает, что в 90-х гг. около $\frac{3}{4}$ рабочих являлось сибиряками.² И сибиряки и «пришлые» были, как правило, бедняками. Вот что говорят приводимые этим автором данные опроса 3,7 тыс. сибиряков и 2,2 тыс. «пришлых», проведённого санитарным врачом Е. Н. Корневым:

	Было в %/о среди	
	сибиряков	пришлых
Безземельных и с наделом		
до 1 дес.	18,9	52,8
С наделом 1—2 дес.	21,5	32,8
Безлошадных	25,3	42,0
Имеющих 1 лошадь	24,9	26,8
Бескоровных	24,3	42,1
Имеющих 1 корову	29,5	87,6

Из «пришлых» (выходцев из Европейской России) $\frac{2}{3}$ работало на приисках лишь один сезон, так как «золотые горы» обречивались не слишком привлекательной стороной. Среди попадавших на прииски рабочих было очень мало женщин (меньше $\frac{1}{6}$), что ещё раз говорит о временном характере работы.

Размеры переселенческого движения. Численный объём «перелива» населения в Сибирь, происходившего в пореформенный период, определить не так просто. Несмотря на то, что уже, начиная с 80-х гг., велась регистрация переселенцев³ (с 90-х гг. она значительно совершенствуется и результаты её систематически разрабатываются по весьма детальной программе), этими

¹ Ф. А. Кудрявцев. Дневник ленской забастовки 1912 г., Иркутск, 1938.

² И. П. Шарапов. Очерки по истории ленских золотых приисков. Иркутск, 1949.

³ Ниже мы покажем, что масштабы движения до 80-х гг. были настолько невелики, что точной оценкой их за этот отрезок времени можно было бы пренебречь.

казалось бы, точными, специально собранными данными можно пользоваться лишь очень осторожно.¹

Регистрация переселенцев была приурочена к немногим «выходным» в Сибирь железнодорожным пунктам, не учитывала расплывчатого движения по трактам и просёлочным дорогам. Она производилась сперва в Тюмени, а затем в Челябинске и не охватывала железнодорожного движения в Тургайскую и отчасти в Акмолинскую области через Оренбург. Регистрировались только «официальные» переселенцы (позже в их число включались и «самовольцы»). Те, кто попадал в Сибирь помимо переселенческих партий, не включались в публикуемые цифры, которые таким образом в лучшем случае могли дать представление об объёме собственно сословно-крестьянского переселения.

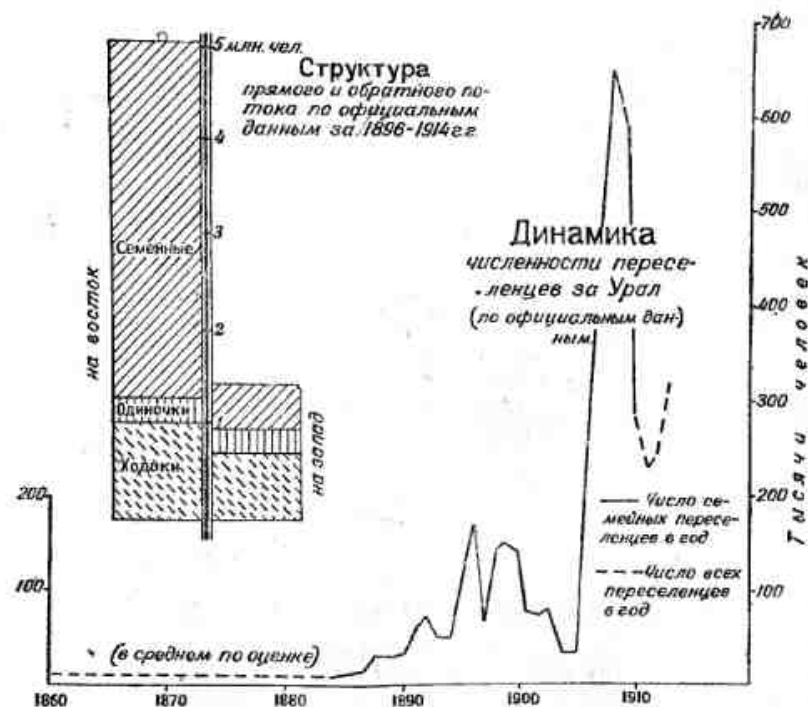

Рис. 12

«Обратничество», по мере того как в переселенческое движение втягивались наиболее разорённые слои крестьянства, давало весьма высокие цифры, что настойчиво отмечалось в революционной печати, разоблачавшей лицемерный оптимизм официаль-

¹ Для дальнейшего использования данные официальной статистики, а также самостоятельная разработка Турчанинова и Домрачева «Итоги переселенческого движения», т. II, 1916.

ных данных Переселенческого Управления.¹ Между тем, нельзя надеяться на надлежащую корректировку путём простого вычитания обратного движения из прямого: учёт обратных переселенцев, многие из которых пробирались домой в одиночку, иногда проскитавшись в Сибири ряд лет, был менее полным, чем переселенцев прямых, шедших крупными партиями, заинтересованных в регистрации в интересах получения путевых ссуд, льготного питания и т. д. Число прошедших в «прямом» направлении переселенцев, число водворённых в Сибири и число учтённых «обратных» совершенно «не сходятся».² Вопрос осложняется и тем, что в числе водворяемых в любой год находятся прибывшие годом, а то и несколькими годами раньше.

Так как в число регистрируемых попадали и лица, исползовавшие переселенческие льготы (например, в части тарифа) для проезда на временную работу, многие авторы считают, что «настоящими» переселенцами были только семейные, шедшие в Сибирь с намерением устроиться там на постоянное жительство.³ Но, отбрасывая вовсе всех одиночек, мы преуменьшим объём движения (хотя и не на много, так как число одиночек составляло в общей массе переселенцев по данным 1896—1914 гг. лишь около 5%). Наконец, статистику запутывали ходоки, которые учитывались отдельно, но, видимо, тоже частично оседали в Сибири.⁴

Ещё меньше можно опираться на официальные цифры водворения, которые по существу могли бы представить для нас наибольшее значение, поскольку нас интересует фактический ход заселения, вызывавший и соответствующие экономико-географические последствия в виде освоения территорий. В осуществлении водворения правительственные органы катастрофически отставали от запросов жизни.⁵ Бесплодное ожидание водворения часто кончалось тем, что переселенцы, особенно «самовольные», сами добивались водворения путём приписки к одному из старожилов.

¹ «...упадок числа переселенцев, — писал Ленин в 1913 г., после того, как «пик» 1909 г. склынул, — при невероятном росте числа «обратных» — 36% и 60% — означает, без всякого сомнения, кризис и притом чрезвычайно серьёзный, охватывающий неизмеримо более широкую арену» (Соч., т. XVI, стр. 374). «Разорённые, обнищавшие, голодные массы... метнулись на переселение (1907—1909 гг.) и — дали, наконец, 60% обратных переселенцев, то есть разорились и озлобились ещё больше» (Соч., т. XVI, стр. 387).

² Например, за 1901—1908 гг. по официальным данным прошло в прямом направлении 1552,4 тыс. переселенцев, водворено в Сибири 564,0 тыс., учтено обратных 285,0 тыс. чел. — «баланс» отсутствует. Сравни комментарий В. И. Ленина к выступлению в Гос. Думе с-д. депутата А. А. Войлочникова (В. И. Ленин «Переселенческий вопрос», Соч., т. XV, стр. 524—532).

³ Так поступали, например, И. Л. Ямзин и В. П. Воццини, считавшие, что одиночки — элемент в колонизационном смысле не очень прочный в смысле твердости желаний осесть на водворение» (Учение о колонизации и переселениях, М.-Л., 1926, стр. 31).

⁴ За 1896—1914 гг. их зарегистрировано в восточном направлении 1025,4, в западном — только 723,2 тыс. душ.

⁵ В 1911 г. в Сибири было до 1 млн. неустроенных переселенцев (И. И. Попов. Переселение крестьян и землеустройство Сибири, Великая реформа, т. VI, стр. 255—256).

ческих обществ, иногда — путём основания вольных займок и т. д. Подобные случаи в официальный учёт не попадали вовсе или попадали со значительным опозданием.

Поэтому для определения конечного объёма переселений в Сибирь приходится пользоваться всей совокупностью данных как прямых, так и косвенных.¹ При этом мы можем рассчитывать получить в итоге лишь приближённые величины; впрочем, нам нет необходимости добиваться точных цифр, ведь мы подходим к теме переселений не с позиций статистики, а географии.

Исходя из всей совокупности данных, общий объём миграций в Сибирь (в губернии: Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую и области Забайкальскую, Акмолинскую и Тургайскую²) за период 1861—1914 гг. мы определяем величиной, несколько превышающей четыре миллиона человек. Основанием для этого является следующее.

Численность населения Сибири составляла накануне реформы 3986,5 тыс. чел.³ В 1897 г. население Сибири в указанных выше границах составило 6253,2 тыс. чел., а за вычетом коренных «инородцев» — около 4,9 млн. чел. Если предположить, что численность «инородцев» была на протяжении этого периода стабильной или росла очень незначительно, численность пришдего из России населения в Сибирь к моменту реформы определится, приблизительно, в 2 млн. чел. К 1911 г. число русского населения Сибири с украинцами и белоруссами составляло по официальным данным 8,59 млн. чел.⁴; прочие национальности, пришедшие из России (евреи, латыши, литовцы, эстонцы, поляки,

¹ Исключительную ценность, разумеется, имеют цифры переписи 1897 г., дающие число неместных уроженцев с указанием губерний рождения. Эти данные, будучи по смыслу косвенными, дают вместе с тем прямую «фотографию» результатов миграций в полном их объёме, включая даже временно и случайно находящееся в Сибири население. К сожалению, эту «фотографию» мы имеем только для одного момента, при этом совпадающего как раз с «средней» разворота пореформенного миграционного процесса.

² Иммиграция в Якутскую область была ничтожной и может быть вовсе сброшена со счетов; эта область даже не входила в сферу деятельности Переселенческого Управления. Заселение Амурской и Приморской областей и Семиречья шло «через» Сибирь, служившую для этих районов «транзитной» областью и отчасти отдававшую им и собственное население; впрочем, на баланс населения Сибири эта отдача не могла значительно влиять по своей несоизмеримости с притоком переселенцев с запада. Что касается Тургайской области, то заселялся главным образом её северо-восточный угол (район Кустаная), который по совокупности природно-географических условий и условий хозяйственного тяготения приходится рассматривать вместе с Сибирью.

³ Без Дальнего Востока и Якутской области, но с включением областей «сибирских киргизов» и «киргизов Оренбургского ведомства» Центрального и части Южного Казахстана и Южного Приуралья, то есть в объёме несколько большем, чем Сибирь в собственном смысле. Данные взяты в «Статистических таблицах Российской империи», вып. II, наличное население в 1858 г. Сост. А. Бушен (Центральный статистический комитет, СПб. 1861).

⁴ Население 1911 г. здесь и дальше — по «Азиатской России», т. I, стр. 86—87.

кавказцы, немцы и т. д.), составляли до 300 тыс. чел. Всего, следовательно, пришлое население увеличилось с момента реформы

К 1897 г. — на 2,9 млн. чел.
 К 1911 г. — на 6,9 " "
 За 1897—1911 гг. — на 4,0 " "

Темп переселенческого движения в общем сильно возрастал. Годовое число переселенцев колебалось в 60-х — 70-х гг. около 10 тыс. чел., в 80-х гг. между 20 и 30 тыс. чел., в 90-х гг. не опускалось ниже 50 тыс. чел., поднимаясь в отдельные годы почти до 200 тыс. чел., в 900-х гг. держалось систематически, кроме годов русско-японской войны, на уровне нескольких сот тыс. чел. Максимум движения пришёлся на 1908 г. (758,8 тыс. переселенцев и ходоков). Это надо учесть при отнесении части увеличения «пришлого» населения на счёт естественного прироста. Из увеличения численности «пришлого» населения за 39 лет (1858 — 1897 гг.) на 2,9 млн. чел. на долю механического притока падает, вероятно, до 1 млн. чел.¹ За 14-летний период 1897 — 1911 гг., когда «пришлого» население выросло на 4 млн. чел., механический приток составил, вероятно, почти 3 млн. чел. Имея в виду ещё 1911—1914 годы, мы можем полагать, что наше предположение об общем объёме миграций за 1861—1914 гг., несколько превышающем 4 млн. человек, достаточно правдоподобно.²

¹ По переписи 1897 г. в Сибири числилось 1358,7 тыс. чел. «неместных» уроженцев, то есть уроженцев не тех губерний, где они проходили перепись. Из этого числа следует исключить уроженцев сибирских губерний (почти 200 тыс. чел.), воинские контингенты, расквартированные в Сибири и в основном состоявшие из уроженцев «русских» губерний, а также часть ссыльных, находившихся в Сибири временно. В результате приходим примерно к той же цифре около 1 млн. чел. притока населения за предшествовавший почти 40-летний период.

² Правдоподобие этого расчёта может быть проверено обратным путём — определением того, каким должен был быть естественный прирост, чтобы при предположенном нами механическом притоке получились резуль- тативные цифры, полученные путём переписи или учёта. Пользуясь обычной формулой роста по сложным процентам $I_2 A = I_1 a + t \cdot I_1 g (1 + r)$, мы при- извели определение годового естественного прироста. Для периода 1858—1897 гг. мы подставляли в эту формулу следующие значения: $A = 3,9$ млн. чел., $a = 2,0$ млн. чел., $t = 38$ лет; для периода 1897—1914 гг. $A = 5,9$ млн. чел., $a = 4,9$ млн. чел., $t = 14$ лет. Величина « r » (естественный годовой прирост в %) составила в первом случае 1,95%, во втором 1,37%. В действительности прирост должен был быть несколько ниже, так как его абсолютную величину нельзя относить к начальной численности населения ввиду происшедшего механического притока, ежегодно увеличивавшего величину « a ». «Прямые» исчисления естественного прироста, которые служат для нашего расчёта контролем, имеются лишь для последних годов. А. Г. Ракин подсчитал этот прирост для 1901—1913 гг. в 1,84% (Вопросы географии, сб. 20), М., 1950, стр. 119); Н. Турчанинов даёт для 1910—1911 гг. цифру в 1,04% по собственно Сибири и 1,89% по оседлому населению Степного края. Порядок принятых нами цифр соотношения естественного прироста и механического притока, таким образом, вполне правдоподобен. На большую точность проверки здесь трудно претендовать, так как для этого надо было бы учитывать погодно изменявшуюся базисную величину « a », а при желании добиться ещё большей точности — также погодно менявшуюся возрастную структуру населения, соотношение полов, удельный вес населения в данном возрасте и т. п., то есть располагать таким кругом показателей, которого статистика нам не даёт. Но поскольку и механический приток населения нас интересует лишь в грубо приближённых величинах, приведённая пропорция нас устраивает.

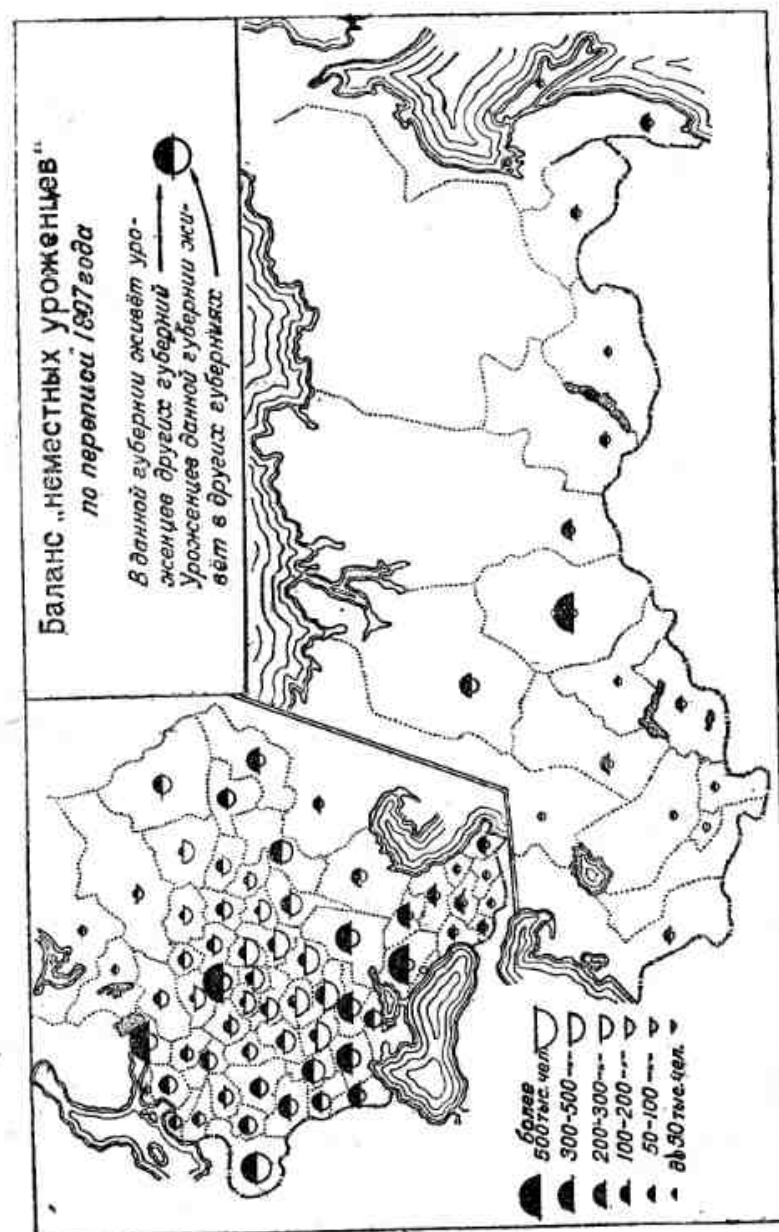

Рис. 13

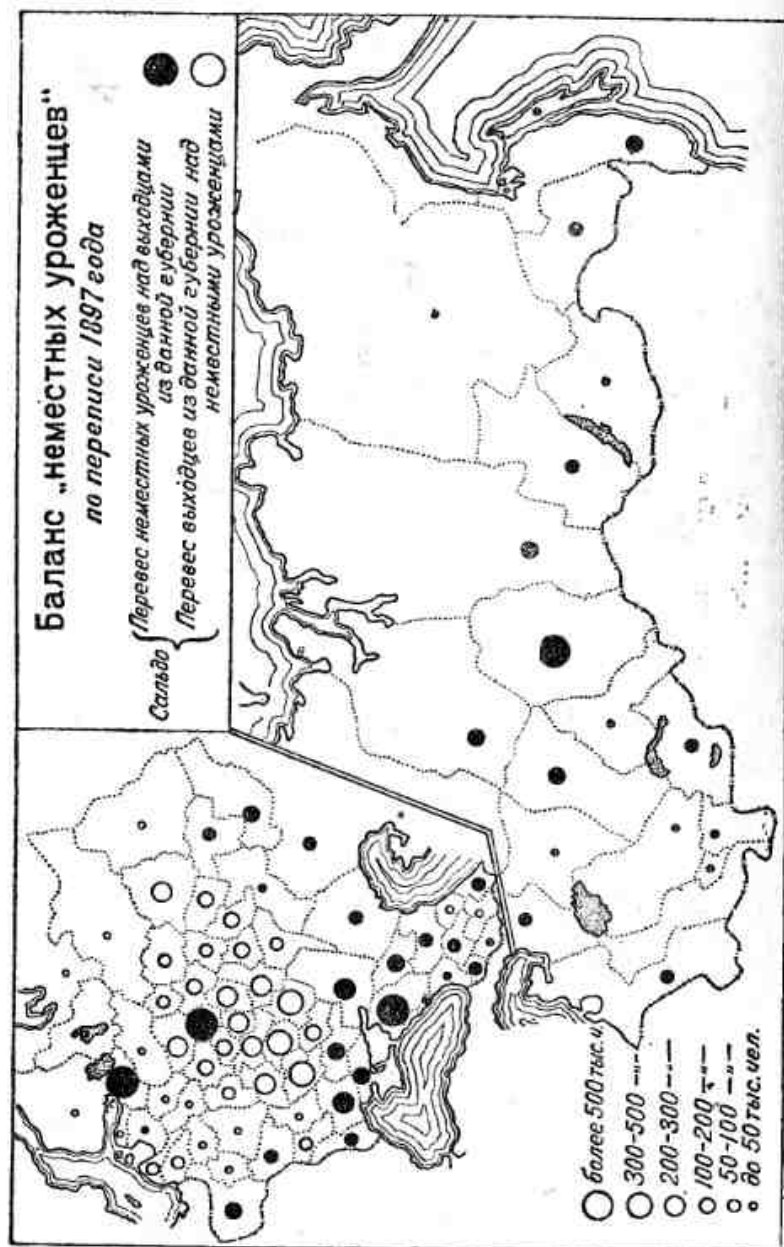

Рис. 14

По данным официальной статистики за 1885—1894 гг.¹ через Урал перевалило в «прямом» направлении 367,4 тыс. семейных переселенцев, за 1895—1904 гг. — 1106,3, за 1905—1914 гг. — 2906,4 тыс. чел. За 1861—1884 гг. общий объём переселения приблизительно определялся официальными источниками в 300 тыс. чел.² Всего, следовательно, через Урал в пореформенный период прошло 4680 тыс. семейных переселенцев. Из них часть шла «транзитом» на Дальний Восток и в Семиречье. Скидывая на эту часть кругло до 0,5 млн. чел.³, получаем численность семейных переселенцев Сибири, приблизительно, в 4,2 млн. чел. Сюда следовало бы добавить, во-первых, переселенцев-одиночек и осевших в Сибири ходоков, во-вторых, приток населения в сибирские города, выросшие за это время с 0,2 до 1,1 млн. чел., то есть в значительной степени за счёт механического притока, в-третьих, население, пришедшее на прииски, на железнодорожные станции и т. д. С другой стороны, следовало бы вычесть обратный поток устроившихся в Сибири переселенцев. За 1896—1911 гг., в течение которых велась сравнительно полная регистрация «обратных» переселенцев, «обратничество» официально оценивалось в 27%. Анализ этих цифр позволяет считать, что «обратничество» и разница между полным объёмом «прямого» движения и объёмом семейного переселенческого движения приблизительно компенсировались.

Сплошные данные о водворении имеются начиная с 1893 г. За 1893—1912 гг. в пределах тех областей, применительно к которым мы ведём весь расчёт, было водворено 3129,2 тыс. чел. За время до 1893 г. в Сибирь попало до 600 тыс. переселенцев, а если исключить обратников (доля которых в это время была выше) — до 0,5 млн.; если считать всех их водворёнными, общее число водворённых до 1912 г. превысит 3,5 млн. Но часть обратников составлялась из переселенцев, прошедших через этап водворения, поэтому фактически оставшееся в сёлах число переселенцев было несколько меньше; с другой стороны, нам известно, что в Сибири всегда находилось довольно значительное число⁴ переселенцев, находившихся ещё в стадии водворения или устранившихся самостоятельно, обходя этап формальной водворения.

Итак, с какой бы стороны мы не подходили к общему итогу, он довольно ясно обозначается вблизи той величины, которую мы назвали. Можно даже попытаться расчленить эту величину: вероятно, 3,8—3,9 млн. чел. пришлое население осело за поре-

¹ 1894 год составил своего рода хронологическую грань. Начиная с этого времени уже в полной мере сказывается вступление в строй Сибирской ж. д. магистрали. Западный участок её (до Оби) был открыт в 1896 г. Временное движение до Омска началось на год-полтора раньше.

² «Переселение в Сибирь», изд. Переселенческого Управления, СПб, 1906.

³ Русское сельское население дальневосточных областей и Семиреченской области составило в 1911 г., когда оно частично увеличилось за счёт местного прироста, несколько более 600.000 чел.

⁴ В отдельные годы, — для некоторых губерний, — до 100 и более тысяч.

форменное время в сёлах, и 0,3—0,4 млн. чел.—в городах, на железнодорожных станциях, приисках.

География переселений. Принимая из осторожности общую величину пореформенного миграционного потока в 4,1 млн. чел., можно на основании данных, аналогичных только что приведенным, но относящимся не ко всей Сибири, а к отдельным её губерниям и областям, составить гипотезу распределения этого потока по участкам миграционного театра и его динамики по периодам. Последние принимаем в таких рамках: а) 1861—1894 гг. (до постройки Сибирской ж. д.), б) 1895—1904 гг. (до начала русско-японской войны и поворота в аграрной политике царского правительства), в) 1905—1914 гг. (от этого поворота до начала первой империалистической войны). Гипотеза эта представлена в таблицах 12 и 13.

Таблица 12

№№ районов по карте (рис. 9)	Участки миграционного театра		Общая величина потока (млн. чел.)	Распределение его по периодам в %		
	название районов	преобладающие ландшафты		1861—	1895—	1905—
				—1894 г.	—1904 г.	—1914 г.
1 и 4	Тобольский и Томский	Тайга	0,2	25	30	45
2 и 5	Западн. Лесостепной и Новосибирский	Лесостепь	0,4	40	30	90
3	Акмолинский	Степь	1,5	10	15	75
6 и 7	Алтайские	Главным образом степь и лесостепь	1,5	20	30	50
8 и 9	Енисейский и Чунский	Тайга	0,3	5	15	80
10 и 11	Минусинский и Забайкальский	Лесостепь	0,2	10	30	60
Итого: млн. чел. в % (округло)			4,1 100	0,7 15—20	1,0 20—25	2,4 60

Таблица 13

Районы	Преобладающие ландшафты и положение		Доля в %		
			до 1894 (до постройки Сиб. ж. д.)	в 1895—1904 г.	в 1905—1914 г.
Тобольский и Томский (№№ 1, 4)	Тайга	В западном поясе	7	6	4
Западн. Лесостепной и Новосибирский (№№ 2, 5)			23	12	6
Акмолинский (№ 3)			22	24	42
Алтайские (№№ 6, 7)	Главным образом лесостепь и степь	Алтай	43	47	31
Енисейский и Чунский (№№ 8, 9)			Тайга	Восточный пояс	2
Минусинский и Забайкальский (№№ 10 и 11)	Лесостепь	Восточ. пояс, в стороне от главных путей	3	6	6
Итого					100

Характерны изменения роли отдельных районов и зон. Доля всех районов с преобладанием тайги составляла соответственно 9, 11 и 15% от всего притока переселенцев в Сибирь и каждый из выделенных нами периодов, доля всех районов лесостепного характера (включая Алтай)—69, 65 и 43%, доля степи—22, 24 и 42%. Мы видим, что неуклонно растёт доля степной полосы, «открытой» постройкой Сибирской железной дороги и изъятием «излишков» земель кочевников; падает доля лесостепи—старейшей полосы заселения, где колонизационные фонды постепенно истощаются; усиливается значение таёжных районов. Сравнительно устойчива роль Алтая. До постройки Сибирской ж. д. на первом месте по числу оседающих переселенцев стоял Алтай с его великолепными природными условиями и сравнительно льготными правилами водворения; на втором—Западная лесостепь, заманчивая, помимо остальных своих качеств, близостью к Уралу; на третьем—западно-степная полоса, связь с которой была ещё несколько затруднена. В 1895—1904 гг. Алтай сохранял первое место, но западная степь заменила лесо-

степь, где колонизационные фонды были в большой степени исчерпаны. Начиная с 1905 г. на первое место выходит западный степь, оттесняющая Алтай на второе; третье место занимает восточная тайга, к колонизации которой приходится переходить ввиду всё возрастающей трудности изыскивать более благоприятные участки.

Зная движущие силы крестьянских переселений в пореформенное время, мы можем уже априорно ожидать, что встретим среди сибирских переселенцев того времени главным образом выходцев из наиболее поражённых аграрным кризисом губерний — центрально-чернозёмных и «малороссийских». ¹ Статистический материал подтверждает это. Поток переселенческого движения в Сибирь исходил из очагов пережитков крепостничества — «отрезков», малоземелья, — из очагов особенно сильной крестьянской нужды.

Эта картина осложнялась лишь тем, что губернии, удобные расположенные по отношению к головным участкам путей в Сибирь, давали большее число переселенцев, чем можно было ожидать на основании одних лишь черт экономики их крестьянского хозяйства. Такими губерниями оказались приуральские и волжские, из последних — особенно те, которые сочетали в себе удобство водных путей к Уралу с односторонне-аграрным развитием. Вместе с тем в пределах пореформенного времени можно выделить период, когда отчётливо вырисовывается главный очаг «оскудения», где аграрный кризис принимает особенно тяжёлые, затяжные формы. Существенную роль сыграло изменение самия путей в Сибирь — постройка Сибирской ж. д., «открывшая» для заселения новые, главным образом степные, земли; последнее повысило приток в Сибирь выходцев из тех мест, которые имели трудовые навыки южного, степного земледелия. ²

Сибирские переселения охватывали крестьянство всей Европейской России, усиливаясь, во-первых, там, где нужда была особенно сильной, во-вторых, где отсутствие общины делало самого крестьянина более подвижным, в-третьих, — в местностях, лучше всего связанных географически с Сибирью. При этом продолжение новых путей через более южные участки Сибирского миграционного театра, совпавшие с распространением аграрного кризиса на южные «степные» губер-

¹ Вместе с тем масштабы переселения были настолько велики, что движение захватывало в той или иной мере крестьянство всех районов Европейской России, так что в среде переселенцев были фактически представлены все губернии. Это снова подтверждает наше положение об общерусском характере заселения Сибири.

² Резко повышенную долю среди переселенцев черниговцев и полтавцев следует связать и с господством в соответствующих губерниях подюрного землевладения, что позволяло здешним крестьянам при переселении продавать свои наделы, давало им некоторые материальные ресурсы, позволявшие рассчитывать на успех в создании нового хозяйства в далёкой Сибири.

нии Европейской России, дополнительно вовлекало в движение большое число выходцев из этих губерний.

Данные таблицы 14, относящиеся к периоду с 1896 г. (начиная с которого учёт переселенцев вёлся значительно полнее) по 1912 г. подтверждают это.

Таблица 14

Группы губерний (по группировке, принятой в статистике того времени)	Входящие в них губернии ¹	Число выходцев в тыс. чел.	Тоже в % от итога
Центрально-чернозёмные ² . . .	Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Тульская и Рязанская (7)	1086,7	24,0
„Малороссийские“	Черниговская, Полтавская, Подольская, Волынская, Киевская (5)	1089,6	24,2
Поволжские . . .	Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Харьковская, Бессарабская и Область Войска Донского (6)	786,6	17,4
Центральные ³ . . .	Могилёвская, Минская, Витебская, Виленская, Гродненская, Смоленская, Псковская (7)	716,6	15,8
Приволжские ⁴ . . .	Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская (4)	877,9	8,7
Приуральские ⁵ . . .	Вятская, Пермская, Уфимская и Оренбургская (4)	250,9	5,6
Центральные . . .	Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Калужская, Нижегородская (7)	80,2	1,8
Северные	Петербургская, Новгородская, Вологодская, Архангельская (4)	26,8	0,5
Прибалтийские . . .	Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Эстляндская (4)	31,5	0,7
Кавказ и Нижняя Волга	Кубанская, Ставропольская, Терская, Черноморская, Астраханская и Закавказье	58,0	1,3
Итого	(без губерний „Царства Польского“)	4504,8	100,0

¹ Перечислим губернии, общее число выходцев из которых превысило 200 тыс.: Полтавская — 399,5, Черниговская — 312,8, Воронежская — 390,7, Курская — 268,4, Могилёвская — 254,3, Киевская — 220,7, Харьковская — 219,3, Екатеринославская — 204,4.

² Кроме названных в предыдущей сноске выделялись Орловская (171,1) и Тамбовская (182,3).

³ Больше всего Витебская (172,0).

⁴ Главным образом Самарская (167,7) и Саратовская (104,9).

⁵ В том числе Вятская (126,0).

Четыре группы губерний—Центрально-чернозёмная, «Малороссийская», Новороссийская и Западная определяли собой в сущности объём всего движения, доставляя ему более $\frac{1}{3}$ всех выходцев.

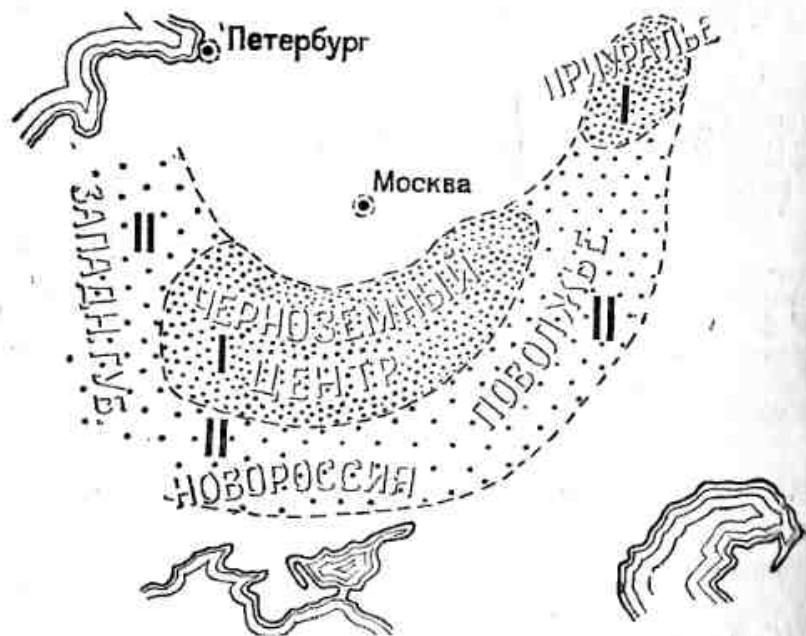

Рис. 15. Расширение основного очага пореформенных переселений в Сибирь (схема).

Цифровые обозначения: I. Районы, дававшие главную массу переселенцев в более ранний период. II. Районы, которые стали поставлять переселенческие контингенты по мере распространения на них аграрного кризиса

Полоса наиболее интенсивного выселения образовывали в Европейской России как бы громадную дугу, огибающую Центр с юга. Дуга эта простиралась от Витебска через Чернигов, Харьков, Воронеж и Самару до Северного Приуралья. На её восточном отрезке в значительной степени сказывались факторы близости к Сибири, на западном — подворное землевладение, облегчавшее для разоряющегося крестьянства возможность выручить что-либо за свой клочок земли. Центральная часть этой дуги захватывала область наиболее сильных пережитков крепостничества. Здесь дуга на протяжении последнего десятилетия XIX века и в начале XX века стремительно расширялась к югу по мере того, как расслоение и пауперизация охватывали и недавно колонизованные губернии Новороссии. В это же время усиливается северо-западный конец дуги и «заполняется» Волжско-степной отрезок её, который по своему значению постепенно заменяет северо-приуральский. К северу от этой дуги числа

выходцев резко падает, и само Примосковье и собственно северная группа губерний Европейской России дают уже ничтожные цифры числа переселенцев.¹

Взаимосвязь районов выхода и вселения. В «переселенческой» литературе конца XIX—начала XX века неоднократно делались попытки связать освоение тех или иных природных ландшафтов Сибири с составом засельщиков по местам выхода. Казалось соблазнительным доказать, что тайгу осваивали северяне, а степь—выходцы из южных губерний, тем более, что общий сдвиг колонизации к югу, в степную полосу, как раз совпал с усилением среди переселенцев доли южан.²

Известная доля истины в этом, безусловно, имелась. Трудные навыки степного земледелия, которыми располагал переселенец-екатеринославец, донец или саратовец, легче было применить в Акмолинско-Тургайской или Барабинской степи, чем в урманях Чульма или в Ангарской тайге. С другой стороны, выходец из Вятской, Витебской или даже Смоленской губернии обладал многими навыками раскорчёвки леса, осушки болот, различных лесных промыслов, которые оказывались неоценимыми именно в тайге. Однако не следует переоценивать значение этого момента. Справедлива, на наш взгляд, только «одна половина» концепции, которую так охотно развивали многие старые исследователи переселенческого дела: тайга, действительно, отпугивала переселенца-степняка. Но трудности хозяйственного освоения таёжных земель и особенно преодоление таёжного бездорожья были велики и сами по себе; они пугали и выходцев из лесных губерний, которые также обычно стремились к водворению не в самой тайге, а в лесостепи, предпочитая на худой конец даже степные районы. Например, значительная часть выходцев из северо-западных губерний (поздняя волна, о которой мы уже говорили) направлялась не в тайгу, а в степь и лесостепь. В самой таёжной зоне осваивались по возможности отдельные открытые участки—«подтаёжные места», елани. Вряд ли законно, наконец, и само слишком уж схематическое разделение переселенцев на

¹ Таким образом Север, когда-то игравший такую важную роль в заселении Сибири, в пореформенное время почти вовсе теряет значение в потоке сибирских переселенцев; но потомков старинных выходцев с Севера мы всё же ещё можем часто встречать среди сибирских пионеров. Эти пионеры являются выходцами из уже ранее заселённых районов самой Сибири. Те «ползучие» формы миграций, которые могут быть прослежены на всем протяжении заселения Сибири, приводили во вновь заселённые районы Сибири—куда-нибудь под Канск или Рубцовск—выходцев из Тобольской губернии, потомков устожан, вятичей или пермяков.

² Точка зрения эта получила широкое распространение и среди практиков «переселенческого дела» начала XX в. Вот что писал, например, один из черниговских переселенческих агентов, ездивший с ходоками в Кулундинскую степь: «Кулундинская степь не для черниговцев-северян. Южанин-черниговец ещё кое-как может мириться с нею, но северянин без лесу и естественных сенокосов жить не может... Качество земли крестьяне отменно определяют, но у них свои соображения, обуславливающиеся обстоятельством по всей их совокупности, а не только лишь качествами почв. Вода, сенокосы, лес— всё это веские мотивы при выборе участка» (Известия Областной переселенческой земской организации, Полтава, 1908, № 5, стр. 21).

«жителей лесов» и «жителей степей». ¹ Значительная часть переселенцев представляла собой выходцев из «промежуточных» губерний (Черниговская, Тульская, Казанская и т. п.), где степная и лесная «стихии» были в равной степени хозяйственно-привычными. Наконец, приток переселенцев из Новороссии, Заволжья, даже с Северного Кавказа в степные области Сибири в значительной степени объяснялся хронологическим совпадением «открытия» огромного степного колонизационного фонда (благодаря постройке Сибирской железной дороги и массовому изъятию «излишних» земель у кочевников) и распространения аграрного кризиса на южные, степные, губернии Европейской России.

При всём том нельзя отрицать, что само совпадение это в большой степени способствовало переселенческому движению.

Своеобразную «фотографию» распределения пришлого населения по губерниям поселения и выхода даёт перепись 1897 года в виде сведений о «неместных уроженцах». Эти данные мы сведём в таблицу 15 (в тыс. чел.): ²

Таблица 15

Губерния Сибири	В них жило уроженцев губерний ³								
	Центрально-тернопольных	Малороссийских	Новороссийских	Западных	Приволжских	Приуральских	Центральных	Северных	Царских
Тобольская губ.	51,8	35,5	14,3	20,5	13,5	35,0	11,5	6,1	2,0
Тургайская обл.	4,8	—	—	—	10,3	9,9	—	—	—
Акмолинская обл.	17,7	32,5	6,0	—	27,1	16,4	—	—	—
Семипалатинская обл.	3,0	—	1,5	—	2,3	2,3	—	—	—
Томская губ.	252,6	74,3	20,5	12,1	43,9	111,7	18,4	5,1	3,1
Енисейская губ.	32,2	19,3	7,3	4,3	10,3	23,8	10,7	1,3	1,2
Иркутская губ.	4,9	2,5	—	—	6,1	10,5	4,5	—	—
Забайкальская обл.	—	1,7	—	—	—	4,2	1,1	—	—
Всего	367,0	165,8	49,6	42,9	113,5	213,6	46,2	12,5	7,0

¹ Выходцев с Европейского Севера, которые были застрельщиками движения в Сибирь на наиболее ранних, «промыслово-пушных» этапах колонизации, можно было считать «лесовиками» только на этих этапах; в XIX и XX вв. и выходцы из Вятской, Пермской губерний представляли собой жителей по преимуществу окультуренных, широко распаханных (вплоть до возникновения малоземелья) уездов; в хозяйстве их специфические лесные промыслы давно уже стали играть подсобную роль.

² При составлении её мы отбросили все губернии, число уроженцев которых составляло менее 1000 чел. Таким образом, таблица отражает результаты притока именно массового. Отброшены также выходцы из других губерний самой Сибири, чтобы не затемнять картину вторичными миграциями.

³ Группировка губерний та же, что и в таблице 14.

Цифры эти (общая сумма их — 1,02 млн. чел.) как бы подоживают ту структуру переселенческого потока, который сложился в «дожелезнодорожный» период заселения Сибири. Приуральские губернии всё ещё занимают очень видное место, но чернозёмный центр уже вышел на первый план. «Малороссийские» губернии ещё не успели дать большого количества выходцев — их роль впереди так же, как и губерний Новороссии. Западные губернии тоже дают ещё совсем мало выходцев — даже меньше, чем центральные (уроженцев последних много среди населения сибирских городов: купцы, чиновники и т. д.). Высокая роль «близких» к Сибири территорий, за пределами которых выделяется только Центрально-чернозёмный очаг «оскудения», отражает отсутствие ж. д. связи с Сибирью, без которой движение «дальних» переселенцев было очень затруднено. Язва оскудения, только начавшая разрастаться в широкую полосу, охватывающую добрую половину Европейской России, ещё не успела дать в составе сибирских переселенцев выходцев из многих губерний, которые позже займут видное место (Могилёвская, Харьковская, Витебская, Екатеринославская и т. д.).

Распределение переселенцев по сибирским губерниям выглядит очень пёстро и на основании его трудно говорить о преимущественном поселении «южан» в степи, а «северян» в тайге.

Поуездные данные о движении переселенцев обычно вскрывают стремление к «привычным» ландшафтным условиям более определённо. Вот для примера процентная группировка данных о распределении числа семей, прошедших в 1913 г. через Челябинск по проходным свидетельствам (то есть в основном на уже численные земли). В таблице 16 мы разбили 29 уездов Сибири, принявших 17 тыс. семей переселенцев, на степные, лесостепные и таёжные; на такие же группы разбиты и губернии выхода. ¹

Таблица 16

Группы уездов водворения	Группы губерний выхода			Всего направлялось
	степные	лесостепные	лесные	
Степные	49,5	11,4	0,3	24,2
Лесостепные	49,5	60,0	30,2	52,2
Таёжные	1,0	28,6	60,5	23,6
Всего вышло	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ Для экономии места в таблице 16 даны только проценты. Источник: Сибирское переселение, 1913. Итоги учёта переселенческого движения. Сборник цифровых материалов для изучения крестьянских движений, Челябинск, без года издания.

Таблица 11

Уезды Черниговской губернии	Водворение				Результаты ходок		
	в лесной зоне	в лесостепной зоне	в степной зоне		в лесной зоне	в лесостепной зоне	в степной зоне
Северные . . .	18,1	64,2	17,7	Удачи. Неудачи.	53,0 47,0	42,7 57,3	26,3 74,7
Средние . . .	11,7	64,3	24,0	Удачи. Неудачи.	50,3 49,7	45,8 54,2	37,1 62,9
Южные . . .	4,8	59,5	35,7	Удачи. Неудачи.	24,0 76,0	39,6 60,4	27,0 73,0
Губерния в целом	13,7	63,1	23,2	Удачи. Неудачи.	50,0 50,0	43,5 56,5	29,0 71,0

Следует иметь в виду, что на распределение переселенцев, особенно после 1905 г., значительное влияние оказывала сознательно проводимая Переселенческим Управлением политика, исходившая именно из предположения о лучшей приживаемости переселенцев в сходных условиях.¹ Данные земских исследований, в которых рассматриваемому вопросу уделялось очень много внимания, показывали, что стремление к «привычным» ландшафтным условиям в общем было далеко не решающим в распределении переселенцев по районам заселения. Так, например, итоги исследования Черниговского земства² (для нас они интересны тем, что в Черниговской губернии хозяйство южных уездов по типу близко к степному, а северных—сходно с хозяйством лесистых губерний), показывающие распределение переселенцев в процентах, даны в табл. 17.

Тенденция здесь выражена довольно слабо. При этом интересно, что значительно большее число «северян» водворялось в степной зоне, чем «южан» в лесной (левая часть таблицы). Высокий процент неудач ходок в «несоответствующих» ландшафтных зонах как будто бы свидетельствует о наличии определенного тяготения. Однако анализ причин неудач ходок и причин обратных переселений показывает, что «географические факторы» играли среди этих причин чуть ли не последнюю роль.

¹ «Дефицит» заготовленных долей в степных уездах заставлял переселенческих чиновников «пропускать» туда ходков и переселенцев главным образом из степных губерний, побуждая выходцев из лесной зоны брать участки в таёжных уездах.

² Переселение в Сибирь из Черниговской губернии в 1906—1908 гг. Изд. Черниг. губ. Земской Управы, Чернигов, 1910.

86% неудачного ходочества и 65% обратных переселений крестьяне объясняли отсутствием свободных участков и недостаточностью средств на переселения. На долю недовольства географическими условиями падало соответственно 9,8 и 22,3%.¹ На недостаток воды жаловались почти исключительно выходцы из северных лесных уездов, на климат—по большей части «южане» (в 5,1% случаях, в то время как по всей губернии жалобы на климат составляли 2,1%), но, например, на недостатку леса равномерно жаловались и северяне и южане.

Приводя эти данные, черниговские земские исследователи заключали: «Можно ли сказать, что ходков в Черниговской губернии (из той или иной группы уездов—В. П.) больше всего удовлетворяют, что им больше всего нравятся местности лесные и меньше всего степные? Такого заключения сделать нельзя. Тот или другой район по своим естественным условиям может как нельзя более нравиться ходокам, и всё же давать наибольший процент неудач. Дело в значительной степени будет зависеть от того, имеется ли в таком районе достаточное количество свободных земель». ² Социальные, а не ландшафтные причины господствуют среди неудач переселения. Об этом свидетельствует и то, что 82,4% обратных переселений падало на переселенцев, проживших в Сибири менее года, то есть не успевших ещё понастоящему «ощутить» ландшафт. ³

Если можно лишь с большой осторожностью и многими оговорками говорить о тенденции тяготения переселенцев к привычным ландшафтам, видя причину этого, разумеется, не в какой-то мистической тяге северянина к лесу, а южанина к степи, а лишь в комплексе трудовых навыков, то не подлежит сомнению, что роль «отборных» пионеров, наиболее способных к освоению трудных местностей, не смущавшихся и непривычными условиями, сохранялась за переселенцами из среды самих сибирских старожилов. Не случайно при необходимости устройства заселений в трудных условиях царская администрация стремилась использовать сибиряков-старожилов или переселенцев, уже прошедших своеобразную школу пионерства в Сибири. Так вербовалось, например, население для пограничных местностей в Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах, по Чуйскому и Уймонскому трактам, преследовавшее цели укрепления границы и обеспечения торговых коммуникаций с Монголией. ⁴ Власти стремились, «чтобы горные посёлки заселялись преимущественно вы-

¹ Переселение в Сибирь из Черниговской губернии в 1906—1908 гг. Изд. Черниг. губ. Земской Управы, Чернигов, 1910, табл. XXXI и XXVIII.

² Там же, стр. 55.

³ Там же, стр. 44.

⁴ С. П. Швецов. Горный Алтай и его население. Барнаул, 1900. (Описание по обследованию 1897 г. 14 посёлков, образованных в 1878 г. на путях торгового движения); А. Н. Тройницкий. Описание некоторых переселенческих посёлков Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов Семипалатинской области в сельскохозяйственном отношении. СПб, 1913 (Описание 22 посёлков, образованных для «скорейшего заселения пограничной полосы области русскими крестьянами» в 1909—1912 гг.).

ходцами из соседней Томской губернии, так как переселенцам из Европейской России, совершенно незнакомым в большинстве случаев с ведением хозяйства в горных местностях, трудно быстро и прочно устроиться здесь. Выходцы же из соседних горных районов Томской губернии, прожившие в этой губернии несколько десятков лет... прекрасно устраиваются в горных посёлках, занимаясь главным образом скотоводством».¹

Социальный состав переселенцев. Условия переселений. Мы знаем, что «ключ» к пониманию сибирских переселений лежал в аграрных взаимоотношениях коренных европейских губерний России. Это ленинское положение приобретало по мере развития аграрного кризиса в предреволюционной России всё большую силу. Оно помогает нам понять и то изменение в социальном составе переселенческой массы, которое намечается уже с 90-х, и частично и с 80-х гг. XIX столетия. Нет недостатка в земских исследованиях и монографиях, которые устанавливали возрастающую бедность переселенцев, «ухудшение» их состава с точки зрения шансов на создание на новых местах устойчивого хозяйства. Росту доли обнищавших крестьян среди поселенцев отвечало и колоссальное возрастание «обратничества», о котором Ленин писал: «...громадный поток вконец разорённых обратных переселенцев с неопровержимой наглядностью говорит нам о полном крахе правительственной переселенческой политики».²

А. А. Кауфман, обследуя переселенческие хозяйства Томской губернии, смог подметить появление тенденции обеднения переселенцев на протяжении периода с 1880 по 1894 г.³ Вот приводимое им характерное сопоставление:

	У переселенцев, прибывших до 1887 г.	в 1888—1893 гг.
Земли на родине в среднем дес.	9,3	4,4
% безземельных (на родине)	4,6	14,6
% имевших (на родине) более 10 дес.	33,1	10,1
В среднем на двор (на родине) было:		
лошадей	2,0	1,4
коров	1,8	1,1
% белошадных (на родине)	5,9	21,9

Отмечает эту тенденцию и И. А. Гурвич, исследование которого, вышедшее в 1888 г. и, как известно, высоко оценённое В. И. Лениным, основывается на материалах, собранных ещё в 1882—1883 гг.⁴

¹ Тройницкий, назв. соч., стр. 6.

² В. И. Ленин. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства, Соч., т. XVI, стр. 452.

³ А. Кауфман. Томские переселенцы по подворному исследованию 1894 г., М., 1897.

⁴ Состав переселенцев неизбежно должен был «ухудшаться» уже по мере того как в движение втягивались широкие слои бывших помещичьих крестьян, гораздо менее подготовленных экономически к переселениям, чем бывшие

Как же происходили сами переселения?

Пользование железными дорогами до самых 90-х гг. играло в движении гораздо меньшую роль, чем это было возможно по степени развития железнодорожной сети. Железнодорожный «волок» через Урал в виде линии Пермь—Екатеринбург (не связанный тогда ещё с сетью остальных ж. д. страны) был создан в 1878 г. (и в 80-х гг. продолжен до Тюмени). Итак уже к началу 80-х гг. фактически существовали комбинированные водно-железнодорожные пути из основных очагов выхода переселенцев до Сибири.¹ Однако дороговизна проезда по сравнению с жалкими денежными средствами переселенцев заставляла значительное большинство их избегать железных дорог и двигаться гужом. Этим обстоятельством объясняется и распылённость маршрутов по многим трактам и даже просёлочным дорогам. Лишь на востоке маршруты эти стягивались преимущественно к Тюмени, откуда уже значительная часть переселенцев прибегала к водному транспорту. В начале 80-х гг., по данным И. А. Гурвича, громадное большинство шло весь путь на лошадях и пешком, часть даже вдоль полотна железной дороги (например, по линии Моршанск—Сызрань—Оренбург).² К 1889 г. железной дорогой пользовалось лишь немногим больше половины переселенцев.³ Шедшие пешком и на лошадях переселенцы дорожили возможностью сохранить свою скотину и захватить возможно больше инвентаря и продовольственных запасов. Оплата провоза скотины и багажа по железной дороге была для них непосильной. Обычным было движение на одной подводе (кибитке) семьи из 4—5 человек.⁴ Мужчины шли, как правило, пешком всю дорогу; в день передвигались по 30—35 вёрст. Маршруты причудливо переплетались, переходили один в другой. В пределах Сибири представляется возможным наметить только общее их направление: от Тюмени на восток-юго-восток.⁵

государственные; а между тем «потребность в переселении» была у помещичьих крестьян (полуразорённых уже в момент реформы 1861 г.) значительно выше. Таким образом, корни «ухудшения» и «измельчания» переселенцев идут вплоть до 1861 г. Но в резкой форме проявилась эта тенденция лишь к концу XIX века.

¹ По одной из ж. д. линий до Волги или Оки (к 1880 г. пунктами, где такой стык осуществлялся, были уже: Тверь, Рыбинск, Ярославль, Кивешма, Нижний Новгород, Рязань, Муром, Сызрань, Самара, Саратов, Царицын), далее Волгой и Камой до Перми, железной дорогой от Перми до Тюмени и затем по сибирским рекам. Другим выдвинутым в сторону Сибири «концом» железнодорожной сети являлся Оренбург, непосредственно связанный со всей сетью железных дорог ещё с 1877—1880 гг.

² И. А. Гурвич. Переселение крестьян в Сибирь, М., 1888, стр. 3—4.

³ Д. М. Головачёв. Заметки о русской колонизации Сибири. Землеведение, 1894, т. IV, стр. 44.

⁴ Кибитки были почти всегда однокошными; из сосчитанных Гурвичем в 1882—1883 гг. 878 кибиток парных было только 15, с 3—4 лошадьми — 4.

⁵ Вот наиболее принятые в 80-х гг. гужевые маршруты (точнее «пучки» их): 1. От Косулиной близ Екатеринбурга на Шадринскую дорогу и от Ялуторовска далее по главному Сибирскому тракту. 2. От Челябинска через Курганский округ. 3. От Троицка через Нижне-Алабужский район. 4. От Кургана на Ишим, Тюкалинск или через Петропавловск на Омск. 5. От Тю-

Если разбить всё движение через Урал на три основных направления, то до начала постройки Сибирской ж. д. (в 1887—1892 гг.) соотношение их было, по Д. М. Головачёву,¹ таким:

Через Тюмень	—77,3%
„ Оренбург	—13,2%
„ Златоуст— Челябинск	— 9,5%

Мы сказали, что от Тюмени преобладающая масса переселенцев пользовалась водным транспортом. Так:

В 1885—1888 г. из 8,7 тыс. семей пошли далее водой 4,9 тыс. или 59%
„ 1888 г. „ 4,5 „ „ „ „ 3,2 „ „ 71%
„ 1890 г. „ 20,3 „ „ „ „ 16,9 „ „ 84%

Доля отправлявшихся из Тюмени подводами (многие именно тут покупали себе лошадей и подводу) обычно возрастала в тех случаях, когда запаздывало открытие навигации. Стремление попасть на место за «один сезон» было очень велико и объяснялось всё той же нищетой. Хлебный запас и денежные крохи, взятые в дорогу, проедались с пугающей быстротой. Зимовка в пути являлась катастрофой. Поэтому движение начиналось обычно с открытием «чернотропа» — появления первых проталин и чернеющих колеи на просёлках. Первыми пароходами переселенцы стремились попасть в Пермь, как можно быстрее перевалить через Уральский железнодорожный волок и к началу навигации по Туре, Тоболу и Иртышу быть в Тюмени.

Скопление истощённых долгим путём переселенцев в Тюмени, где первых пароходов дожидалось часто по многу тысяч человек, приводило к массовым эпидемиям. Все пути переселенцев в Сибирь были усеяны частыми могилами; Тюмень стала на этом пути главным кладбищем. Здесь, почти без помощи правительства, по инициативе самого тюменского населения, был создан первый переселенческий пункт, в бараках которого и страшной скученности могла укрыться всё же лишь малая часть переселенцев. Ужасы тюменской «перевалки» вызвали в 80-х гг. широкое движение среди прогрессивной интеллигенции России и Сибири в пользу помощи переселенцам. Однако общественная и частная благотворительность, разумеется, могла только в ничтожной степени помочь делу. Смертность среди переселенцев в этот период была потрясающе велика. Так из вышедших с родины 23683 душ, охваченных обследованием А. А. Кауфмана,

мени (для тех, кто не пользовался пароходом и баржами) по Сибирскому тракту на Ялуторовск, Ишим, Тюкалинск и далее на Каныск (или село Пустынное). 6. От Каныска на Томск или Барнаул (скотопрогонным трактом). 7. От Карташова (крупное село и важный перевоз на Иртыше) на Каныск, Кочки, Барнаул. 8. Из Барнаула в Бийский и Кузнецкий округа. Восточнее Томска массовое движение шло только по Сибирскому тракту — на Мариинск, Ачинск (оттуда путь сворачивал в Минусинскую котловину), Красноярск, Иркутск.

¹ Д. М. Головачёв, назв. соч., стр. 46.

умерло в пути 746 душ (3,2%), да на месте, до истечения года с момента прибытия (как следствие путевых невзгод) — ещё 676 душ (2,9%), а всего 6,1%.¹

Баржи, на которых в страшной скученности, без горячей пищи, страдая от сырости и холода сибирских ночей с заморозками, двигались переселенцы от Тюмени, делались пловучими обителями смерти.² Следует учесть томительную медленность пути до основных пристаней, где происходила выгрузка переселенцев — Тары, Карташева, Омска, Павлодара, Семипалатинска, Томска, Барнаула, Бийска; путь до более дальних из этих пристаней измерялся неделями.

С проведением железной дороги Самара—Уфа—Челябинск и с открытием головного участка Сибирской ж. д. общее направление переселенческого движения смещается к югу, и процент переселенцев, следующих по железной дороге, резко возрастает. На эти годы (начало 90-х гг.) приходится кульминация бедствий переселенцев, наиболее высокие цифры смертности, вызванной скоплением десятков тысяч людей в пунктах пересадок (Сызрани, Челябинске). Железнодорожный тариф съедал те крохи, с которыми переселенцы трогались из дому. Только с конца 90-х гг. были введены специальные тарифы,³ открыто значительное число продовольственных и врачебных пунктов, упорядочена выдача путевых ссуд⁴ и т. д. Впрочем, не следует думать, что эти льготы и улучшение общих условий переселения «пропорционально» сказывались на положении переселенцев: волна переселенческо-

¹ А. А. Кауфман. Томские переселенцы по подворному исследованию 1894 г., М., 1897.

² Глеб Успенский, изучивший положение переселенцев на месте и горячо выступивший в 1888 г. в их защиту, гневно рассказывает: «При начале переселенческого движения какой-то предприниматель, вздумав нажить на этом деле «деньгу», набил свой пароход переселенцами битком, препятствовал им покупать на пристанях харчи, поставил их в необходимость брать всё съестное у него же на пароходе по ценам, невозможным для переселенцев. Результатом этих корыстолюбивых планов было то, что пароход привёз к Томску озлобленную и ожесточённую толпу, полуголодную, почти разорившуюся и привезшую с собой несколько трупов» (Поездки к переселенцам, от Казани до Томска и обратно. Соч., изд. Ф. Павленкова, т. III, СПб, 1898, стр. 487).

³ Льготный переселенческий тариф — 0,3 коп. с человека-версты и 1/75 коп. с пуда багажа и версты и 0,5 коп. с головы скота и версты — был введён Комитетом Сибирской ж. д. Проезд Курск—Тюмень стоил по общему тарифу 24 руб., по переселенческому — 5 руб. 31 коп., провоз пуда багажа соответственно 4 руб. и 1 руб. Правда, перевозки по новому тарифу производились долгое время в товарных вагонах.

⁴ Характеристика «ссудной политики» царского правительства могла бы составить особую тему. Ссуды и после «поворота» правительства «лицом» к переселенцам оставались далеко недостаточными; выдача их носила случайный характер и производилась крохоборчески, маленькими суммами; переселенец затрачивал массу времени на хлопоты и никогда не мог основывать свои планы на твёрдо причитающейся ему и ощутимой по размерам ссуде. Ссуды находили на милостыню, к которой часто приходилось прибегать многим переселенцам. Сказанное относится как к путевым, так и «домосбаводственным» ссудам, выдававшимся на местах. Предел путевых ссуд в период деятельности Комитета Сибирской ж. д. — 50 руб. на семью (до образования Комитета — 20-30 руб.). Однако получать ссуды удавалось далеко не всем. Если

го движения так нарастала, что вводимые улучшения не поспеивали за ней.¹

Было бы неверным представлять переселенческую массу, как однородную, социально-недифференцированную. Правда, главную массу всё больше и больше составляло «однородно»-разорённое и нищее крестьянство; но тем больший интерес представляет наличие в её среде численно небольшой, но экономически очень активной прослойки крепких хозяев-кулаков, установивших часто уже в пути кабальные отношения с попутчиками-односельчанами. Отправляясь в путь не от нужды, а для наживы, она обеспечивала себя заранее за гроши батраками и односельчан. Капиталистические отношения, развившиеся в коренной российской деревне, «ехали» вместе с переселенцами и переселенческих поездах, на баржах и подводах. Полтина, взятая взаимно бедняком в тяжёлую минуту в дороге, сулила стать на месте основой тех же кабальных отношений, от которых этот бедняк пытался уйти на край света.

Но главную основу для быстрого развития капиталистических отношений в сибирской деревне составляли взаимоотношения между новосёлами и сибирскими старожилами.

Социальные отношения на новом месте и формы расселения. Сибирь практически не знала крепостного права (кроме горно-промышленных районов). Уже с середины XVIII века для сибирских «государственных крестьян» была уничтожена даже десятинная пашня и всё обложение было переведено в денежное. Товарные отношения, как мы уже видели, получили в Сибири очень рано довольно большое развитие, и это способствовало выделению деревенской кулацкой верхушки. Большую роль сыграла предпринимательская деятельность сибирских старожилов, живших по тракту и обслуживавших его работу извозом, дворничеством и другими промыслами. При огромном протяжении тракта и сосредоточении значительной доли сибирских сёл именно вдоль этой очень бойкой гужевой магистрали, влияние этого фактора на развитие товарно-капиталистических отношений в сибирской деревне трудно переоценить. Сибирский крестьянин

разделить общую сумму расходов 1894—1901 гг. по выдаче путевых ссуд переселенцам на число переселенцев, то средний размер ссуды составит от 4 до 9 руб. на душу. С 1899 г. предельная величина путевых ссуд была снижена до 30 руб. Предел ссуд при водворении составлял 100 руб., но практически обычно выдавалось не больше 50 руб. мелкими подаянками. Судя по данным о 62,3 тыс. семей, охваченных обследованием А. А. Кауфмана (см. его работу «Сибирское переселение на исходе XIX в.», СПб, 1901), средний размер полученной ссуды составлял 63,4 руб. на семью.

¹ Скученность в огромных бараках нового переселенческого пункта в Челябинске, на много превосходившего старый Тюменский, оказывалась не меньшей; попрежнему многим переселенцам приходилось ютиться под открытым небом. Число переселенческих поездов не соответствовало огромному наплыву переселенцев. Хотя переселенцы могли двигаться быстрее (скорость переселенческих поездов была увеличена), им приходилось подолгу ждать отправки. Уменьшался «достаток» переселенцев, и вот уже даже «льготные» пятикопеечные обеды на устроенных к этому времени продовольственных пунктах оказывались для многих слишком дорогими.

Источники ¹	Год оценки	Сумма в рублях	Примечание
Н. М. Ядринцев	1882	500	Включая покупку подводы, пары волов или лошадей, дорожные издержки и расходы на само перечисление (увольнит. и прѣѣм. приговоры, стоившие до 50 р. каждый)
В. Н. Григорьев	1885	150	Без дороги и покупки лошадей
А. А. Исаев по подсѣтам этого автора и А. Б. Дурова (томского перес. чиновника)	1891	143—163	Без дороги, с покупкой на месте двух лошадей и коровы
А. Н. Куломзина (исчисления местной администрации):	1896		
Ишимский округ		200—250	
Тюкалинский „		140—247	
Ачинский „		257	
Акмолнинская обл.		200	
А. А. Кауфман	Нач. XX в.		
а) по оценке переселенческих органов:			
Акмолнинская обл.		364—500	По мнению самого А. А. Кауфмана эти оценки „должны быть удвоены“.
Тобольская губ.		250—425	
б) По оценке местной администрации:			
Акмолнинская обл.		460—580	
Тобольская губ.	365—550		
А. М. Беркенгейм	1902	700	

¹ Н. М. Ядринцев. Сибирь, как колония, СПб, 1882; В. Н. Григорьев. Переселения крестьян Рязанской губ., М., 1885; А. А. Исаев. Переселения в русском народном хозяйстве, СПб, 1891; Приложение к всеподданнейшему отчету статс-секретаря А. Н. Куломзина по поездке в Сибирь в 1896 г., СПб, 1896; А. А. Кауфман. Переселение и колонизация, СПб, 1905, стр. 215—216; А. М. Беркенгейм. Переселенческое дело в Сибири. Землеведение, 1902, кн. I и II—III.

имел долгое время возможность почти в неограниченных размерах увеличивать запашки путём заимок. Так как налоги платились не с доходов, а «по душам», тягость их была для кулачества сравнительно невелика. Кулаки во многих районах имели в лице ссыльных поселенцев и бедноты готовых батраков. Но ещё гораздо большее значение имел непрерывный приток переселенцев, которые в своей подавляющей массе были экономически вынуждены идти на работу в кулацкие старожильческие хозяйства. Даже те из переселенцев, которым «везло», обычно должны были, чтобы встать на ноги, пройти через период жестокой эксплуатации старожилом-кулаком. Переселенец, как правило, добирался «до места» без каких бы то ни было средств. Между тем издержки, необходимые для того чтобы он мог начать вести нормальное хозяйство, составляли несколько сот рублей. В таблице 18 показано, как определяли различные авторы эту сумму (на двор — семью).

Значительная часть расходов не терпела отлагательства: постройку жилья необходимо было закончить до наступления холодов, заготовку корма для скотины на зиму — за то время, пока можно пользоваться естественным пастбищем, и т. д. Если переселенец приписывался к одному из старожильческих обществ, он должен был также немедленно оплатить приёмный приговор.¹ Всё это он мог сделать, как правило, только вступив в долговые отношения со старожилом. Оплачивать этот долг приходилось трудом своим и своих домашних с кабальными процентами. А. А. Кауфман считал, что обычно переселенцу надо до 4 лет, чтобы стать на ноги, однако это, конечно, обозначает лишь то, что новосёл мог в этот срок завести пашню, обзавестись постройками, скотом, инвентарём, но не то, что он мог освободиться от экономической зависимости.

Непрерывный приток переселенцев обеспечивал для сибирского старожильского кулачества, а также и для отдельных удачливых новосёлов, резерв дешёвых рабочих рук. Когда ранее прибывшие новосёлы, с огромными усилиями поднимая своё хозяйство, освобождались от кабалы, на их место к услугам кулаков уже были новые контингенты пришельцев.

Географические формы складывавшегося заселения следует оценивать именно в связи с социальными и производственными условиями. Типичными случаями были:

¹ Стоимость приёмных приговоров непрерывно росла. С. Л. Чудновский, основываясь на обследовании 22 Алтайских посёлков (1885), обработал данные о 2 тыс. приговоров за 60-е—80-е гг. В начале этого периода приговоры стоили 4—10 руб. (часто и того меньше: «из шести только вино»), в 70-х гг. они поднимаются до 7—15 руб., а в отдельных случаях доходят до 25 руб. в 80-х гг. частой становится оплата 35—40 руб. «Плата за приёмный приговор простирается в последнее время (написано в 1889 г.—В. П.) до 50 руб. с ревизской души» (С. Л. Чудновский. Переселенческое дело на Алтае. Записки Вост.-Сиб. Отд. ИРГО, т. I, вып. I, Иркутск, 1889, стр. 136—138). В 1910—1911 гг. в Акмолинской обл. «приписки стали особенно трудны; старожилы требуют нередко по 150—200 руб. за приёмку мужской души» (А. И. Комаров. Правда о переселенческом деле, СПб, 1913, стр. 76).

1. Создание в лесостепной и таёжной полосе совершенно новых, чисто переселенческих посёлков с одновременным наделением переселенцев землёй. В этих посёлках переселенцы не имели поводов непосредственно сталкиваться со старожилами, но что лишены были возможности опираться на общую обжитость местности и получить, хотя бы и на кабальных условиях, помощь на период первоначального устройства, например, кредит. Обращение таких новых массивов заселения выдвигалось в качестве главной и основной задачи переселенческих органов. Последние, однако, часто предпочитали избегать встающих на этом пути трудностей и обращались к изъятию части земель у старожилов, к различным формам доприселения и т. д. Освоение совершенно новых участков было в условиях царского строя обычно не под силу, так как надо было создать «по плану» значительный массив заселения и обеспечить его путями сообщения.¹

2. Устройство таких же новых переселенческих посёлков на крупных земельных массивах в степной полосе, полученных путём «уточнения» землепользования кочевников-казахов и искусственного форсирования их оседания. Здесь задача была проще. При изъятии «излишков» туземных земель в колониционный фонд обычно отрезались места, лучше обеспеченные водой. Тем не менее кое-где приходилось устраивать артезианские колодцы; требовалась также помощь строительными материалами (лесом).

3. Доприселение к старожильческим деревням — путь, по которому приходилось идти преимущественно самовольцам; но к нему часто прибегали и переселенческие органы, ибо упрощенное землеустройство старожильческих посёлков было наиболее лёгким способом получить «доли» и для легальных переселенцев. Форма эта получила распространение там, где издавна осело старожильческое население (на Алтае, в полосе трактов). Именно при доприселении и шла в наиболее ярком виде та эксплуатация новосёлов старожилами, о которой мы говорили. Доприселение не означало непременно сгуживания всё новых и новых дворов в одной деревне. Часто ядром, около которого оседали приписывающиеся переселенцы, являлись расположенные в стороне займки и починки. Иногда доприселение было причислением к старожильческому обществу, располагавшему ещё умеренной землёй (вспомним старинное русское определение границ земле-

¹ Вот как характеризовал положение в Енисейской губернии один из переселенческих чиновников: «Колонизационный фонд не имеет в своём распоряжении не только степных, но и подтаёжных местностей, и участки волей-волей приходится отдавать в тайге. Но нарезать участок в глухой тайге значило заранее обречь его на то, что заселён он не будет». Отсюда желание использовать «годные немедленно же под заселение места», а это — «лишь те незначительные клочки, которые остаются после земельного устройства старожилов». Переселенческие органы «брали по кусочкам, брали то, что в первую голову попадало на глаза — лишь бы поместить, лишь бы отвязаться от десятков изнурённых, истомлённых лиц, которые торчат на переселенческом пункте, стоят часами в прихожей Переселенческого Управления, лезут неизвестно зачем целой гурьбой в губернское Управление» (А. И. Комаров. Правда о переселенческом деле, СПб, 1913, стр. 10, 26, 9, 11).

пользования — «куда соха, коса и топор ходят»); иногда переселенческие органы, производя землеустройство старожилов, вынуждали на их землях свободные фонды; иногда нелегализованные самовольцы подолгу жили на «птичьём положении», арендуя земли у общества или снимая казённые оброчные статьи. ¹ Встречалось и «самовольное» доприселение к недавно образованным переселенческим посёлкам. ²

Особенно сложно происходило доприселение на казачьи земли. ³

В 1910 г. непричисленных переселенцев было в Сибири около 700 тыс. душ. Вина за многолетнюю неустроенность переселенцев целиком лежала на громоздком аппарате царской администрации. Недаром Ленин писал о постановке переселенческого дела в Сибири, как о грандиозной эпопее «хищения, разорения и обнищания старожилов и переселенцев», «непроходимой тупости и бестолочи», которые «оставляют чрезвычайно сильное впечатление какого-то угара, чада, удушья старой крепостнической казённости». ⁴

Непрерывный приток неимущих переселенцев способствовал образованию очень сильной кулацкой прослойки, главным образом среди старожилов. Но наряду с этим можно отметить отдельные факты упадка старожильческих хозяйств и даже случаи ухода старожилов из районов с особенно интенсивным притоком населения. Несмотря на обогащение общей массы старожилов, в большинстве умевших использовать благоприятную конъюнктуру приток переселенцев вызывал подчас кризис старожильческого хозяйства, например, там, где основой этого хозяйства была охота, рыболовство или экстенсивное животноводство. «Порча» таёжных, распашка сенокосов на таёжных полях и елях создавали для отдельных старожилов ощущение внезапно возникшей земельной тесноты. ⁵ Землеустроительный аппарат, неспособный

¹ Часть приписанных «самовольцев», попадавших в степь, оседала на землях формально, а иногда и фактически находившихся во владении кочевников, и, будучи не в силах дожидаться землеустройства, вступала, действуя «начальство», в арендные отношения с местными султанами, извлекая из этих сделок немалую личную выгоду.

² «Слово да рядом есть переселенческие сёла, где неприписанных самовольцев ютится в 2—3 раза больше, чем легальных переселенцев» (Коновалов, цит. соч., стр. 76).

³ Вот что писал «о путанице поземельных порядков» на казачьих землях один из исследователей Алтайской колонизации: «Навалило сюда народа видимо-невидимо... многие пообзавелись хозяйством, но их не перечислить и перечислить не могут, так как земля—«казачья», а к казачьим обществам причислить крестьян нельзя». Казаки повсюду «сильно теснят российских, заставляют их платить за «пожилое» и за пользование разными угодьями, вечно грозят им выселением, хотя сами многих сюда заманили ради получения за приёмку» (С. Л. Чудновский. Переселенческое дело на Алтае, Иркутск, 1889, стр. 124).

⁴ В. И. Ленин. Значение переселенческого дела, Соч., т. XVI, стр. 374.

⁵ Об этом много писали старые исследователи, придавая, по нашему взгляду, фактам ухода в «глушь» отдельных старожилов излишне романтическую трактовку. «Старинные колонисты... выделяют из своей среды особый, весьма замечательный тип переселенцев, можно сказать пионером русской колонизации. Эти люди, пришедшие в Зауральский край лет 30—40 тому

найти» в Сибири землю, часто перегибал палку и обездоливал старожилов, оставляя им надель, недостаточный при «сибирском» уровне хозяйства. Примером может послужить оставление в Минусинском уезде старожилам четырёхдесятинных надель, о чём с возмущением писал В. И. Ленин, хорошо лично знавший крестьянское хозяйство в этом районе. ¹

Различия форм оседания переселенцев, отчасти обусловленные и их взаимоотношения со старожилами, были связаны и с социально-историческими и с ландшафтными особенностями миграционного театра. Для южной сибирской степи характерным было устройство новых посёлков на землях, изъятых у казахов, либо (реже) на землях, оставшихся формально в их владении, но переходивших в руки переселенцев-самовольцев на правах аренды. Раз возникнув, новые посёлки делались часто центрами последующего доприселения. В таёжной и лесостепной полосе распространены были как формы создания новых массивов заселения под «опекой» переселенческих органов ², так и доприселение к старожильческим посёлкам, причём первые преобладали в менее доступных местах, где нужны были дорогие работы по устройству дорог ³, а иногда и ещё более сложные работы по мелиорации, например, при заселении переувлажнённых местностей северной части Барабы. В Восточной Сибири с её пересечённым рельефом создание новых массивов заселения приурочивалось обычно к «открытию» отдельных долин путём постройки дороги. Доприселение являлось преобладающей формой оседания переселенцев во всей полосе сибирского тракта. На Алтае, куда преимущественно шёл поток «самовольцев», господствовало доприселение. Степной Алтай оказался тем районом Сибири, где кулацкое хозяйство развивалось в это время особенно быстро.

Географические результаты. Географо-экономические результаты массовых, главным образом крестьянских, переселений в Сибирь за пореформенное время, и особенно за 90-е и 900-е гг., были очень велики. Именно в результате огромной колонизационной волны в Сибири вырос важный район торгового земледелия. Посевные площади Сибири составляли в 1911 году по данным Центр. Стат. Управления и губернаторским отчётам (причём было заведомо известно, что данные эти преуменьшены):

назад... Теперь это по большей части старики, но... присущий им дух предприимчивости и инициативы не допускает для них пассивного отношения к угрожающей им опасности лишиться добытых тяжёлым трудом более или менее сносных условий существования» (И. Гурвич. Переселение крестьян в Сибирь, М., 1888, стр. 58).

¹ «Минусинский старожил получил по 4 десятины и «познал священное право собственности». Из пользования его изъяты десятки тысяч десятин лучшей земли» (Соч., т. XVI, стр. 375).

² Такими отдельными крупными массивами заселения оказались, например, бассейн Чулыма или северная часть Барабы.

³ В таёжных местностях Восточной Сибири стоимость постройки версты дороги («почти сплошная рубка просеки шириной в 9 сажен с корчёмкой проезжей части в 4 сажен») и «оканализование на всём пространстве средней глубиной 0,20 сажен») составляла от 800 до 1500 руб. (Г. Ф. Чиркин. Переселение и землеустройство в Забайкалье, стр. 77).

В Тобольской губ.	—1415,4 тыс. дес., в т. ч. под пшеницей 687,3 тыс. дес.
В Томской	—2660,5 " " " " " "
В Иркутской	—368,0 " " " " " "
В Енисейской	—453,0 " " " " " "
В Забайкальской обл.	—344,4 " " " " " "
В Якутской	—12,6 " " " " " "
В Семипалатинской	—232,7 " " " " " "
В Акмолинской	—667,3 " " " " " "
В Тургайской	—743,4 " " " " " "

Всего 6897,3 тыс. дес., в т. ч. под пшеницей 3297,1 тыс. дес.

Рост посевов шёл в нарастающем темпе; по некоторым исчислениям он составлял перед началом первой мировой войны до миллиона десятин в год (подсчёты В. Вошинина¹). В общей массе посевов России Сибирь занимала уже тогда почти 10%, а по наиболее важной и товарной культуре — пшенице к 1913 г. её доля значительно перевалила за 10%.

На основе значительного развития животноводства сложились и крупный очаг товарного маслоделия.

Приток переселенцев ускорил процессы оседания кочевников на южной границе полосы земледельческого освоения, главным образом в Западной Сибири. По подсчётам П. П. Румянцева к 1911 г. их посевные площади в пределах перечисленных выше губерний и областей достигли уже 673,8 тыс. дес.²

Земледельческое развитие быстро шло в Западной Сибири (включая Алтай), которая поглотила главную массу переселенцев, а также в более узкой полосе вдоль Сибирской магистрали в бассейне Енисея и в Забайкалье. Развитие земледелия как бы экономически оправдало постройку этой величайшей железнодорожной магистрали, быстро дало ей достаточное количество грузов, чтобы превратить её из статьи государственного расхода в доходную.³

Все эти и подобные им факты слишком общезвестны, и мы можем на них не останавливаться, тем более, что исследуем не экономическую историю Сибири, а лишь сдвиг в географии населения с их причинами и географическими последствиями.

В этой связи для нас существенно отметить прежде всего создание значительного ареала новых культурных ландшафтов (распаханная степь, лес, замешанный

пашней, осушенные болота, окультуренные площади лугов в поймах, возникшие в результате хозяйственной деятельности людей, суходольные луга и т. п.).

Выше мы очертили те районы Сибири, в пределах которых в пореформенное время происходило интенсивное оседание переселенческого потока. В результате в пределах этих же районов шло хозяйственное освоение земель и, соответственно, преобразование ландшафтов.

Степень влияния хозяйственной деятельности человека на географическую среду определяется прежде всего той долей площади, которая непосредственно обрабатывается им. При площади установленного нами контура преимущественного оседания переселенцев около 120 млн. га и распаханной площади, достигавшей, вероятно, 10 млн. га, доля эта составляла 7—9%, что может показаться незначительным. Но в действительности воздействие человека сказывалось на гораздо большей площади. Следует учесть широкое развитие залежей, окультуренных лугов и пастбищ оттеснение тайги в результате палов и т. п. В сущности в той или иной мере вся территория, на которой оседали переселенцы, подвергалась воздействию человека, хотя наиболее глубоким это воздействие было, видимо, лишь в пределах, не превышавших 10—15% (пашня с частью залежей, осушенные, но ещё не распаханые болота, наиболее окультуренные сенокосы, земли под населёнными пунктами и дорогами и проч.). Степень воздействия таким образом ещё сильно уступала тому, что мы находим в Европейской части страны, но тем не менее происходили значительные преобразования географической среды.

За пределами районов интенсивного заселения воздействие человека было значительно слабее; сам характер этого воздействия лишь не на много изменился по сравнению с тем, о чём мы говорили уже в гл. II и III (сокращение лесных площадей в результате палов и т. п.). Здесь земледелие, то есть та форма хозяйственной деятельности, которая в наибольшей степени видоизменяет природную среду, получило лишь островное размещение. Незначительное влияние оно могло оказывать на изменения географической среды, например, в Якутии, где посевы (довольно неустойчивые) колебались на протяжении последнего десятилетия перед Октябрьской революцией между 13,2 и 36,9 тыс. га.⁴ Правда, благодаря природным особенностям Якутии (характер почв, возможность быстрого образования в вечно мёрзлом грунте «термокарста») и такие незначительные по площади распахки могли существенно изменять физико-географическую среду, тем более, что пашня часто переносилась. Переселенческого притока в Якутию почти не было. Известную роль в развитии земледелия сыграло лишь пребывание в средней полосе Якутии с 60-х гг. до 1905 г. ссылаемых сюда скопцов, число которых составляло в 80-х гг. несколько более тысячи человек. Не следует, однако, переоценивать влияние ссылки скоп-

⁴ А. А. Храпаль. Сельское хозяйство Азиатского Севера, Л.-М., 1940.

¹ В. П. Вошинин. Переселение. Статьи в сб. «О земле», вып. 1, М., 1921.

² Азиатская Россия, т. II, стр. 274.

³ В этом отношении жизнь полностью опровергла все мрачные предсказания, исходившие (до начала строительства ж. д.) из реакционных кругов. См., например, высказывание ген. Андреевича: «Сибирская железная дорога желательна для военных и гражданских чинов, выгодна для купечества, бесполезна для 999 из тысячи местных обывателей, безусловно вредна для государства. Сибирь бедна, безлюдна, некультурна» (Цит. у М. Г. Удошников. Сибирь. Историческая хрестоматия. Иркутск, 1932, стр. 117).

цов на развитие в Якутии земледелия. Хозяйственный успех скопческих поселений в большой мере зависел от эксплуатации ими коренного населения и барышничества.¹ Гораздо большее значение имело перенятие якутами (главным образом в Олёкминском и Якутском округах) земледельческого опыта у русских крестьян и политических ссыльных. Так, «не имея опыта по возделыванию полевых культур и уходу за ними, олёкминские якуты старались перенимать от русских крестьян и политических ссыльных технику обработки земли, сельскохозяйственный инвентарь (соху, борону, упряжь) и приучали свой рабочий скот к полевым работам на пашне. Весной ездили к русским крестьянам за семенами и присматривались, как они обрабатывают пашню и сеют хлеб».²

Отдельные очаги земледелия возникали и в суровом бассейне Колымы, хотя и являлись неустойчивыми и часто забрасывались. Значение их не выходило за пределы опытничества.³

Таким образом крупные изменения географической среды, приводившие к созданию трансформированных человеком культурных ландшафтов, были локализованы в основном лишь в тех районах, куда шёл массовый приток населения. Но мы знаем, что сама площадь этих районов была достаточно значительна: по своей величине она уже была соизмерима, например, с площадью всей Западной Европы.

Наряду с формированием культурных ландшафтов, увеличением площадей, природная среда на которых видоизменялась, и «уплотнением» таких видоизменённых участков в пределах ареала заселения, шёл и процесс создания новой географии размещения самих населённых пунктов. Теперь они образовывали довольно сгущённую сеть, во многом не похожую на старую систему расселения. В последней очень видное место занимала цепочка сёл в полосе Сибирского тракта, а сейчас она терялась среди деревень, переселенческих посёлков, заимок, более равномерно заполнявших всю территорию. Эти изменения в географии населения отражали рост сельскохозяйственного производства, расширение земледельчески обрабатываемых площадей; вместе с тем они создавали и иную социально-экономическую обстановку для дальнейшего развития Сибири, что представлялось по своему значению не менее важным экономико-географическим результатом массовых переселений, чем видоизменения природной среды.

Оценивая новую социально-экономическую обстановку, которая складывалась в Сибири, следует прежде всего подчеркнуть значение бурного развития на этой окраине царской России ка-

¹ И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области, СПб, 1912.

² А. А. Избекова. Русские крестьяне—проводники земледельческой культуры у якутов. Сб. «Прогрессивное влияние великой русской пашни на развитие якутского народа». Якутск, 1950, стр. 109. В цитируемой работе приводится богатый фактический материал, подтверждающий, что с 80-х гг. XIX в. в средней и южной Якутии развитие земледелия у якутов получило массовый характер.

³ В. А. Кротов. Земледелие в бассейне Колымы, Иркутск, 1932.

питализма. Несмотря на антагонистический характер капиталистических производственных отношений, на то, что они разрушали былую патриархальную «сытость» Сибири,— процесс этот являлся объективно-прогрессивным, так как он обеспечивал в конечном счете известный рост производительных сил, приводил к укреплению и развитию в Сибири более передовых для того времени форм хозяйства.

Дело, разумеется, не могло сводиться к одним лишь количественным показателям подъёма сибирского хозяйства; сами эти количественные показатели делались возможными только в обстановке качественных изменений в типе сибирского хозяйства. Говоря коротко, важнейшие из этих качественных изменений сводились: а) к вооружению Сибири транспортными средствами, сделавшими возможным и необходимым переключение местной экономики на рельсы высокой товарности; б) к развитию местного рынка; в) к росту городов и горнопромышленных центров (хотя последние и были довольно скромны); г) к проникновению в сельское хозяйство многих улучшенных приёмов обработки земли (к приносу переселенцами новых с. х. культур, а также ремесла) и т. д.; д) к образованию значительного числа предприятий (хотя и мелких) по первичной переработке с. х. продуктов (мельницы, маслодельные заводы и т. д.). Современники согласно отмечают, что переселенцы принесли земледелию Сибири не только многие улучшенные сорта семян ранее возделывавшихся культур, но и совершенно новые для Сибири культуры: подсолнечник, гречиху, просо, бобовые, ряд бачевых культур, кое-где даже фруктовые насаждения. Именно переселенцы ввели в Сибири пчеловодство.² Они же были пионерами применения навозного удобрения.³ Переселенцы обычно довольно скоро вводили плуги; о переходе к улучшенным приёмам обработки земли пишут многие наблюдатели. В переселенческом хозяйстве «местная соха вытесняется российским плугом».⁴ Существенную роль в распространении машин играли склады Переселенческого Управления, снабжавшие переселенцев на льготных условиях сельскохозяйственными орудиями, в том числе улучшенными. Через эти склады проходила треть с. х. орудий, поступавших в Сибирь. Уже в 90-х гг. один из современных наблюдателей писал, что «веялки и сортировки в Бийском округе есть почти в каждой деревне, во всех волостях Бийского и некоторых Барнаульского округа работают по 2—4 молотилки».⁵

Именно развитие капитализма в сибирской деревне приводи-

¹ Ещё Глеб Успенский писал об «обилии домашнего трудового разнообразия» (как он своеобразно выражается) в хозяйстве новосёла, образующего резкий контраст с более однородным, более бедным по содержанию хозяйством старожильческим.

² А. А. Куломзин. Всеподданнейший отчёт по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб, 1896, стр. 120.

³ Н. М. Ядринцев. Судьба русских переселений за Урал. Отч. записки, 1879, № 5, стр. 155.

⁴ Н. Овсянников. Колонизация и переселенческое дело, Сб. «Алтай», Томск, 1890, стр. 355.

⁵ Н. Овсянников, назв. соч., стр. 355.

ло к быстрому росту употребления различных с. х. машин, без чего не мог идти рост запашек и посевов. Общеизвестно, что Сибирь стала накануне Октябрьской революции важнейшим рынком для русского с. х. машиностроения. За последние годы XIX и первое десятилетие XX века Сибирь ввезла с. х. машин на 150 млн. рублей. Особенно широкое распространение получили в Сибири уборочные машины.¹ Жатвенные машины Люберецкого завода шли главным образом в Сибирь. В 1910 г. в Сибири было сосредоточено больше $\frac{1}{3}$ всех сенокосилок и конных граблей России.²

Переселенцы создали в Сибири маслобояное дело. Значительное увеличение и качественное улучшение мукомолья также можно связать с переселенческим движением. Переселенцы привели новые, улучшенные породы скота, например тонкорунных овец. Приток переселенцев дал толчок росту кустарных промыслов; с приходом переселенцев в сибирской деревне появились столы, тележки, пимокаты, кожевники, шубники и другие кустари.³ Наряду с развитием сельских ремёсел приток переселенцев двинул вперёд и само земледелие. Н. Н. Овсянников писал, что на Алтае до развития переселенческого движения «продажа рогатого скота и масла давала более верные доходы, чем пашня. В результате (были) целые деревни, где ни один двор не сеял хлеба, и всего 10—12 пахарей на большие дворы в 150—200, сёла». В 70—80-х гг. положение на Алтае в корне изменилось — «пароходы повезли алтайский хлеб в Тюмень, и цены на пшеницу поднялись втрое. Ныне где хлеб, там и деньги, — убедился сибиряк и стал сам оседать на пашню». Овсянников настойчиво подчёркивает, что «старожилы учатся (у новосёлов — В. П.) и лучшим приёмам ухода за пашней... Переселенец сеял, косил, жал, и всё это делал так умело, как алтайский крестьянин до этого и не видывал».⁴

Особенно велики были изменения в 90-х гг. вдоль внезапно потерявшего своё значение Сибирского тракта, где раньше извоз и дворничество решительно отодвигали земледелие на задний план, превращая его в подсобную отрасль (главным образом посевы для обеспечения лошадей овсом). С постройкой Сибирской железной дороги промыслы эти упали, зато дорога создала предпосылки для сбыта товарного хлеба. Отсюда — бурное развитие запашек в притрактовых сёлах, сам тип хозяйства который радикально изменился.

Мы видим, что переселенческое движение в пореформенное время действительно создало крупные сдвиги в развитии и раз-

¹ Азиатская Россия, т. II, стр. 406—407.

² О значительности потока с. х. машин в Сибирь говорят и данные статистики ж. д. перевозок. Нам пришлось составить на основании этих данных за 1913 г. карту грузопотоков с. х. машин (в упрощённом виде опубликована в нашей книге «Проблемы размещения промышленности», М., 1930, стр. 29). Представление о Сибири, как огромном по ёмкости рынке для с. х. машиностроения Центра снова показывает нам Сибирь, как колонию, собственное промышленное развитие которой искусственно тормозилось.

³ Н. Овсянников, цит. соч., стр. 355; Ядринцев, цит. соч., стр. 164.

⁴ Н. Овсянников, назв. соч., стр. 341, 356—357.

мешении производительных сил Сибири. Но это только одна сторона дела. Обратной стороной этого развития были быстро развивающиеся противоречия, которые нарастали в самой сибирской деревне, обострившиеся классовые противоречия, стремительный процесс обнищания народных масс. «Цена» достигаемых успехов была очень высока. Это были вынуждены отчасти признавать и те официозные круги, которые предпочитали обращать внимание на «мажорные» черты всей картины, подчас стремясь даже попросту отрицать классовое расслоение в Сибири и бедственное положение основного слоя переселенцев.¹ Так уже не раз цитированный нами либеральный чиновник Н. Н. Овсянников проговаривался, что «нуждающийся переселенец, исконный пахарь, был находкой, кладом для богатого сибиряка. Даже некоторые общества, делая выбор между переселенцами, ищущими у них пристанища, предпочитают бедных переселенцев богатым».² Однако при такой постановке вопроса всё зло сводилось лишь к неумелой административной политике местных чиновников, торжествующих водворение, заставлявших новосёлов подолгу ждать получения собственного надела и идти временно работать в старожильческом хозяйстве. Именно по этой «безопасной» линии — осуждения лишь практики водворения — главным образом и направлялась критика кадетов-либералов, вроде известного деятеля переселенческого дела А. А. Кауфмана. Представители оппозиционной интеллигенции народнического толка вроде Глеба Успенского шли значительно дальше; яркими красками они показывали бедствия переселенцев, колоссальную смертность среди них, мучительные испытания многих тысяч людей;³ но, не вооружённые революционной теорией, они не могли вскрыть действительных причин той бедственной судьбы, которая постигала в Сибири переселенца.

Только революционная марксистская мысль могла в царской России последовательно и решительно разоблачить казённый оптимизм по поводу «разрешения» переселенческого вопроса. В. И. Ленин писал: «Правительство добилось только нового обострения и ухудшения положения крестьян и в России и в Сибири». «Не ясно ли, что хваленое правительство «устройство» переселенцев оказалось пуфом?».⁴ Революционно-марксистская мысль не только разоблачила лживую легенду о сибирском благополучии, но и вскрыла глубокие классовые причины «бедствий, разорения и нищеты крестьян, которые распродали все дома, чтобы уйти в Сибирь».⁵

¹ Царский сановник Куломзин, например, писал, что «закабаления переселенцев нигде не существует, да по видимому, и не может существовать, так как летом в страду каждый сибиряк, ведущий хозяйство, нуждается в рабочих, и последние, будь то переселенцы или нет, не дадут себя в обиду». Назв. соч., стр. 108.

² Назв. соч., стр. 341.

³ Вспомним, например, потрясающий по силе иронии очерк Гл. Успенского «Не знаешь где найдёшь».

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 451 и 452.

⁵ Там же, стр. 452.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

...«Когда совсем готовый, населённый и просвещённый край, некогда тёмный, неизвестный, предстанет перед изумлённым человечеством, требующим себе имени и прав, пусть тогда допрашивается история о тех, кто воздвиг это здание... Это те люди, которые в одном углу мира подали голос к уничтожению торговли чёрными, а в другом учили алеутов и курильцев жить и молиться. И вот они же создали, выдумали Сибирь, населили и просветили её... А создать Сибирь не так легко».

(И. А. Гончаров. Фрегат Паллада).

Огромная величественная картина подвигов русского народа прошла перед нами.

Картина эта началась эпопеей «проедывания» сибирских земель горсточкой смелых землепроходцев; совершённый ими географический подвиг стёр на географических картах мира XVI—XVIII века огромное белое пятно, на котором до этого неуверенно писали «Тартария» или просто «Pars Asiae» (часть Азии). Недаром именно это время справедливо зовут «эпохой великих русских географических открытий».

Советские исследователи, бережно изучая замечательные памятники землепроходческой эпопеи, содержащие богатейший географический материал, шаг за шагом опровергли старую антинаучную легенду о том, что землепроходцы были авантюристами вроде испанских конкистадоров, что ими двигало лишь стремление к наживе и грабежу. Вот что пишет, например, автор русской географии XVII века Д. М. Лебедев: «Было бы совершенно неправильно объяснять стремление множества «промышленных» и «служилых» людей на Восток исключительно одной наживой. Мотивы их поведения значительно сложнее. Самой обстановкой путешествий, полная огромных лишений, грозящая на каждом шагу гибелью, была такова, что требовала наличия и особых качеств и особого интереса. Этим людям, иногда даже неграмотных... влекло, помимо наживы, ненасытное любопытство, стремление к неизведанному, переходящее в настоящую любознательность и исключительную зоркость наблюдения. Ими руко-

водило также, может быть и не вполне осознанное, представление о том, что они выполняют полезное, патриотическое дело, ведущее к возвеличению их отечества.¹

Географический подвиг открытий непосредственно переходил в трудовой подвиг освоения. На первых порах это освоение не могло не быть поверхностным и хищническим; нам ясна историческая обусловленность этого при господстве экономических стимулов периода первоначального накопления. Но уже очень быстро трудовое освоение сибирских земель становится более глубоким; пахарь и рудознатец становятся рядом со служилым и промышленным человеком. К этому приводила внутренняя логика событий истории самой Сибири, которая уже вследствие своей удалённости должна была создавать собственную базу хозяйственного развития. Заселившие Сибирь — сперва лишь тонким слоем — русские люди были носителями более развитого способа производства, и это обеспечило то, что после включения Сибири в состав Русского государства экономическое развитие её пошло несравненно быстрее. Стоит сравнить тянувшиеся, видимо, столетиями процессы развития у коренного населения Сибири даже примитивного оленеводческого хозяйства, сменившего «пешую» культуру охотников-тунгусов или «сидячую» культуру рыболовецких народов северо-восточных побережий с созданием в разных концах Сибири «русской пашни», постройкой городов-острожков, образованием центров торговли (хотя бы и происходившей в примитивных формах ярмарок и отдельных расторжек), возникновением устойчивого каркаса путей сообщения — сперва лишь водных, а затем и трактовых.

В этом углублении самого освоения первое место, конечно, принадлежало пашенному делу. В. Н. Шерстобоев, — исследователь одного из освоенных русским пахарем уголков Сибири — Илимского воеводства, — с большой убеждёностью утверждает, что «истинными завоевателями Сибири были не казаки и воеводы, а пашенные крестьяне... Крестьянство оказалось главным фактором превращения Сибири в русский край».² Это верно вдвойне — и в том отношении, что именно русское крестьянство поставляло Сибири на всех этапах её колонизации «людской материал» для всех форм освоения сибирских просторов, и в том отношении, что наиболее важной из этих форм освоения явилось развитие земледелия. Обращая в нашей книжке особое внимание на географические результаты передвижек населения в Сибирь, на вызываемые ими видоизменения ландшафтов, подвергавшихся

¹ Д. М. Лебедев. География в России XVII века, М., 1949, стр. 75. Мы думаем, что если говорить о землепроходческом движении в Сибирь в целом, следует ещё более смело признать за ним большой государственный подход, сознание, часто очень ясно выраженное самими землепроходцами, больших исторических задач, разрешавшихся каждым новым «походом». Нам думается, что и правительственная политика Московского государства складывалась в отношении к Сибири не «от случая к случаю», а являлась в общем достаточно дальновидной, целеустремлённой.

² В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, Иркутск, 1949, стр. 4.

культурному воздействию человека, мы всё время ощущали эту центральную роль земледелия.

Нить земледельческого освоения Сибири уходит в глубь времён и сплетается там с нитью географических подвигов проведения богатых, но ещё неизвестных земель. Мы, вероятно, никогда не узнаем имени того сметливого кузнеца среди кучки землепроходцев, который сковал первый лемех для плодородной сибирской земли, того безвестного крестьянина, тосковавшего по земле на родине, который здесь, в Сибири, провёл этим лемехом первую борозду.

Иностранцам авторам, писавшим о русском движении в Сибирь, чуждо было ощущение великого труда, вложенного нашим народом, чтобы поднять этот большой и богатый, но такой тяжёлый для освоения край. При этом всегда поражает то, как эти авторы, даже очень «учёные», плохо представляли себе хотя бы внешнюю географическую обстановку подвигов землепроходцев. Немцы О. Пешель и К. Вейле писали, что «сама природа как бы позаботилась об удобстве завоевателей и приготовила для них речной путь от Оби до Великого океана». ¹ Американец Р. Кернер, вынужденный признать огромный географический размах движения русского народа в Сибирь, представил всё это движение, как лёгкий переход путём волоков (portages) из одного бассейна в другой, начиная... с Валдайской возвышенности, которую он называет «ключевым волоком мира», так как от него якобы идёт сплошной «волоково-речной» путь до самого Тихого океана. Он «забыл» о таких препятствиях, как «Камень», барьером вставший перед нашими предками уже на пороге Сибири, о бесчисленных порогах на реках Средней и Восточной Сибири, о суровых хребтах Прибайкалья и северо-востока, преграждавших путь, о бездорожье тайги, о ледяной стуже тундры, о льдах океана. На «гладком» листе географической карты Кернер цепляет, словно крючки, один волок за другой, легко и механически складывая всю огромную территорию Сибири, и когда она сложена географически — завершённым оказывается у него и процесс приобщения её к Русскому государству и заселения её русским народом. ²

Когда встречаешься с такими утверждениями, всегда приходится недоумевать: происходят ли они от невежества, непонимания истинного характера географической среды Сибири, или от желания принизить исторические подвиги нашего народа.

Впрочем, дело закисляется всегда и в порочности самой методологии пресловутой «антропогеографии» буржуазных учёных, которые неспособны правильно оценить влияние географической среды на общественное развитие. Географической среде они отводят роль определяющего фактора; поэтому гео-

¹ Вселенная и человечество, стр. 117.

² Кернер посвятил внутренней колонизации России специальную книгу («Стремление к морю. Роль рек, волоков, острогов, монастырей и пушной торговли», Беркли, Лос-Анжелос, 1942); мы имели случай разоблачить её бессодержательность в нашем критическом разборе (Изв. ВГО, 1947, № 2).

графическая среда Сибири, пройденная из конца в конец чуть ли не за полстолетие, видимо, должна быть особо благоприятной, «толкающей» к самому движению, «вызывающей» и его высокий темп. Если факты отнюдь не характеризуют эту среду как особо благоприятную для колонизации (а мы знаем, какой нелёгкой она была на деле), тем хуже для фактов.

Вульгарно-географический детерминизм буржуазных учёных открывает им и широкие «возможности», чтобы выводить сам «характер» русского народа — носителя грандиозного процесса землеосвоения — из «природы страны». При этом, конечно, можно представить этот характер в том духе, какой нужен. Довольно известный немецкий географ А. Геттнер написал о России специальную книгу, в которой уделил немало внимания русским переселениям. Он клеветнически утверждает в ней, что природа приучает русский народ «терпению и покорности», в другом месте, что она «привила русскому характеру черты покорности и хитрости». Он пишет: «Суровость и малая одарённость природы (на этот раз «удобней» оказалась именно такая характеристика природы России — В. П.), лишённой однако дикой силы моря и высоких гор, научили его (русский народ — В. П.) пассивным добродетелям... Способность переносить неудобства и боль, терпение, доходящее до тупости, изумительны... Русский... менее прикреплён к своей местности, чем житель Западной Европы. Бесконечное однообразие страны, при котором путешественник и далеко от своего родного места видит ту же природу, не даёт возникнуть настоящей привязанности к родине... Однообразие естественно-исторических условий и образа жизни, не благоприятствующее экономическим и духовным сношениям и обмену, должно способствовать переселениям и распространению населения. Переселенец остаётся в той же обстановке и поэтому легко может везде приспособиться... Все импульсы здесь направляются на переселения и приводят таким образом только к распространению, а не подъёму культуры». ¹

Эта гнусная ложь, написанная с очевидной целью представить наш народ чуждым патриотизма, тупым и покорным, нашу природу бедной и однообразной, нашу страну бескультурной — поистине выглядит как «учёное» введение к гитлеровским инструкциям по управлению «Остландом», хорошо памятным советским людям. Действительная картина расселения нашего народа по просторам его отечества и создание в ходе этого расселения великого государства так непохожи на измышления Геттнера, что вряд ли необходимо их специально опровергать. Примени-

¹ А. Геттнер. Россия. Культурно-политическая география. Русск. перев., М., 1909, стр. 46—47, 93, 14. Показательно, что автор этой книги не стесняется призывать к расчленению территории России: «Некоторые из русских окраин... могли бы быть, вообще говоря, отторгнуты другими государствами путём войны». Геттнер утверждает, что это было бы «в интересах всего мира, особенно в интересах государств Западной Европы, которые в случае продолжения роста России могут стать по сравнению с нею ничтожно малыми» (стр. 75).

тельно к Сибири вся наша книжка, как и любая из работ советских исследователей, служит достаточным опровержением этого бреда.

Видный французский географ Э. Реклю, гораздо более «прилично» относящийся к России, также скатывался на позиции географического детерминизма в вопросе «влияния» природы России на характер нашего переселенческого движения: «Русского крестьянина ничто особенно не привязывает к месту его рождения, ничто не может вызвать в нём сожаления о покинутой почве. В какую бы сторону он не направил свой путь, он может идти вперёд целые дни и недели — и везде встретит ту же однообразную равнину».¹

Иностранные авторы стремились изобразить занятие русским народом Сибири как результат лишь примитивного, грубого захвата; они сознательно или по невежеству проходят мимо всей многогранной деятельности по освоению её, которая для нас образует волнующую историю трудовых подвигов. Так американец Гольдер писал, занимая Сибирь, «Россия показала, что она может завоевывать, но она дала очень мало доказательств, что она может цивилизовать... Россия овладела этой огромной территорией лишь потому, что её население было переполнено (overflowing) физической энергией».² Гольдер, стремясь приписать подвиги русских землепроходцев, дошёл до отрицания открытия Дежневым пролива между Тихим и Ледовитым океаном, клеветнически объявив это открытие «фальшивкой». Советский учёный акад. Л. С. Берг дал этой враждебной вылазке достойный отпор.³

На протяжении 3¼ столетий, прошедших от проникновения русских в Сибирь до Великой Октябрьской революции, освоение Сибири имело как бы два основных этапа, разных и по продолжительности и по географическому значению. В течение первых 2½—3 столетий первоначальное стремительное занятие огромного края, позволившее снять сливки его пушно-промысловых богатств, сменилось более вялым освоением, в котором главную роль играла сильно развившаяся (хотя и в отсталых формах) торговля и лишь отчасти, в отдельных районах, горная промышленность. Земледелие на этом этапе являлось отраслью, лишь обеспечивавшей потребности самого русского, ещё немногочисленного, населения Сибири. Земледелие не приобрело ещё крупного самостоятельного, самодовлеющего значения, хотя некоторые районы Сибири, главным образом на юго-западе и отдельными островками к востоку от Енисея, уже специализировались на производстве товарного хлеба, и для них хлебопашество играло значительную большую роль.

¹ Э. Реклю. Земля и люди. Всеобщая география, т. V, вып. 2, русск. перев., СПб, 1883, стр. 29.

² F. Golder. Russian expansion on the Pacific 1650—1850. Cleveland, 1914, p. 266.

³ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, Л., 1936. В этой книге измышления Гольдера подвергнуты уничтожающему разбору.

Второй этап характеризуется притоком в Сибирь гораздо больших переселенческих масс, бурным развитием земледелия, которое оттесняет остальные стимулы колонизации на задний план. Сибирское земледелие и отчасти животноводство (позволившее развить маслоделие) начинает играть видную роль в народном хозяйстве всей России, становится ведущей осью развития экономики Сибири, делающейся типичной и именно аграрной колонией.

Каждый из этих главных этапов соответствовал хронологически и «логически» господству в России последовательно двух систем общественных отношений: первый — общественным отношениям, основанным на феодально-крепостническом способе производства, и экономике типа «первоначального накопления», получившей в Сибири яркое выражение, второй — общественным отношениям, основанным на капиталистическом способе производства, хотя и со значительными пережитками крепостничества. Речь идёт не только об общественных отношениях, которые складывались в самой Сибири, но в первую очередь об общественных отношениях применительно ко всей стране.

Ведь общественные отношения в коренных областях России определяли, например, на втором этапе и масштабы шедшего в Сибирь переселенческого потока, и главные очаги его зарождения, и сами условия превращения Сибири в район торгового земледелия, и место, которое она сумела занять в капиталистической экономике предреволюционной России. То обстоятельство, что капитализм в самой Сибири, в частности в сибирском сельском хозяйстве, развивался в большей мере, чем в Европейской России, по американскому пути — не должно нас обманывать. Это развитие всё же испытывало могущественное влияние крепостнических пережитков в центре страны.

Точно также для первого этапа существенно было, что, хотя в самой Сибири крепостные отношения не получили своего классического выражения (кроме горной промышленности), они безраздельно господствовали в Европейской России. Это определяло и то, что сам выход переселенцев (ввиду прикреплённости крестьян к земле) был численно невелик, и то, что в Сибирь попадали в большом числе бежавшие от крепостного гнёта люди (или сосланные крепостные), и то, что, например, горная промышленность здесь развивалась лишь в мануфактурно-крепостных формах, и специфические приёмы сибирской торговли и многое другое.

Многоукладность самой Сибири, в которой и в период её капиталистического развития у местных народностей в отдельных местах сохранялись даже остатки дофеодальных отношений, отчасти осложняла картину, но общие черты связи самих условий колонизации со способом производства рисуются нам достаточно ясно.

Географические последствия второго этапа как в смысле преобразующего воздействия человека на природную среду, так и в смысле создания новой социально-экономической обстановки

и формирования экономических районов самой Сибири, были несравненно более значимыми, чем первого этапа.

Очень важным различием обоих основных этапов является то, что первый был связан с территориальным ростом самого русского государства, раздвижкой его границ; второй представлял собой лишь переливы населения в пределах уже установившихся к этому времени государственных границ, имея лишь отчасти транзитное значение (например, заселение Дальнего Востока).

Нам представляется, что важной темой для работы советских историков и историко-географов явился бы анализ того, в какой мере и как именно миграции русского населения способствовали цементированию всех вошедших в состав государства многонациональных территорий в одно целое, как влияли они на формирование общероссийского рынка. Нам думается, что в последнем отношении «обмен населением», наряду с обменом товаров, приобретал существенное значение. Что же касается до значения территориального расселения русского народа в деле объединения в рамках одного государства коренных (нерусских) народностей окраин, то здесь достаточно вспомнить учение товарища Сталина о той роли «объединителя национальностей», которую в России «взяли на себя великороссы».¹

Для этого анализа Сибирь — важнейшая из бывших окраин России — могла бы дать огромный фактический материал.

Наша работа не ставила перед собой таких задач. Мы стремились лишь, с одной стороны, установить фактический ход заселения Сибири, с другой — проследить его обусловленность характером и размещением складывавшегося в Сибири производства, с третьей — показать, как влияла на расселение географическая среда Сибири (влияние это осуществлялось через размещение производства, использовавшего те или иные природные ресурсы), показать результаты преобразующего воздействия человека на природу, изменения географической среды, происшедшие в результате хозяйственной деятельности.

На страницах нашей книги мы проследили огромный созидательный труд, совершенный простыми русскими людьми в Сибири, видели, как вырастал и мужал этот большой край. Сибирь является созданием русского народа, и мы заслуженно гордимся этим созданием. Мы видели и ту дорогую цену сотен тысяч жизней, которыми народ заплатил за превращение этого края в органическую часть нашей великой страны. Мы знаем теперь, что цена эта уплачена не напрасно. Сталинская Сибирь наших дней, в которой дружба русского народа со всеми коренными народами ныне скреплена совместным творческим трудом, предстаёт перед нами как могучий, зрелый комплекс важных экономических районов СССР. Неисчерпаемы богатства Сибири, но главным из них являются сами сибиряки — негибаемые патриоты, доблестные труженики, преданные партии и Родине.

Памяти их славных предков хотим мы посвятить нашу работу.

¹ И. В. Сталин. Соч., том II, стр. 304.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН

- Абакан 102
Абаканская степь 152
Абацкий острог 50, 106, 107
Айгун 92
Акмолинск 102, 147, 148, 163, 186
Актюли 116
Актюбинский округ 94
Алазея р. 88, 90
Албазин 46, 92
Алдан 38, 45
Алейский завод 116
Алеутские о-ва 100
Алтай 50, 102, 110, 114, 117, 130, 133, 140, 142, 149, 151, 161, 171, 172, 179, 186, 190, 194
Алтын-озеро — см. Телецкое оз.
Аляска 100
Амга 37, 68, 85
Амур 21, 44—47, 83, 92, 93, 154
Амурская ж. д. 154
«Амурское море» 39
Анадырь 37, 83, 90, 95
Ангара 40, 41, 43, 64, 66, 70, 107
Анжеро-Судженск 161
Арамилская слоб. 54, 61
Аргунские заводы 109
Аргунь р. 154
Армашевская слоб. 76
Архангельск 158
Атбасар 102
Ачинск 104, 105, 107, 152, 155, 182
Аян 109
Бабинская дорога 34, 105, 106
Байкал 21, 43, 67, 80, 109, 140
Бадганск 40, 42, 30, 107, 152
Балтийское море 28
Бараба 50, 104, 105, 107, 110, 151, 159, 175, 189
Баранча р. 33
Бардаковка р. 48
Бардаково княжество 31, 48, 85
Барнаул 50, 102, 114, 115, 182, 183, 193
Барнаулка р. 115
Баргузин, Баргузинский острог 40, 46, 80, 81
Бачат р. 115
Баяга р. 85
Белгородская черта 52
Белгородское княжество 85
Белое море 158
Белорецкий завод 50
Берёзов 31, 32, 48, 70, 72, 84, 85, 105, 124
Берёзовка р. 117
Берёзовский рудник 116
Берингово море 48
Берингов пролив 37
Бессарабия 147
Бетонская волость 68
Бийск 48—50, 102, 103, 114, 182, 183, 193
Бирюса р. 116
Биссерть р. 34
Бодайбо, Бодайбинский район 116, 162
Большерецкая 50
Братск 40—42, 66
«Брацкие земли» см. Бурятия
Брусняной камень 46
Бурятия 42, 44, 79, 80, 154
Бухтарма р. 114
Вагай р. 50
Валдайская возв. 198
Васюгань 63, 104, 142
Вах 35, 36
Верхнеангарск 40
Верхнетомский 50, 64

Верхнеудинск 109
Верхняя Уба 50
Верхоленск 42
Верхоленская степь 82,
Верхотурск, Верхотурье 32—34, 61—
63, 67, 70, 72
Верхоянск 37, 85, 111
Ветка р. 117
Викулова слоб. 106
Виллой 40, 83, 85—89, 95, 96
Витебск 174
Витим 111
Вишера 33
Вознесенское 107
Волга 18, 53, 181
Вологда 33
Волочанка 35
Воронеж 174
Вост.-Кит. ж. д. 154
Вычегда 33
Вятка 63, 158
Вятская губ. 117, 175
Гавриловский рудник 161
Гаринская 53
Гильой 46
Глубокая р. 117
Голодная степь 135
Голопутовское 106
Гонам р. 45
Гурьевский завод 115, 161
Дальний Восток 6, 15, 46, 131, 135,
154, 156, 159, 169
Даурья 19, 45, 46, 92, 116
Доброво 50
Долонский острог 46
Дон 51, 53
Донбасс 14
Дьячий о-в 40
Европа Вост. 9
Европа Зап. 11, 24, 192, 199
Екатеринбург 34, 106, 115, 116, 181
Екатерининский завод 50
Еланское 107
Елец 33
Елогуй, Елогуйский волок и заста-
ва 35, 36
Енисей 32, 35—37, 44, 48, 56, 70, 77,
90, 93, 94, 102, 110, 116, 140, 145,
146, 151, 161, 200

Енисейск 35, 48, 64, 66, 67, 72, 90,
104, 145
Епанчин см. Туринск
Жаровля 33
Железнодорожное 50
Жигалово 66
Жиганск 89
Забайкалье 42, 43, 45—47, 70, 94, 104,
109, 118, 140, 142, 145, 153, 154, 189
Заволжье 176
Зайсан 179
Закаспий 125
Запорожье 51
Зашиверск 37
Заярск 41
Звериноголовская 50
Зеленая р. 41
Зея 45, 46
Златоуст 182
Змеиный 50, 114, 116
Золотая Орда 84
Зудиловский острог 50
Игирма р. 40
Идлинский острог 66
Илим (и Илимские земли) 40, 41, 43,
58, 66—68, 70, 77, 109, 197
Илимск 40, 41, 43, 66, 72
Ильч р. 33
Индигирка 37, 88, 90
Ингода р. 118
Ирбинский завод 114, 152
Ирбит, Ирбитская ярмарка 34, 111, 112
Иргом 102
Иркутск 40, 72, 73, 76, 100, 101, 107,
109, 152, 160, 182
Иркутско-Тулузская лесостепь 82
Ирландия 9
Иртыш 21, 23, 31, 50, 62, 63, 69, 70,
84, 102, 106, 117, 140, 147, 149,
169, 182.
Исетская линия 49
Исеть р. 34
Испания 57
Ишим 50, 69, 105—107, 182
Кабанья 50
Кавказ 131
Казань, Казанское ханство 24, 33, 36
Канск 105, 107
Кайгород 33
Кама 24, 33, 56, 69

Каменка 34
«Камень» см. Урал
Каменновская слоб. 54, 61
Камчатка 44, 48, 49, 57, 100
Канни п-ов 84
Канск 80, 107, 152, 175, 182
Каркаралинск 102
Карташово 182, 183
Кратайский острог 54, 75
Качинская степь 152
Кетский острог 35, 72
Кеть р. 35, 145
Кежма 41
Кийское — см. Маринск
Кинешма 181
Киренск 66
Киртас р. 33, 48
Китай 8, 39, 44, 45, 47, 92, 94, 118
«Китайское море» 45
Кодское княжество 31, 85
Кокчетав 102
Колчеданский острог 54
Кольвань 50, 105, 107, 114
Кольванский завод 50, 114, 115
Кольма 37, 39, 56, 86, 88, 90, 111, 192
Кочки 182
Коми-Пермяцкий нац. округ 84
Комсомольск 22
Кондия 23
Кони п-ов 83
Коркинский острог см. Ишим
Коряковская см. Павлодар
Косогол оз. 80
Косой (острожек) см. Охотск
Косулина 181
Котлас 158
Красноярск 35, 49, 64, 70, 72, 104,
107, 124, 152, 182
Кругобайкальский путь 110, 154
Круглое оз. 35
Кузбасс 64, 115, 161
Кузнецк, Кузнецкая земля 44, 48, 50,
64, 66, 70, 108, 182
Кузнецко-Кольванская линия 50, 102
Култук 109
Кулуинская степь 175
Кунгур 34, 106
Кула р. 40
Курган 32, 49, 100, 104, 105, 181
Курильские о-ва 100

Курск 13, 183
Кустанай 165
Кута р. 40, 66
Кяхта 47, 100, 102, 109, 112—114
Лебяжья 50
Лена 37, 40, 42, 44, 66, 67, 80, 82,
85, 87, 89, 95, 109, 116, 162
«Ленский волок» 40, 41, 58, 64, 66, 110
Лугазский завод 152
Магнитогорск 22
Маковский волок 35, 107
Мамырь 41
Мангазья «Старая» 35, 37, 70, 72, 84
Мангазья «Новая» см. Туруханск
«Мангазейское море» 39
Маньчжурья 92, 93
Маралиха 50
Маринск 107, 182
Мая 39, 45
Медвежий о-ва 90
Мезень 56, 82
Миусинск 49, 102, 124
Миусинская котловина 64, 66, 102,
104, 114, 140, 142, 152, 153, 182
Миусинское оз. 152
Младший Жуз казахский 102, 147
Монголия 179
Моршанск 181
Мугань 135
Мука р. 40, 41
Мунгатский острог 50
Муром 181
Мюрю оз. 96
Нарым 32, 48, 70, 72, 104, 105
Невьянская слоб. 76
Нейва р. 33
Нерча, Нерчинск 46, 47, 63, 70, 106,
114, 116, 121, 154
Нижне-Илимск 40
Нижнеколымск 90
Нижний Новгород и Нижегородская
ярмарка 112, 181
Николаевское 50
Ница р. 31, 33, 152
Новгород (и его земли) 28, 73
Новиковский 50
Новороссия 14, 130, 136, 147, 174, 173
Новосибирск 105, 142, 160
Новоудинская слоб. 66, 77
Нюрба оз. 96

Нюя р. 83, 86
Обдорск, Обдорья 23, 31, 32, 85
Обская губа 37
Обь 23, 31, 35, 36, 44, 50, 56, 63, 69,
70, 84, 85, 94, 107, 112, 114, 140,
159, 198
Одесса 114
Ока (приток Ангары) 66
Ока (приток Волги) 181
Олекма, Олекминск 45, 63, 68, 82,
85, 86, 88, 116, 192
Оленек 37, 88
Ольхон о-в 81
Омск 48—50, 104—107, 119, 158, 169,
181, 183
Омь р. 50, 107
Оренбург 13, 163, 181, 182
Оренбургская линия 102
Охота р. 40
Охотск, Охотский тракт 40, 86, 88,
94, 109, 111
Охотское море 50, 83, 86, 109
Павлодар 50, 183
Паддиски 121
Пегая Орда 32
Пелым, Пельмское княж. 31, 32, 53,
70, 72
Пенжинская губа 37
Пермь 63, 158, 162, 181, 182
Петропавловск 50, 102, 105, 181
Печора 23, 33, 56, 60
Плоская 50
Поволжье 13, 14, 15, 54, 55
Подвочное оз. 35
Покровская 50, 68
Полтава 13
Полтавская губ. 127, 139
Полуденная 50
Поморье 10, 54—56, 57, 60, 62
Португалия 57
Пресновская 50
Пресногорьковская 50, 102
Пресногорьковская линия 50
Предуралье 61, 62, 84
Приамурье 46, 90, 92, 133, 154, 165
Прибайкалье 40, 42—44, 48, 63, 68,
69, 80, 82, 104, 140, 198
Приморье 133, 165
Примосковье 73
Приуралье 13, 15, 28, 54, 55

Псков 28
Пустозерск 84
Пустынное 182
Путная р. 36
Пышма 31, 152
Пясина 36, 84
Режь р. 34
Рогервик 121
Рубцовск 175
Рыбинск 181
Рязань 181
Сагайская степь 152
Салаир (поселок) 161
Салзирский княж 115
Самара 174, 181, 183
Самарово 107
Саратов 181
Саяны 104
Север см. Поморье
Северная Двина 23, 158
Северный Кавказ 14, 176
Северный Казахстан 6, 151
Северный Ледовитый океан 39, 48, 56
Сенгово 50
Селемджа 46
Селенга 46, 118
Селенгинск 46, 153
Семипалатинск 50, 183
Семиречье 15, 169
Серебрянское 107
Сибирская ж. д. 10, 15, 123, 137, 139,
140, 150, 156, 159, 169, 172, 176,
182, 183, 190, 194
Симбирская черта 53
Симса залива 36
Синяя р. 85
Сколпи 50
Слободская Украина 13
Собь 33
Согра 50
Соликамск, Соль-Камская 24, 33, 34,
63, 106
Сольвычегодск 24, 33
Сосновский острог 50, 64
Сосьва 33
Средний Жуз Казахский 102, 147
Средняя Азия 15, 74, 130, 131
Становая 50
Староалейский завод 50
Строгановых земли 24, 100

Сунгары 92
Сургут 32, 48, 70, 72, 104
Сухона 32
Суэц (хий канал) 15
СПА 7, 8, 9
Сытва 38
Сызрань 181, 183
Сым 35, 36
Сымск 48
Табаринская 53
Тавда 24, 33, 63, 142
Тагил 83
Таз 35, 84
Таймыр 36
Тара 48, 50, 55, 63, 70, 72, 105, 106,
135, 183
Тарбагатай 118
«Тартария» 196
Татта 85
Ташкент 15
Тверь 181
Теленба оз. 46
Телецкое оз. 39
Тихий океан 31, 42, 44, 45, 47, 88,
100, 112, 124, 198
Тобол 33, 50, 62, 63, 69, 102, 107,
140, 142, 182
Тобольск, Тобольского разряда зем-
ли 32, 36, 48, 62—64, 70—72, 76,
93, 101, 104, 105, 106, 107, 111,
119, 133, 142—144, 147, 160
Томск 32, 37, 44, 48, 50, 64, 70, 72,
101, 105, 106, 107, 110, 133,
142, 147, 160, 180, 183
Томь 50, 64, 107
Тонтурское 107
Троицк 50, 181
Тутир, Тугирский острожек 45
Тунгуска Нижн. 35, 40
Тункинский острог 109
Тура 31, 33, 46, 142
Тургай 163, 165
Турига 41
Туринск, Туринский уезд 32, 63, 70,
72, 105
Тутурская слоб. 66
Турухан р. 35
Туруханск 35, 36, 48, 88
Тым 35
Тюкалинск 105, 106, 107, 181

Тюмень 32, 33, 68, 70, 72, 101, 104, 105,
106, 107, 158, 163, 181, 183, 194
Уба 50, 117
Уда р. 46, 80
Удь р. 40
Уй р. 50, 69
Уймонский тракт 179
Украина 15, 55, 130
Ульба р. 117
Улья р. 40
Урал 4, 18, 23, 24, 28, 31, 33, 34, 35,
42, 48—50, 54, 55, 60, 61, 63, 74,
84, 85, 102, 116, 140, 142, 154,
171, 185
Уса р. 33
Усолье 61
Усури 93, 154
Усть-Дукичский острог 46
Усть-Каменогорск 50, 102, 114
117, 179
Усть-Кут 40, 67, 109
Усть-Цильма 12
Утка р. 34
Утяцкий острог 50
Уфа 183
Учур 45
Фаддея о-в 36
Харьков 13, 127, 134, 173
Царев-город см. Курган
Царьцын 181
Чарышская 50
Чаун 90
Чаусский острог — см. Кольвань
Челябинск 155, 157, 163, 177, 182, 183
Чердынь 33, 61
Черемисская 77
Черемхово 161
Чернигов 173, 177, 178
Чернолуцкий острог 50
Чечуйский восток и острожек 40
Чикой р. 153
Чингилес, Чинги-Тура см. Тюмень
Чита 46, 109
Чона 40
Чуйский тракт 179
Чулым 140
Чукотка, Чукотский п-ов, нос 39, 44,
49, 57, 83
Чуна 80, 134, 144, 145

Чусовая 33
Шадринск 105, 181
Шаманский погост 77
Шилка 44, 47
Шогринская 77
Шория Горная 44
Шульбинский з-д 114
Юдома р. 39
Югра, Югорская земля 23, 24
Яик 51

Якутия 57, 59, 66, 68, 81, 82, 85-87,
94, 96, 99, 165, 191
Якутск 37, 39, 55, 63, 67, 68, 70, 83,
88, 104, 109, 111, 114
Ялуторовск 34, 105, 107, 182
Ямал (п-ов, волок) 36
Яна 37, 88, 89
Яндинский острог 66
Яровский 51
Ярославль 181

Примечание: В указатель не включены названия (напр., губерний, районов и т. п.), встречающиеся в таблицах; упоминания губерний Сибири следует искать также под названием главного города этих губерний. В указатель не включены вовсе такие географические названия как Россия, СССР, Сибирь, а также указания на места издания цитируемых книг и географические названия, встречающиеся в заглавиях этих книг.

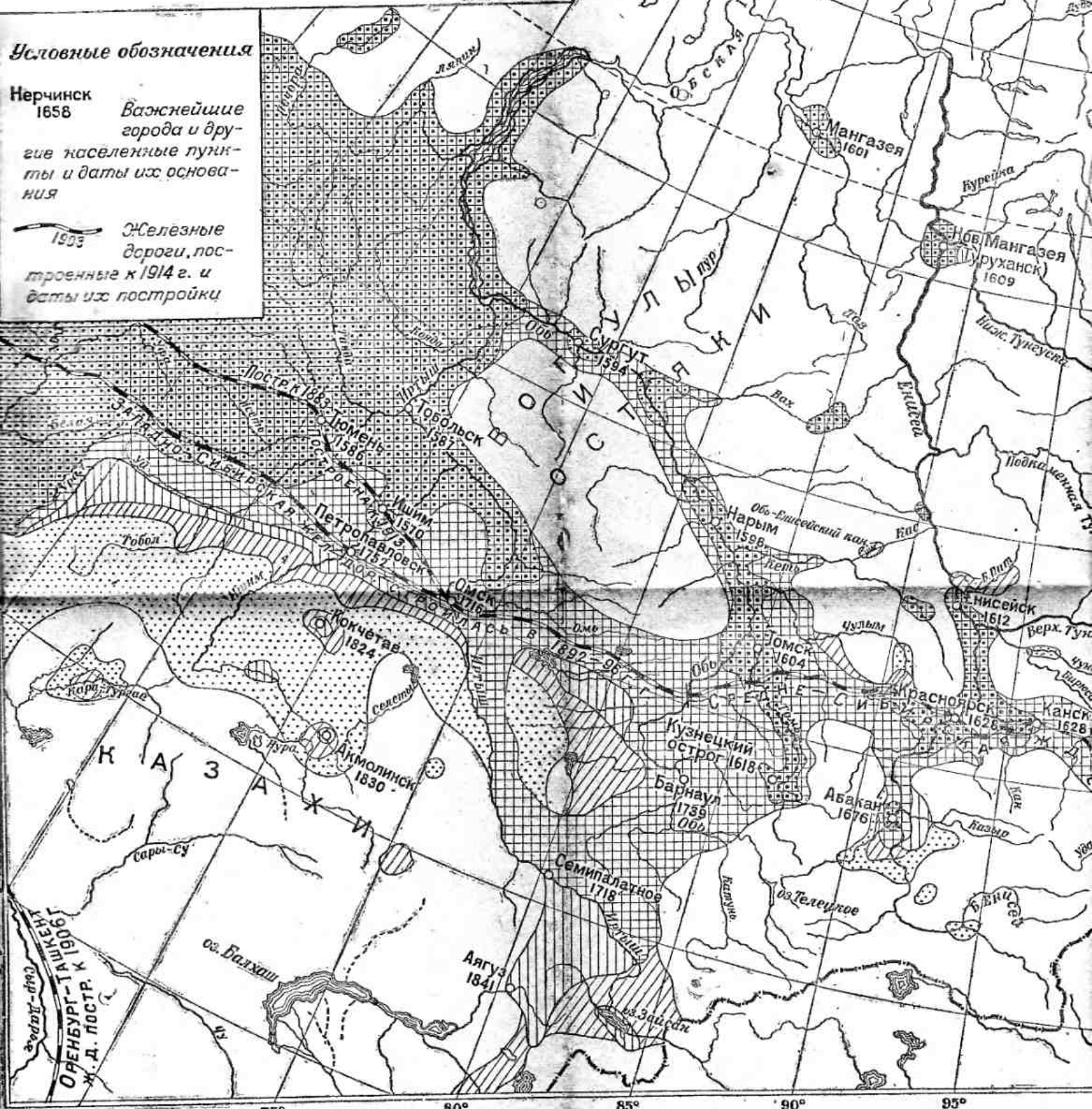
40° 45° 50° 55° 60° 65° 70° 75° 80° 85°

ОБЗОРНАЯ КАРТА ЗАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ РУССКИМИ С КОНЦА XVI ПО НАЧАЛО XX ВЕКА

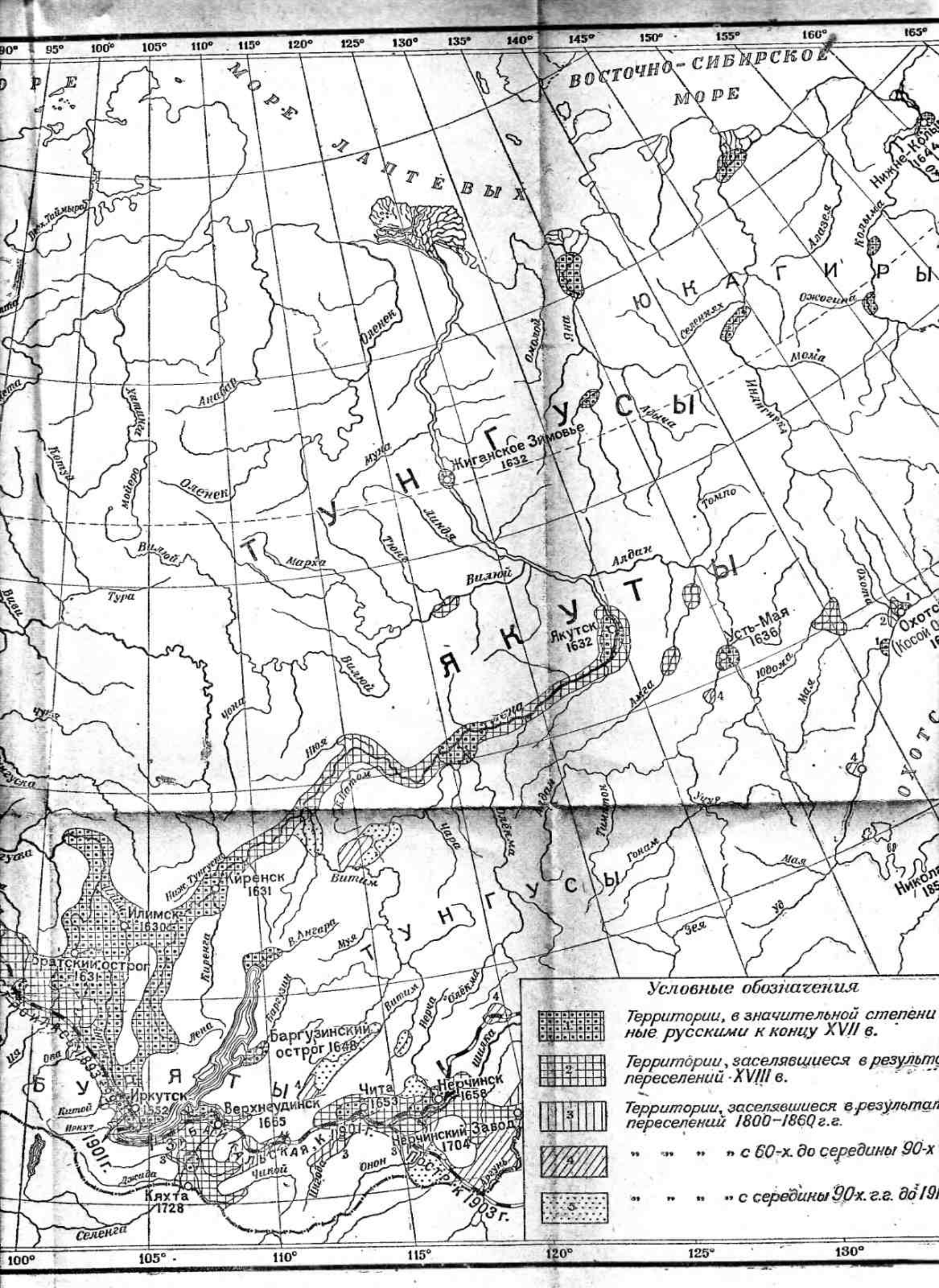
Масштаб
0 10 20 30 40 50 км

Условные обозначения

- **Нерчинск 1658** Важнейшие города и другие населенные пункты и даты их основания
- 1903 Железные дороги, построенные к 1914 г. и даты их постройки

70° 75° 80° 85° 90° 95°

Условные обозначения

-
 Территории, в значительной степени занятые русскими к концу XVII в.
-
 Территории, заселявшиеся в результате переселений XVIII в.
-
 Территории, заселявшиеся в результате переселений 1800-1860 г.г.
-
 " " " " с 60-х до середины 90-х
-
 " " " " с середины 90-х г.г. до 1911 г.